

НОВОЕ ВРЕМЯ

Мария Остен
пыталась защитить
Михаила Кольцова
и была рассрелана
вслед за ним

16

апрель 1993

Не так страшен черт...

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

ОРДЕН ОРЛА – НАГРАДА РОССИИ!

Для участия в конкурсе на соискание Ордена Орла необходимо направить ходатайство предприятия или организации с указанием личных заслуг соискателя, а также платежное поручение о переводе платежа (на любую сумму) – «Спонсорский взнос для организации конкурса» или «В фонд развития Ордена Орла».

Факт платежа свидетельствует о серьезности намерений. По запросу Оргкомитета необходимо будет предоставить дополнительные материалы.

Адрес Оргкомитета:

113452, г.Москва, а/я 16.

**Расчетный счет № 608086 в 1-м Инновационном комбанке,
МФО № 201274 (для «АСТРО»).**

Справки по телефонам: 217-15-82, 217-04-02.

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

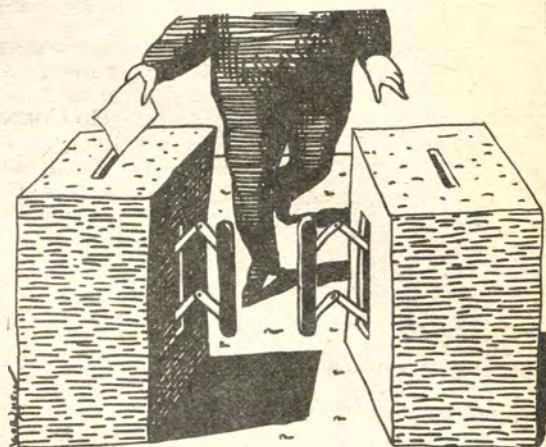
РЕФЕРЕНДУМ. НАКАНУНЕ ДА, ДА, НЕТ, ДА. МИНИ-РЕФЕРЕНДУМ В «НОВОМ ВРЕМЕНИ»	4
Г. Бурбулис «СЪЕЗД – БОЛЬНОЙ ОРГАН ВЛАСТИ»	6
В. Липицкий «ИТОГОВ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО БУЧА ВОКРУГ РЕЗУЛЬТАТОВ»	8
П. Филиппов «ОСТАНОВИТЬ ПОЛИТИКУ, КОТОРАЯ ВЕДЕТ К ВОРОВСКОЙ ЭКОНОМИКЕ»	10
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ Г. Ковальская МОЛОКАНЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В РОССИЮ	11
Н. Калинин ОТ КИРОВКИ ДО КРАСНОСЕЛЬСКА	12
БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ А. Черешня СТАРШАЯ, СТАВШАЯ РАВНОЙ	14

МИР

МЫ И МИР В. Кременюк ИЗ ВАНКУВЕРА В ТОКИО – ЧЕРЕЗ МОСКВУ	18
СБСЕ А. Ковригин ТЯЖЕЛЫЙ БОЛЬНОЙ ВО ДВОРЦЕ ХОФБУРГ	20
ЭФИОПИЯ Я. Боровой ОТХОДНАЯ ПО ПОСЛЕДНЕМУ МАРКСИСТУ В АФРИКЕ	22
МЕКСИКА Ю. Кудимов НАРКОТИКИ ДЛЯ СОСЕДА	26
ФИЛИППИНЫ К. Флорес ВИЗИТ В БАНК С АДВОКАТОМ И ВЫШИБАЛОЙ	28
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ Г. Туманов КАК ИЗГОТОВЛЯЛИ ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ	32
ГЕРМАНИЯ Д. Погоржельский ТРУДНО БЫТЬ СВОБОДНЫМ	38

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СУДЬБЫ Б. Медовой СТРАНА ЧУДЕС ПРОТИВ МАРИИ	42
КУЛЬТУРА А. Дравич «НАМ ВМЕСТЕ СПАСАТЬ НАШИ ДУШИ»	46
ИСКУССТВО Э. Красносельский РЕМБРАНДТ И ФАБЕРЖЕ КАК ФАКТОР ПЯТИЛЕТКИ	50
КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И. Рябов ВИНОВАТЫХ НЕТ. ДЕНЕГ ТОЖЕ	54
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ Г. Бенн К ТЕМЕ ИСТОРИИ	56
ОБРАЗ ЖИЗНИ Г. Осипов «ПОЗВОЛЬТЕ ВАС ПРИНЯТЬ В МОЕМ ГРОБУ»	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ А. Винокуров С КЛАССИКОМ «НА ТЫ»	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Референдум: как дальше жить будем...

Стр. 4

Так начинался «великий вождь»

Стр. 32

Тот, который рискнул умом Россию все-таки понять

Стр. 46

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67**

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Телетайп 113937 Честь.

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 60000.
Заказ №1009**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Обратиться с письмом вынудила нас публикация материалов А.Дубнова об Узбекистане (№ 4,7/93). Тон статей, позиция автора поражают своей безапелляционностью, менторством, напоминают недавние времена, когда указующим перстом бывший центр поучал республики, как им жить.

Автор пытается доказать, что стабильность и порядок в Узбекистане достигнуты якобы путем нарушения прав человека, подавления оппозиции. При этом он ссылается в основном на так называемое народное движение «Бирлик».

Никакого оппозиционного народного движения в Узбекистане нет, а есть группа людей, которая, не сумев увлечь своими программами население, через митинговые страсти встала на путь нарушения законов, оскорбления чести и достоинства высших должностных лиц республики.

Меры правоохранительных органов по пресечению антизаконных действий бирликовцев преподносятся ими и их защитниками как преследование по политическим мотивам.

Тот факт, что «Бирлик» не

стал народным движением, объясняется не репрессиями властей, как силится представить автор, а последовательным курсом на сохранение гражданского мира, межнационального согласия, который поддержан многонациональным народом Узбекистана. Абсолютное большинство здоровых сил «Бирлика» уже давно активно сотрудничает с властями в осуществлении этого курса.

Узбекистан выбрал собственный путь перехода к рынку. Суть его определяют следующие принципы: приоритет экономики над политикой, деидеологизация экономики, государство — главный реформатор, законность, социальная защита населения, поэтапность перехода к рынку.

О всенародной поддержке этого курса свидетельствует абсолютная победа И.Каримова на президентских выборах на альтернативной основе, в которых, к сведению читателей, почти 100 процентов русскоязычного населения голосовало за него, а не за лидеров мононациональной оппозиции.

В тесной увязке с правами человека, якобы нарушаю-

щимися в Узбекистане, распространяется тезис о вмешательстве республики во внутренние дела соседнего Таджикистана. Автор договорился до того, что обвинил Узбекистан в искусственном раздувании опасности исламского фундаментализма с целью оправдания своего вмешательства.

Трудно придумать более нелепое обвинение. Ведь именно президент Узбекистана И.Каримов первым привлек внимание руководителей СНГ, а затем и мировой общественности через свое личное послание Генеральному секретарю ООН Бутросу Гали к событиям в Таджикистане. Он убеждал, призывал мировое сообщество принять меры к прекращению братоубийственной войны, которая при прозрачности границ между бывшими республиками СССР легко могла перебраться к соседям.

13 марта 1993 года президент Узбекистана вторично обратился с посланием к Генеральному секретарю ООН, в котором внимание мировой общественности привлекается к двум вопросам: обеспечению неприкосновенности границы между

Фронтовые фантазии

■ В нашем городе открылся фронт. Ну, не фронт, а маленький такой фронтик, и люди собрались все достойные, и название вон какое замечательное — постоянно действующее собрание патриотической общественности. Сокращенно — ПДСПО. Вам это ничего не напоминает?

Перед нами также и «статья-обращение» организаторов ПДСПО. Начинается она с утверждения, что «...собрание людей разных убеждений сцементировано патриотической ориентацией», то есть перед нами именно патриоты, хотя и «разных убеждений».

Сразу возникает вопрос, а что, все остальные граждане города не патриоты? У них тоже есть убеждения, их тоже волнуют городские проблемы, но... вот не собрались. А если они не патриоты, то кто они? Рассуждая логически и исходя из посылок высокого собрания, трудно угадать, что все остальные — не патриоты, то есть предатели.

Такое уж это слово — патриот, — что другого антонима нет, разве что «космополит безродный». Все равно обидно. И грустно, ибо в этот разряд попадает слишком большое количество людей, чья вина только в том, что они не бьют

себя кулаком в грудь и не заявляют во всеуслышание о своих чувствах. Они просто добросовестно работают на своих местах, будь то лаборатория, цех или даже горсоветовский кабинет, и тем самым радеют за Отечество в меру своих сил и без надрыда.

Далее приводятся три пункта «решения ПДСПО». Во-первых, требование к Протвинскому горсовету отменить решение о выделении земли «группе адвентистов» и впредь «широко обсуждать» все подобные вопросы. Интересно, что при этом отношение к президентскому референдуму у нацпатриотов резко отрицательное. Затем изложен «протест» против декабрьского решения малого совета о поддержке президента и политики реформ и, наконец, объявлено «недоверие» малому совету вместе с требованием переизбрать его. Все. Не густо. И, как видим, принятые решения — сугубая политика, отстоящая от конкретных городских проблем столь же далеко, как и нелюбезные духу ПДСПО лозунги «демократов».

Собрание было анонсировано как «Встреча избирателей с депутатами», а никаких депутатских отчетов так и не прозвучало. Некоторые избиратели поверили объявлению и при-

**Партком
закрыт.
Все ушли
в «патрком»**

**«Пулглувки» —
кто это?**

**Все мальчишки
нашего двора
хорошо знакомы
с «Эдичкой»**

Таджикистаном и Афганистаном и решению проблемы десятков тысяч людей, насильственно угнанных из Таджикистана и удерживаемых в Афганистане.

Нынешнее руководство Узбекистана прилагает огромные усилия, чтобы сохранить мир в республике, политическую стабильность в регионе. В этом оно видит главное условие продвижения по пути независимости.

**Пресс-служба Посольства
Республики Узбекистан в
Российской Федерации**

Москва

■ Ну что вы мне прикажете делать, если я с некоторыми суждениями В.Ганюшкина (№48/92) не могу согласиться? Промолчать? Но это не в моих правилах. Видимо, сказывается в нас наша русская природа. Выражается она в том числе и в склонности к

крайним суждениям. Замечаю я эту склонность и у Ганюшкина. Не все в советском периоде столь уж мрачно и жестоко. Было немало светлого — и в музыке, и в киноискусстве, и в литературе, живописи. Была взаимовыручка, человеческая отзывчивость. Особенно это проявилось в тяжелые годы войны. В советской действительности тяжелое, преступное, бесчеловечное странным образом переплеталось со светлым и добрым.

Пару слов и о языке. Скажите на милость, зачем такие слова: трудовой коитус, гноеботные плоды, пулглувки? Известно, что русский писатель Достоевский очень любил слово творить, но только одно им изобретенное слово принял русский язык — стусеваться.

Арвольд Анучкин-Тимофеев
Москва

■ Направление вашего журнала в целом правильное.

Однако от восхвалений воздержусь. Так, в № 7/93 есть сомнительные моменты, вызывающие определенную озабоченность.

Материал Б.Сарнова про Эдичку Лимонова. Все вроде верно, но есть одно «но»: фраза — «искренного в прошлом писателя». Ха-ха, это же для простачков! Никогда, запомните это навечно, никогда этот «Эдичка» не был искренним.

«Бестселлер» Лимонова ничего, кроме омерзения, не вызывает. Его мат знают все мальчишки нашего двора. Скучный словарь свидетельствует о том, что Лимонов никогда не был блатным, как им он себя пытается представить. Интеллигентный прихлебательный хлюпик с ярко выраженным комплексом неполноценности. Эти свойства натуры плюс желание пако-стить исподтишка и повели его по кривой дорожке. На чем его и подловили, крепко сидит он на крючке и сейчас. Но пытается изобразить из себя нечто этакое, великое, пусть и скандальное.

Откровенно говоря, этот очерк про Эдичку был не нужен. Слишком много чести.

**Евгений Сухих
Новокузнецк**

**Подборку подготовила
Т.Чернова**

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Василия Дубова

шли в надежде получить конкретные ответы на свои наболевшие вопросы. Вопросы опять повисли в воздухе, точнее — в атмосфере конфронтации, умело нагнетаемой активистами. А что обещано? Вот цитата из газетного отчета: «В планах рабочей группы — приглашать на собрания руководителей города, депутатов, членов малого совета (новых или теперешних? — Г.Д.), глав предприятий». Сразу представляется картина — один за другим тянутся в новоявленный «патрком» («патр» — сокращение от «патриотический») за ценными указаниями вышепоименованные лица и особенно «главы»... А, извините, на основании каких полномочий они будут «приглашаться»? Мне, допустим, депутатские сессии тоже не нравятся, но в полномочиях депутатов я не сомневаюсь. Не сродни ли «этих планов громадье» заурядной мании величия?

Кроме эклектики, крикливости, неудовлетворенных амбиций, неразборчивости в средствах есть еще одна черта, которая роднит наш фронт с Фронтом национального спасения. Это невероятное смыкание позиций нацпатриотов и неокommunistов. И там, и там лидеры указанных движений активно проявляют себя, понимая, видимо, что другого шанса прорваться к власти может не представиться. А посему в голове оппозиционной

колонны рука об руку идут и прежние гонимые, и прежние гонители. Надолго ли они вместе? На мой взгляд — до первого поворота в политической судьбе страны, ибо этот временный союз неестествен и внутренне противоречив, а значит — обречен на разрыв.

Выполнив свою задачу и проведя в состав нынешнего горсовета большую часть своих активистов, демократический клуб избирателей распался. Его «отцы-основатели», в основном перекочевавшие в руководящие городские структуры, обещали «поддерживать обратную связь избирателей и депутатов в течение всего срока созыва». Но мало ли что обещалось в предвыборную пору? Ни «Демроссии», ни других демократических партий в городе нет, а между тем воссоздаются коммунистические организации не только пенсионеров при жэках, но и на предприятиях, благо «Зорькин разрешил».

Один поэт времен Великой Отечественной войны как-то написал: «И хорошо мы знаем сами, /что в дни психических атак/ места, не занятые нами, /без промедленья займет враг». Сегодня фронтовая терминология, и в основном усилиями «фронтовиков»-любителей, снова в ходу. Поэт был прав.

**Геннадий Дерновой
Протвино, Московская область**

В РОССИИ И РЯДОМ

РЕФЕРЕНДУМ. НАКАНУНЕ

**Ельцин не подарок.
Но и не Хасбулатов.
И не власть тьмы депутатов**

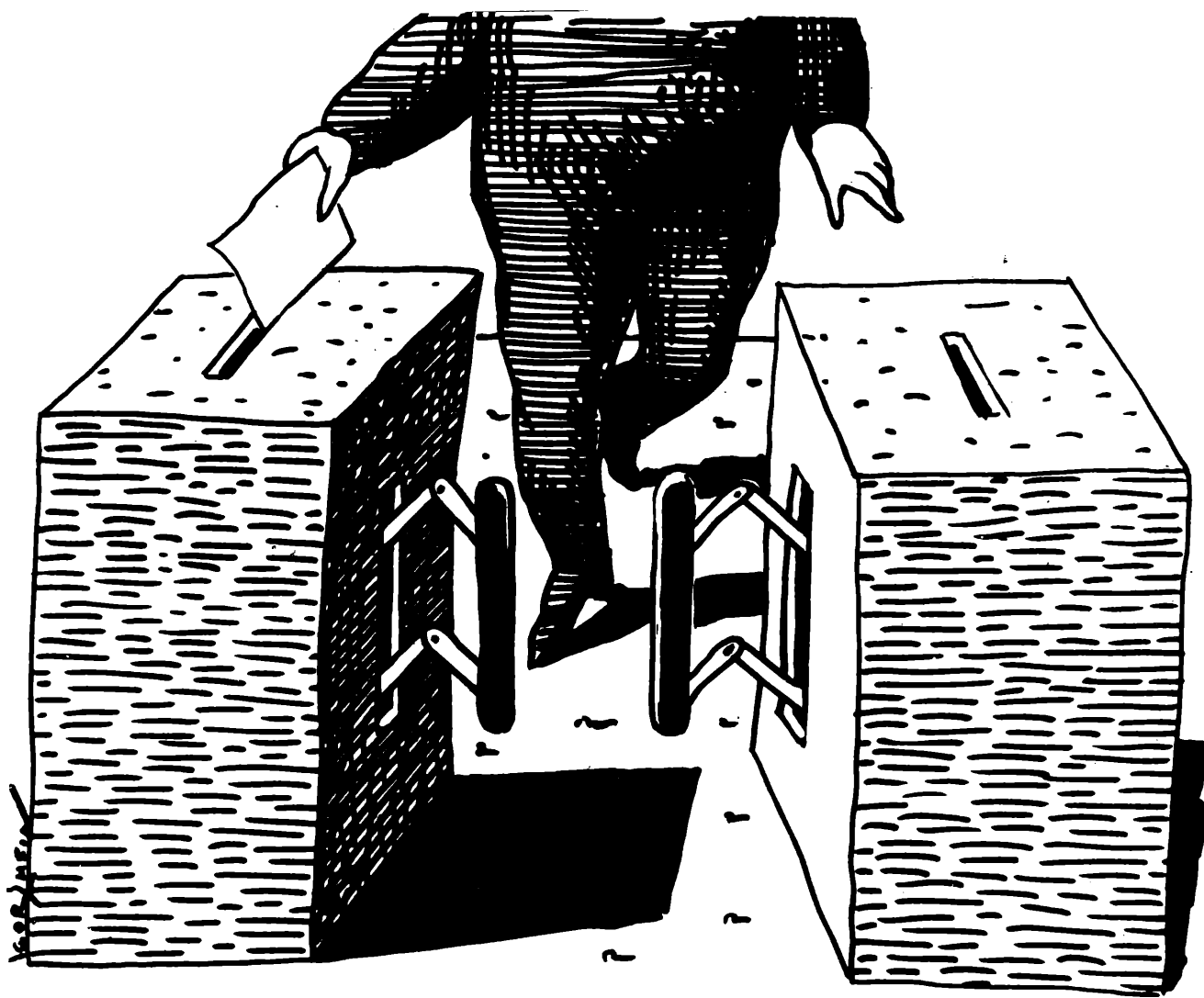

Рисунок Игоря Шеина

Да, да, нет, да

Мини-референдум в «Новом времени»

Читатель нашего журнала знает, что мы не злоупотребляем возможностью высказывать редакционное мнение. Что мы читателю ничего не навязываем, не внушаем. Наш принцип: личные взгляды редакторов не должны отражаться на освещении текущих политических событий. Объективность информации, многосторонность и компетентность оценок — прежде всего.

В обычных обстоятельствах «мнение редакции» — это коллективное мнение авторов, часто спорящих друг с другом. Обычно «мнение редакции» — это отражение плюрализма и либерализма, которые царят в наших рядах.

Предстоящий референдум, однако, заставил нас — журналистов «НВ» собраться и провести свое мини-голосование.

На первый вопрос

«ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПРЕЗИДЕНТУ?» мы отвечаем ДА.

Президент Ельцин доказал свою приверженность реформам, которые, как мы убеждены, совершенно необходимы для возрождения и расцвета России. Его заслуги перед демократией неоспоримы. Именно он имел мужество приступить к действительным преобразованиям. Он взял на себя самое трудное. Да, он был непоследователен, его меры иногда были несвоевременны или неадекватны. Но его политический образ сросся с реформой. И поэтому есть надежда, что, пока у руля Ельцин, будут продолжаться преобразования и не последует отката назад. В отличие от других действующих лиц нашей политики Ельцин — не темная лошадка.

На второй вопрос

«ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ БОРИСА ЕЛЬЦИНА?» мы тоже говорим ДА.

Это трудное ДА. Но мы говорим ДА, потому что понимаем, что на самом деле в формуле вопроса маскировка для совсем другого вопроса — вы за реформу или против?

Мы говорим ДА, потому что не верим социальной демагогии, которую берут на вооружение оппоненты Ельцина. Не верим в то, что все могло пройти благополучно и без жертв. Альтернативы экономической рыночной реформе нет, и, кто бы ее ни проводил, события пошли по более или менее одинаковому, увы, очень трудному руслу.

Тяготы реформенной поры коснулись нас, как и всех других, в полной мере. Но мы хотим, чтобы правительство и президент работали, продвигая реформу, и не хотим, чтобы им мешали делать дело. Мы отвечаем ДА, потому что наше «нет» могут использовать для того, чтобы прогнать правительство и свернуть преобразования.

Тот, кто по совести не может ответить «да», но и «нет» говорить не хочет, поскольку не желает участвовать в чужой игре, решил унести бюллетень с собой — чтобы не дать возможности кому-то другому использовать этот бюллетень, чтобы так выразить протест против лукавой и коварной формулировки вопроса.

На третий вопрос

«ВЫ ЗА ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА?» мы отвечаем НЕТ.

У нас есть претензии к Борису Ельцину, причем самого разного плана — кому-то кажется, что он недостаточно радикален, что надо форсировать и расширить преобразования. Кто-то, наоборот, упрекает его в том, что он «гонит» реформу, забывая о самочувствии людей. Кто-то недоволен тем, что он «цапается» со съездом, а кто-то, напротив, — тем, что он не умеет найти общий язык с депутатами. Однако в России сейчас нет общенационального лидера, который смог бы, как Ельцин, силой своего авторитета и известности цементировать страну, держать ее воедино на крутом вираже переходного периода от тоталитаризма к демократии.

Президент не исчерпал своих возможностей. У него еще есть долг перед нами — он сможет уйти тогда, когда оставит нам нормальный и стабильный конституционный порядок.

Мы убеждены, что президент должен остаться и потому, что, воспользовавшись случаем, депутаты могут вообще упразднить президентство и поднять под себя правительство, чтобы диктовать ему свою небескорыстную волю.

На четвертый вопрос

«ВЫ ЗА ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ?» мы отвечаем дружным и громким ДА.

Этот вопрос не вызвал никаких разногласий. Мы давно разочарованы съездом, самой конструкцией — громоздкой, неэффективной, зараженной на обслуживании исключительно собственных корпоративных интересов. Мы давно разочарованы и деятельностью депутатов — их некомпетентностью и готовностью переложить ответственность на кого угодно, их склонностью к бесконечному самовозвеличиванию.

Съезд исчерпал себя. Невозможно вспомнить ни одного конструктивного предложения депутатов по выходу из тяжелой экономической ситуации, ни одной значимой политической инициативы. Когда мы говорим «съезд», то вспоминаем самые невероятные по самодурству проекты постановлений, самые недемократичные поправки к конституции. Иным съезд уже и не может быть. Он должен уйти в небытие.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Размышления Геннадия Бурбулиса, Василия Липицкого, Петра Филиппова — на страницах 6–10.
Материалы рубрики «Референдум. Накануне» подготовили Марина Шакина и Аркадий Дубнов

Геннадий Бурбулис:

«Съезд — больной орган власти»

Геннадий Бурбулис вернулся к Борису Ельцину?
Во всяком случае, из политики он не уходил

«Новое время». В «Российской газете» был опубликован любопытный документ, который, как утверждается, вышел из-под вашего пера — план мероприятий к референдуму. С чего такой переполох? План подобного рода всегда есть в любой избирательной кампании и никакого криминала в этом нет. Вы действительно возглавляете штаб по подготовке референдума?

Геннадий Бурбулис. Это фальшивка. Мне даже не хочется об этом говорить.

«НВ». Существует довольно распространенное мнение о том, что референдум 25 апреля не повлечет за собой никаких юридических последствий — при любом итоге голосования. Что смысла в нем мало. А как вы оцениваете значение референдума?

Г.Б. Нельзя оценивать референдум, не формулируя некоторые основания, исходные предпосылки.

Во-первых, нельзя забывать, что съезд — больной орган власти: больной и этически, и объективно-политически, и исторически, и, наконец, психически. А это означает, что, пока существует этот орган, есть риск для общества и государства, связанный с возможностью съезда, с его явочно присвоенным правом принимать решения, которые по своему содержанию и последствиям могут иметь чрезвычайный характер. Если задумаешься над этим, то приходишь к выводу, что решение о референдуме было содержательным.

Я убежден, что референдум даже в этом демонстративно-циничном (если иметь в виду формулировки вопросов и способ подсчета голосов) оформлении имеет безусловный политический смысл. Этот смысл прежде всего состоит в том, что восстановлено право российских избирателей заявлять свою политическую волю и гражданскую позицию.

Кроме того, дни перед голосованием как бы некоторая передышка, пауза в политической гонке. Каждый может использовать эту паузу, чтобы «остановиться, оглянуться» и попытаться дать ответ на самый трудный вопрос сегодняшней жизни — что на самом деле происходит? И как это затрагивает интересы каждого?

Референдум позволяет перевести дискуссию об историческом будущем России из высших эшелонов власти на самую реальную почву — на почву позиции большинства избирателей. Вопрос о смысле и содержании политической борьбы, протекающей в верхах, переводится в головы и души людей — заставляет их делать ответственный выбор, и это общее достижение.

«НВ». Вы говорите о самом общем значении, но ведь у референдума будут и конкретные результаты...

Г.Б. Рассмотрим несколько вариантов. Если на первый вопрос о доверии Ельцину мы получаем большинство голосов, то это становится самым необходимым политическим основанием и политической опорой для президента и его курса.

Мы получаем так же опосредованный юридический смысл ответа, так как навряд ли после этого народные депутаты на последующих съездах смогут поднимать вопрос об отрешении президента от власти.

Доверие президенту может стать существенным стимулом лично для Бориса Ельцина, нуждающегося сегодня в точной последовательной программе действий. Это будет для него дополнительный источник политической энергии и реформаторской воли.

Если вопрос о доверии президенту не набирает подавляющего большинства или если население проигнорирует референдум, то это станет свидетельством массового пренебрежения избирателей ко всем ветвям власти. Это будет прямой сигнал к досрочным выборам.

Второй вопрос. Отвлечемся от всего лукавства, с которым сформулирован и вынесен на референдум вопрос о социально-экономической политике президента... Съезд по сути дела сам себя высек, так как весь последний год он с пафосом доказывал всем окружающим, убеждая и самого себя в том, что является носителем верховной власти в этой стране. И вдруг он отрекается от этого на время и выносит себя за скобки государственных дел.

Вопрос сформулирован столь некорректно, что среди отвечающих «нет» оказываются и те, кто недоволен медленным темпом и малым размахом реформ, и те, кто, напротив, хотел бы свести их на нет. Но сделаем вид, что вопрос заслуживает того, чтобы на него отвечать всерьез, и мы получаем новые возможности. Во-первых, возможность показать, что доверие личности президента предполагает доверие к содержанию его деятельности и понимание того, что реформы такого масштаба не могут проходить с одинаковыми последствиями для всех слоев населения. Доверие к президенту предполагает понима-

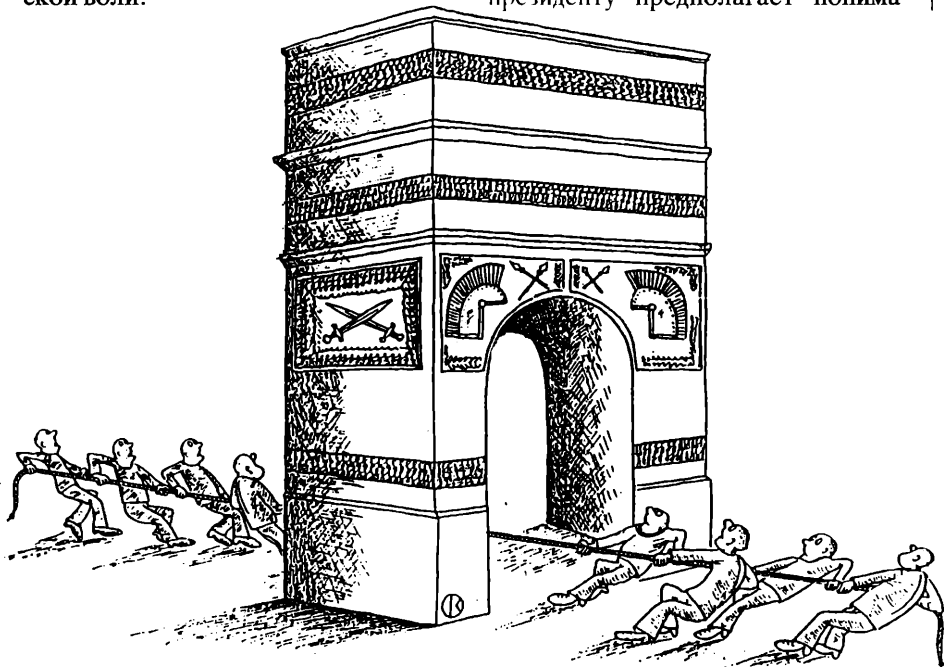

Рисунок Владимира Солдатови

ние существа самих преобразований.

Поставив этот вопрос, депутаты дают нам шанс еще раз объяснить друг другу и избирателям, каково сегодня было бы состояние российской экономики и общества, если бы президент не приступил к реформам. К сожалению, мы практически не объясняли это раньше.

Третий вопрос — о досрочных выборах президента. Борис Ельцин призывает избирателей сказать «да» на все четыре вопроса, в том числе и на этот. Это и политически мужественно и нравственно достойно. Но смысл голосования — не решить какие-то персональные вопросы, а приобщить избирателей к определению исторического будущего России. Отставка Ельцина не поможет преодолеть те глубинные противоречия, в условиях которых и родилась идея референдума. Третий вопрос имеет смысл — как раз в том, чтобы ответить на него «нет» и усилить доверие президенту.

Четвертый вопрос весь на виду. Он давно поставлен в обществе, уже давно готов массовый ответ, и на референдуме мы лишь получим подтверждение очевидному. Это предопределено.

В конечном счете могут быть найдены и правовые последствия референдума — не столь уж малозначимые, как кажется. Получив «да» на первый вопрос, Ельцин обретает надежную защиту от посягательств депутатов на его полномочия и функции.

Получив «да» на четвертый вопрос, мы фиксируем исчерпанность нынешней системы представительной власти — не только по составу депутатов, но и по ее устройству. Политическая реформа становится

не только требованием президента и объективной необходимостью, но и массово поддержанным шагом.

«НВ». Как могут развиваться события после референдума? Какова будет тактика различных политических сил?

Г.Б. Референдум, я думаю, делает неизбежным вопрос о том, кто, когда и при каких обстоятельствах должен принимать новую конституцию. Когда этот вопрос перерастет в понятную задачу всего общества и государства, то появится возможность ввести в политический оборот две идеи.

Во-первых, конституционный закон о переходном периоде, определяющий самые исходные, самые необходимые минимальные нормы сосуществования и взаимодействия президента, правительства и законодательных федеральных и республиканских, федеральных и региональных органов и институтов власти.

Объективно мы не можем сейчас претендовать на новую конституцию — пока мы находимся в ситуации перехода, излома.

Если съезд окажется глухим и невосприимчивым к объективной логике ситуации, то остается вариант форсированного сбора подписей под новый референдум, на который уместнее всего вынести вопрос об избрании конституционного собрания и о базовых принципах новой конституции.

Кстати, не исключаю, что конституционное собрание может принять и этот самый конституционный закон. Ведь сегодня нет гарантий, что новые выборы, в том числе и в это собрание, смогут отразить в полной мере динамику интересов во всех слоях российского общества. Нет гарантий, что избранный се-

годня форум сможет с полной ответственностью оставить нашим потомкам совершенный основной закон государства.

«НВ». Но ведь оппоненты президента не будут сидеть сложа руки. И толковать итоги будут по-своему...

Г.Б. Их тактика тоже на виду. Прежде всего последуют попытки со стороны реваншистской группировки провалить референдум — либо своим бездействием и пассивностью, либо сознательными действиями, направленными на срыв голосования, в том числе через тех людей, которые отвечают за его организацию.

Второе, что очень и очень тревожит: боясь результатов референдума, наши оппоненты могут попытаться обострить ситуацию. Мы не должны забывать, что последние три месяца оппозиция усиленно пропагандировала лозунг о том, что референдум поляризует и разорвет общество, что он приведет к гражданским столкновениям. Я знаю, что за этим мало что стоит, но не исключаю, что у самых неуправляемых и реакционных сил появится искушение еще до референдума эту угрозу воплотить в жизнь.

После референдума у реакционных сил может быть несколько тактик. Одна из них — форсированная подготовка к следующему съезду, создание условий для расправы над экономическим курсом. Итоги референдума могут быть оставлены без внимания.

Голосуя на референдуме, нужно помнить, что временная передышка, данная Борис Ельцину и всем нам со стороны съезда, будет использована для подготовки очередных атак. Отвечая «нет» на второй во-

прос, мы поощряем посягательства на реформу. Зная это, нам будет легче выбрать правильный ответ.

После референдума рассеется наконец туман вокруг реального политического расклада сил в России, поскольку в обнаженной ситуации выбора неизбежно произойдет кристаллизация политических платформ.

Я всегда говорил, например, что центристская позиция — это не просто отмежевание от крайностей разного толка, а собственное мировоззрение, собственная идеология, утверждающая некие политически содержательные взгляды. Центризма у нас пока нет.

«НВ». Ходят глухие слухи, что, наоборот, демократы готовят «сюрприз» за неделю до референдума... Оппозиция всегда утверждала, что как раз демократы не хотят и не умеют играть по правилам честной игры, что они всегда стремятся накалить обстановку, так как им это выгодно.

Г.Б. Все это мне знакомо.

Съезд утверждает, что депутаты — единственный гарант демократии и стабильности. Съезд говорит об угрозе диктатуры со стороны президента. О том, что депутаты не позволят интересы большинства ставить в угоду и в зависимость от взглядов кучки неудавшихся реформаторов. То же самое говорит и противоположная сторона. Но не по словам судите, а по делам.

Свободные цены, проводящаяся программа акционирования, меры, ограничивающие бесконтрольное кредитование предприятий, адресная поддержка отраслей, привлечение иностранной помощи и займов — сегодня именно эти шаги поддерживают экономик в рабочем состоянии и обеспечивают удовлетворительное насыщение потребительского рынка. Трудно, но по крупицам собирается представление о новом обществе, о новой экономике России.

«НВ». На ваш взгляд, самым вероятным последствием съезда станет импичмент, роспуск или новые выборы?

Г.Б. Самый вероятный итог референдума — победа президента и его курса. И после этого два варианта: съезд принимает эти результаты к сведению и возвращается к теме «конституционный закон переходного периода» и отодвигает на какое-то время собственные перевыборы. Или съезд, продолжая линию реванистского большинства, пытается вновь предъявить счет правительству и президенту. Возможно, назначает на какую-то дальнюю перспективу перевыборы. И пытается втянуть в новые выборы президента.

Думаю, что 25 апреля сильно повлияет на мироощущение большого числа депутатов, поскольку покажет, что они уже не могут с легкостью заявлять о том, что говорят от имени тысяч избирателей.

Василий Липицкий:

«Итогов не будет. Только буча вокруг результатов»

Партия Руцкого — это на самом деле Василий Липицкий

Новое время». Как вы относитесь к референдуму 25 апреля?

Василий Липицкий. Мы всегда относились к этой затее без энтузиазма. Референдумы хороши для прояснения каких-то конкретных вопросов, например о сокращении сроков воинской службы, о вхождении в какое-либо экономическое сообщество или военный союз.

Те вопросы, на которые предлагают ответить нам, явно не референдумные. Для меня совершенно очевидно, что референдум не даст юридически значимых результатов. Единственно, возможно, что в ответах на четвертый вопрос — о досрочных выборах депутатов — наскребется достаточное число голосов: пятьдесят процентов от списочного состава избирателей плюс один. Все остальное только добавит пищи для разговоров. Каждая сторона объявит себя победительницей, так что, мне кажется, после первого мая следует ожидать очередного витка напряженности.

«НВ». Выработал ли «Гражданский союз» свою позицию?

В.Л. Вырисовывается следующий ответ на третий и четвертый вопросы — о досрочных выборах президента и депутатов — да. А первый и второй — о доверии Ельцину и его социально-экономической политике — будут отданы на усмотрение местных организаций и каждого члена

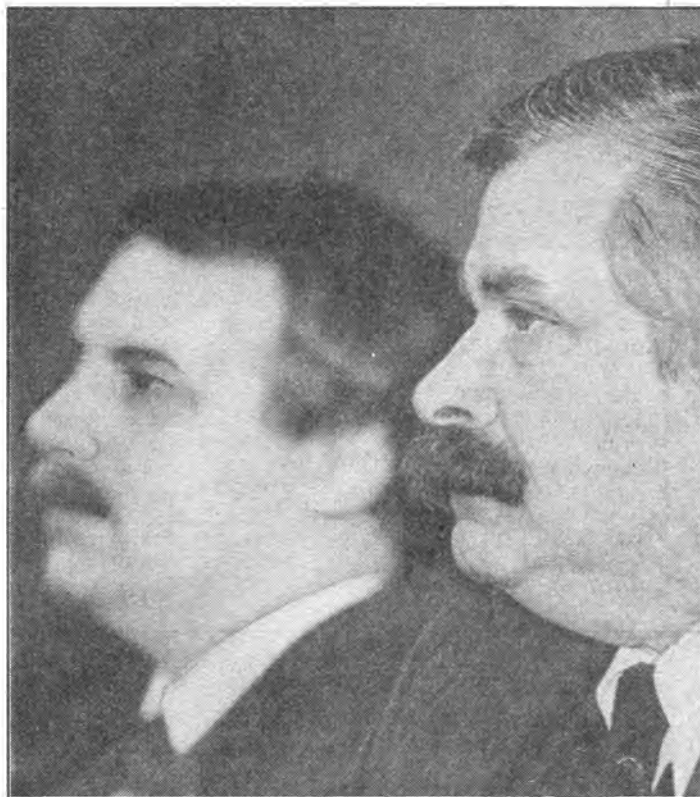

Фото Аркадия Дубнови

«Гражданского союза» в связи с полным отсутствием какого-либо политического смысла в этих вопросах.

«НВ». Вам не нравится референдум. Но ведь парламентская фракция вашей партии, как и весь съезд, в конце концов согласилась на него?

В.Л. Съезд не столько согласился, сколько уступил натиску. Нужно все время помнить, что инициатором был президент.

«НВ». Да, но депутатам потребовалось три съезда и два обращения президента к народу, чтобы пойти Ельцину навстречу...

В.Л. К сожалению, съезд работает очень неэффективно. Но я поддерживаю все аргументы против референдума, прозвучавшие на съезде.

«НВ». То есть вы считаете, что

референдум — это каприз Ельцина, что он на нем настаивал от нечего делать?

В.Л. Если говорить от начала начал, то вся ситуация искусственная. Проблемы противостояния властей не существует. Есть некоторые личные проблемы.

Я считаю, что с нынешним съездом при всей его громоздкости можно работать. Для этого нужно только одно — отказаться от силовых методов. Не заготавливать неожиданные ходы, а постоянно в течение месяцев встречаться с депутатами, убеждать их, аргументировать свою точку зрения. Это дает почти стопроцентный результат. А сейчас главное, чтобы состоялись выборы.

«НВ». Но почему съезд не проголосовал за выборы?

В.Л. Это очень трудно идет. Это затрагивает лично каждого...

«НВ». А что касается силовых методов, то и съезд тоже любит их, только его сила — это поправки к конституции...

В.Л. Да, да, поправки о президентстве, например...

«НВ». Понимаю вашу иронию, но имею в виду последние поправки, ограничивающие народовластие.

В.Л. Очень много дурного делается, но! Но делается уже в условиях силового противоборства. С президентской стороны следуют вещи, не поддающиеся никакому логическому объяснению. Например, последний съезд уже кончался, когда Борис Николаевич вышел на трибуну в субботу вечером. Уже ничего не мо-

гло произойти — никакого импичмента. Все сидели тихо, все хотели домой. Зачем надо было Ельцину выступать и заявлять о своем несогласии с депутатами, что им двигало?

«НВ». Но проект постановления был совершенно провокационным!

В.Л. Но ведь это же пустая болтовня! Кроме того, проект только ставили за основу. При обсуждении в нем не осталось бы и половины того, что в нем было. А если президент хотел что-то отсюда убрать, достаточно было бы переговорить с пятью депутатами, которых съезд слушает. И все.

Представьте себе, что вы — президент. Вы хотите внести поправку и знаете, что к вам плохо относятся. И к Пономареву тоже. Зачем вы поручаете вносить поправку Пономареву? Почему не Новикову или Головину? А для этого всего-то надо: не заявлять, как Ельцин, когда он приглашал к себе руководителей фракций, «позовите всех, кроме Головина», а встретиться с ним, побеседовать, погладить его по головке... Головин внесет президентскую поправку, ее проголосуют и никто даже не узнает, что она исходит от Ельцина.

«НВ». Но ведь Митюков — их же депутат — говорил о том, что постановление о телевидении противоречит закону, что понятие «служба информации» расплывчатое и неконкретное, но ведь его не послушали...

В.Л. Это уже в другой атмосфере. Не надо эту атмосферу соз-

давать. Вот, например, эти уходы президента. К чему?

«НВ». Но любой другой человек ушел бы сразу, не стал бы выслушивать эти оскорбления и выпадать...

В.Л. Не забывайте, эти люди сделали Ельцина председателем Верховного Совета и президентом России. У Ельцина была возможность делать все, что он хочет. Его программа реформ поначалу была воспринята с энтузиазмом. А он за короткий срок создал себе оппозицию, которая уже готова его самого съесть. Отчего это вдруг депутаты стали плохими? Ельцин не работает с депутатами, не занимается парламентской тактикой. Порой как будто специально настраивает их против себя. На этом проигрывает.

«НВ». Каковы, на ваш взгляд, будут итоги и последствия референдума?

В.Л. Скорее всего никаких — ни итогов, ни последствий. Это по большому счету. А вообще будет буча вокруг результатов.

«НВ». И съезд объявит импичмент президенту...

В.Л. Да никогда не объявит. Там невозможно объявить импичмент.

«НВ». Ну почему? Не хватило всего несколько десятков голосов. Например, подговорят вашу фракцию...

В.Л. Да невозможно это сделать. Ведь число голосов за отставку Ельцина было заранее просчитано и все знали, что получится. Все делали подсчеты и цифры у всех фракций сошлись до единого депутата. Зачем нужна была эта игра с голосованием в кабинетах?

«НВ». А с переизбранием Хасбулатова? Это уже просто неприлично — устраивать такой фарс...

В.Л. Там было не все так просто. Очередное закулисное соглашение Хасбулатова с президентом действительно вызвало волну негодования. Был всплеск эмоций, а затем, когда стали немножко думать, то сообразили, что Ельцин-то останется, а Хасбулатов «полетит».

«НВ». Думаете, не объявят импичмент?

В.Л. Никогда в жизни. Это невыполнимо. К тому же, учтите, после референдума последует спор о толковании результатов, но съезд никто созывать не будет. Поскольку Руслану Имановичу была показана желтая карточка, он не будет торопиться с созывом внеочередного съезда... Так что до июня вряд ли что-нибудь произойдет.

А в июне, я очень надеюсь, депутаты примут решение о выбо-

Рисунок Василия Дубова

Петр Филиппов:

«Остановить политику, которая ведет к воровской экономике»

У Петра Филиппова — демократа среди парламентариев и экономиста среди демократов — свой ракурс

— Мне представляется, что независимо от результатов референдума выборы неизбежны: и депутатов, и президента. Я не знаю, будет ли Ельцин баллотироваться на второй срок, но я бы посоветовал ему это сделать, потому что сегодня нет другого лидера, который мог бы олицетворять движение к радикальным рыночным реформам, к конкурентному рынку, основанному на частной собственности.

Проанализируем два варианта.

Первый: победу одержал нынешний Верховный Совет и съезд народных депутатов. Я боюсь, что это была бы национальная катастрофа. С таким трудом восстановленная финансовая система, рубль, который — хотим мы или не хотим — становится желанным средством платежа, были бы в этом случае похоронены.

Посудите сами: бюджет, принятый на 1993 год, предусматривает дефицит, который равен сумме налоговых поступлений. Это значит, что каждый второй рубль, выплачиваемый учителям, врачам, офицерам, будет по существу фиктивным, не обеспеченным товарами. Кредитная экспансия Центрального банка, стремление накачать страну бумажными рублями — это основа инфляции.

Деньги сегодня просят все: регионы, убыточные предприятия, захудалые колхозы и совхозы. Им нет дела до того, что кредитная эмиссия обесценивает рубль, заработную плату, сбережения. Их интересует одно: получить. И они идут на все. Всякого рода «жучки» ходят по коммерческим банкам и предлагают устроить централизованный кредит на сумму два, три, пять миллиардов рублей — только при условии: 15 процентов наличными — «жучку».

Раз есть такие «жучки», значит, есть реальные связи между представителями Центрального банка и потребителями кредитов. Жалобы на коррупцию идут постоянно. Львиная доля средств, выделяемых северным регионам и на конверсию, остается в Москве.

Так будет продолжаться до тех пор, пока централизованные ресурсы не начнут продаваться на аукционе. А пока этого нет, выгодно брать кредит у Центрального банка — даже под 100 процентов годовых, покупать товар, его продать, а через несколько месяцев вернуть кредиты и еще себе оставить большой навар.

И именно в условиях инфляции удобно это делать. Кто получает кредиты, тот получает богатство. Эта политика, поддерживаемая большинством в Верховном Совете, на съезде, ведет к воровской экономике, к блатному распределению кредитов. Тот, кто получает квоты и лицензии на экспорт леса, нефти, обога-

щается на наших глазах. За это чиновники получают бешеные взятки.

Нынешний Верховный Совет и многие его сторонники в правительстве, такие, как Хижа, начисто отвергают принцип «все мы равны перед рынком». Они хотят точных финансовых вливаний, адресных кредитов, налоговых льгот своим людям. Эта экономика построена на личных связях. Не на предприимчивости, не на инициативе, а на принадлежности к своему клану.

Нынешний Верховный Совет — это скопище групп со своими региональными или профессиональными интересами. Да, лоббирование — это общепринятая практика во всех цивилизованных парламентах. Но, господа, надо же играть честно, даже в карточной игре шулер получает канделябром по голове. Мы же похожи на сумасшедшую команду и пассажиров судна, попавшего в шторм, которые рассердивают заклепки, чтобы продать листы обшивки в ближайшем порту...

В случае победы президента на референдуме появится возможность создать сильное правительство, способное проводить сильную антиинфляционную политику. Тогда есть шанс, что путем жестких финансовых ограничений мы получаем твердую национальную валюту, останавливающую рост цен. В этом случае выгоднее становятся не посреднические операции, а производство. Пока мы не остановим рост цен, безнадежны любые налоговые льготы тем, кто направляет средства в производство. Они их тут же переведут в торговый оборот.

Уверен, что за перевыборы депутатов проголосует на референдуме абсолютное большинство избирателей. По второму вопросу президент вряд ли соберет большинство, но по первому — о доверии — оно будет получено.

Фото Аркадия Дубнова

Рисунок Владимира Мочалова

Молокане возвращаются в Россию

Галина Ковальская

Несколько лет назад, когда никто еще не знал, что вскоре им придется не просто сниматься с места — бежать из обжитой, освоенной деревни, к ним из Москвы приезжали психологи. Показывали картинки: на одной — горы и водопад, на другой — лес, поле, равнинная река. Спрашивали: «Что вам ближе?» Отвечали по-разному, чаще так: «Вот здесь (где лес. — Г.К.), конечно, красиво и покойно... А только вот это (где горы. — Г.К.) все ж мне привычнее». Но по итогам обследования психологи решили, что где-то на уровне подсознательной памяти молокане, живущие в Армении, сохранили привязанность к среднерусскому пейзажу.

А их собратья, которые еще в 60-е годы переселились из Армении под Пензу (собственно, не так «переселились», как вернулись после полтора-два года отсутствия), поют теперь грустную, тоскливую песню про «страну мою милую, закавказскую, родную...» Вот и разберись, где она, родина, и вправду ли она всегда только одна.

В чужом пиру похмелье

Тридцать две молоканские семьи из армянского поселка Красносельск, что на границе с Азербайджаном, живут или, вернее, размещаются сейчас на территории бывшего пионерлагеря в Калужской области. С августа 1992 года их село постоянно простреливалось, с декабря снаряды все чаще залетали в Красное (так они называли свой Красносельск). То днем, то ночью, все чаще и чаще: у кого полдома своротило, кому скотину покалечило. Когда погиб тридцатидвухлетний отец семейства, которого и похоронить настоящему, по-молоканскому обряду, помешал обстрел, поняли, что жизни здесь все равно не будет.

Колонна, которая привезла им гуманитарную помощь, по их настоятельной просьбе вывезла в Россию 92

**Молокане
вернулись на
историческую
родину
беженцами с
чужой войны.
Не столько им,
сколько
России надо,
чтобы их
община не
рассыпалась,
не растерялась**

человека. Разумеется, почти без вещей — с чемоданом, сумкой, не больше — и почти без денег.

Душа изболелась за тех, кто остался. Первое и главное, о чем просят: «Помогите им выбраться!» Кое-как своим ходом добрались до Калужской области еще сорок четыре человека, но такой дороги, что называется, врагу не пожелаешь: мало того что немислимых денег стоит нанять машину (тем немногим счастливым, кому удалось продать дом, пришлось расстаться практически со всей вырученной суммой), еще и беспрерывные разбойные нападения по дороге через Грузию и Осетию, грабежи («Всех освежали», — выразительно сказала шестидесятипятилетняя баба Дуня), попытки изнасилования...

Многие семьи оставили на месте мужчин или старших, чтобы те попытались потом хоть как-то вывезти вещи. Связи с районом боевых действий нет, ничего о родных не известно.

Еще тревога: через границу, на азербайджанской территории, два молоканских села. Конечно, из поколения в поколение общины дружили, многие породнились. Каких-нибудь два года назад и армянские и азербайджанские посты пропускали молокан через границу друг к другу: на «кстины» (так здесь называют крестины), свадьбы, похороны... Последний год оборвана всякая связь, о судьбе тех общин тоже ничего не знают.

Слушаешь невеселые исповеди о пережитых страхах, бедах и ловишь себя на мысли: «Почему уж если говорят о судьбе русскоязычных за рубежом, то в первую очередь думают о проблемах языка, гражданства, о бытовой русофобии? Все это, конечно, важно, но не выпали ли из поля нашего зрения те наши соплеменники, которые оказались в полном смысле слова жертвами чужой войны? Кто-нибудь хотя бы посчитал, сколько их? Ведь совершенно очевидно, что именно их следует вывезти и расселить в первую очередь!»

«И мы всегда в гости ходили к нашим, да и армяне всегда к азербайджанцам в гости ходили. И кому это все понадобилось?» — «А

Посол России в Армении Владимир Ступишин (слева) в молоканском поселке Красносельск. Справа — молоканин Афанасий Малашихин. Посольский визит пришлось прервать из-за артобстрела

кто больше стреляет? Азербайджанцы?» — «Да разве разберешь? То наши выстрелят — те ответят, то те начинают палить — наши отвечают. (Наши: это армяне — соседи из Красносельска и ближайших сел. — Г.К.) А мы у самой границы, все через нас. Снаряд-то, он нешто разберет, русский ты, либо армянин, либо азербайджанец...»

Русские протестанты?

Молокане — довольно поздняя (конец XVIII века) и наиболее «книжная» из русских сект. Как и другие антицерковные движения, и в России и в Европе молоканские проповедники упирали в основном на личное, непосредственное общение с Богом каждого верующего. Обряды, таинства, почитание святых и икон они отрицают как дань идолопоклонству, а единственным источником истины признают Священное Писание; причем и Ветхий, и Новый заветы следует согласно молоканской вере воспринимать как метафору, не догматически.

Главный элемент их богослужений — молитвенные собрания, которые сводятся к пению псалмов и совместному чтению отрывков из Писания и толкованию прочитанного. Никакой иерархии, естественно, нет — собраниями руководит пресвитер, обычно пожилой и наиболее

просвещенный из общины. На что больше всего похоже? Западные протестанты: квакеры, баптисты...

Когда познакомишься с ними поближе, понимаешь, что сходство не просто внешнее. Важнейший, по Веберу, элемент протестантской этики, которая и сотворила современное западное процветающее общество, — обогащение через честный труд при готовности помочь бедным и попавшим в беду — едва ли не основа этических представлений и у молокан. «Как вы здесь устроились?» — «Слава Богу, здесь как у Христа за дверью: и жилье, и еда... Вот только... Уж сеять пора, как же мы без земли? Что ж, так и будем жить у России нахлебниками?»

Сколько помнят, всегда жили богато. Правда, такого слова не произносят — предпочитают подчеркнуть, что «крепче соседей». И почти по Абалкину: «Как работали, так и жили».

В начале 30-х годов прошлого века царское правительство приняло решение переселить все неортодоксальные общины в Закавказье. Предполагалось решить две задачи: убрать смутьянов из центра и колонизовать только что присоединенное Закавказье, населив его русскими. До конца этот замысел так и не был осуществлен, но при Николае I, в 30–40-е годы, переселились очень многие: там им выде-

ляли землю и, главное, разрешали отправлять свои богослужения, не опасаясь репрессий.

На рубеже веков молоканские хозяйства были самыми зажиточными и культурными. Почти поголовно грамотные, непьющие, с большими крепкими семьями, с надежной страховкой на случай неудачи (общинная взаимовыручка обязательна) молокане охотнее других шли на введение различных технических и агрономических новшеств. Архивы сохранили свидетельства того, что в начале XX века молоканские общины нередко выписывали и специальную агрономическую литературу.

Как пережили коллективизацию? Смирненно, поскольку завет апостола Павла, что всякая власть от Бога, почитается молоканами как важнейшая заповедь. Основанные на базе общин колхозы-совхозы тоже довольно быстро превратились в образцовые процветающие хозяйства. Репрессии? Красносельцев не коснулись, они этим гордятся: «У нас доносчиков не было, никого и не тронули».

Нужны России сегодня и сейчас

Удивительным образом эти беженцы не похожи на других. Они не жалуются — рассказывают об об-

От Кировки до Красносельска

Молоканские села в Закавказье уже несколько лет как между молотом и наковальней

В конце сентября 1990 года я был среди наблюдателей на выборах народных депутатов Азербайджана.

Так я оказался в селе Кировка Шемахинского района. Названию села я не придавал значения, решив, что оно дано в честь одного из советских вождей. Утром на избирательном участке русские лица встречались не чаще, чем в Баку. Я не задумывался о том, что интернациональные села на Кавказе (да и не только) — скорее исключение, чем правило. Часа через три после начала выборов неожиданно оказалось, что я нахожусь в русском селе и живут в нем **молокане**.

На участок пришла первая группа молокан — человек восемь женщин и мужчин, одетых до того необычно,

После приказания матери («Быстро домой — вон осколки-то летают») Вася Малашихин пять минут посидел под крышей. Через секунду он уже снова на дворе...

что хотелось протереть глаза. Мне показало, что нахожусь на съемках исторического фильма. Как будто они вышли из XIX века: женщины в передничках, нарядных платьях, мужчины в картузах и при бороде. И лица у всех — как у американских актеров — улыбочивые. Но еще — приветливые, добрые, умные. Я в них всех сразу влюбился. Смотрел на них и отдыхал душой.

Приходило еще много молокан. Все группами, в своем кружке как в одной семье — дружно и слаженно.

Разговорившись позже с одним молоканином, я узнал, что селу чуть ли не 200 лет и название его не менялось со дня основания. Рассказывал он мне об обычаях села, о свадьбах и религиозных праздниках, о ведении общественного хозяйства, об общей посуде и прочей утвари, о здешней природе и об охоте в этих местах. И до того душевно мне стало, что захотелось самому «записаться» в молокане.

стрелах, о своих тревогах, когда спрашиваешь, но никого не винят, не проклинают. Ни разу не слышала от них традиционного: «Россия нас бросила». Они очень благодарны за помощь: встретили, разместили, кормят... Не сразу понимаешь, что в сознании этих людей просто не встроена идея, что им чем-то обязаны: Россия ли, Армения ли.

Мой спутник, народный депутат, на прощание спросил: «Чем вам помочь?» В ответ сказали: «Вы уж простите, дело такое житейское... Но мы по-простому, не обидетесь? Вот нам бы каждому по комплекту постельного белья да по кастрюльке какой ни то и, если можно, чашки-ложки всякие. А то вот приедем в совхоз на работу, там койку, небось, дадут, а нет, так и на досках можно, а вот, чтобы постель да сварить чего... Или если этого нельзя, то, может, денег немножко на первое обзаведение?»

Люди, оставившие каменные особняки, скотину, хозяйства, просят не компенсации-репараций, а ложку и кастрюльку! Вот уж по-настоящему не от мира сего — не от этого, нашего, сегодняшнего мира.

В красносельской общине немало людей с образованием: учительница, ветеринар, несколько инженеров, библиотекарь. Вообще именно для этой общины характерна установка на высшее образо-

вание, почти все хотели бы учить детей в институтах или техникумах. Значит, они стремятся в город? Нет, все же больше хочется на землю. И поскорей бы, а то пора сажать картошку: опоздаешь — на год ни с чем останешься. Поэтому соглашаются в принципе на варианты неудобные: в Тульской области разные совхозы готовы принять по нескольку семей. (Молокане удивленно пересказывают: «Только, говорят, лучше бы без детей. А какие это семьи без детей? Старички, что ли? Школы у них там нет. Как же без школы?») Но готовы согласиться (конечно, чтобы с детьми), устали от неопределенности, готовы на любую работу. Библиотекарь: «Да что ж я дояркой не могу?» и тут же баба Дуня подхватывает: «Так и я еще доить могу, вы не смотрите на мои годы!»

Привычнее слышать: «Вот, посмотрите, как мы живем, разве так жить можно?» Молокане говорят: «Взгляните, как мы живем — дай Бог так жить!» (Им выделили по комнате на семью — семьи большие, тесновато, но они и такого не ожидали.) Вздыхают: «Кабы так жить, да еще и работать!»

Они нигде не пропадут, они действительно готовы братья за любое дело, они хорошие, трезвые работники. Речь о другом: не столько

им, сколько России надо бы, чтобы община не рассыпалась, не растерялась. А если поселить их вместе в какой-нибудь из брошенных деревень той же Тульской или Калужской области?

Вкладывать деньги в восстановление такой вот молоканской деревни — это не то что давать пустые кредиты убыточным предприятиям. Молокане привезли с собой в Россию нечто большее, чем рабочие руки и трудовые навыки; они — носители практически утраченной у нас культуры и этики.

Красносельская община не отличается глубокой религиозностью. Молодые женщины почти уже не носят платки, только на молитвенных собраниях, мужчины покурявают, иногда позволяют себе и выпить. Да и на молитвенные собрания регулярно ходят только старики. Строго соблюдаются скорее этические принципы: позорным считается, если кого-то видели пьяным, строго осуждается неверность в браке. Обман, воровство вообще немислимы. Раздели общину сейчас — и через одно-два поколения поведенческие стереотипы вместе с трудовой этикой будут утрачены безвозвратно, сгинут в нашей всеобщей разрухе и беспределе. Неужели не сбережем богатство, которое, кажется, само идет в руки?

Но... было одно большое «но»: село умирало. Как сказал мне мой новый знакомый, в селе еще до января 1990 года жило 1200 человек, все — молокане. С тех пор его население увеличилось, а молокан осталось не больше 500 человек. Потому-то я не сразу обратил на них внимание. Люди уезжали: кто в Ростовскую область, кто на Кубань — у кого где родственники. Мой знакомый так и не сказал причину исхода. Ясно одно: карабахская война тут ни при чем. Она тогда еще не началась. Да и далеко от Карабаха Кировка.

Мечтал приехать в Кировку в другой раз. Но теперь мне ясно, что другого раза не будет: скорее всего, того села уже нет. То есть географически оно на месте, но уже не Кировка или, точнее, не молоканское...

У меня дома карта Нагорного Карабаха 1928 года, на которой есть (теперь уже — было) село Михайловка, что рядом с Геташеном в Ханларском районе, село Карягино —

нынешний райцентр Физули, были также немецкие села, славившиеся, как говорят старожилы, замечательной малиной и крыжовником.

Молоканское село Русские Борисы на севере Нагорного Карабаха с началом войны оказалось между молотом и наковальней. Есть среди его жителей и жертвы. В сентябре 1991 года шальной пулей был убит водитель грузовика, перевозивший знаменитую молоканскую капусту. В прошлом году осколком снаряда был ранен 13-летний мальчик. Были и другие жертвы. А если быть точнее, то жертвы — все жители Русских Борисов. Село пустеет. И если война затянется, то вскоре его не будет вовсе. Между тем безвозвратно гибнет целый культурный пласт — в России ему не выжить.

...В декабре 1992 года я опять попал в молоканский поселок, на этот раз на территории Армении. В Красносельск. Я узнал о намерении посла России в

Армении Владимира Ступина побывать в районе, где в течение последних нескольких месяцев регулярно обстреливаются русские села. Получить место в вертолете оказалось делом несложным.

Посадка вертолета, а затем движение автомобилей к центру поселка не прошли незамеченными с высоты, где находился азербайджанский наводчик. Стреляли из «Града» одиночными выстрелами, ведя прицельную стрельбу вначале вдоль маршрута нашего следования, а затем по административному зданию, где была организована встреча с районным руководством. По неподвижной цели стрелять, конечно, легче, и снаряды взрывались все ближе. Два попадания в жилые дома в 300 и 150 метрах от нас, и оба разрыва — по прямой с нашим зданием — мы видели из окна. Пришлось уйти в подвал.

В подвале — женщины, старики. Взяли Ступина в кольцо. (О чем они ему

говорили? Расшифровка от руки есть где-то в блокнотах — о жизни в подвалах и ночевках под лестницей в «доме быта») Молоканка и армянка, обнявшись, плакали...

Получилось так, что я задержался в доме молоканина Афанасия Малашихина. Простой и добротный дом, скотина, сад. Стекол в окнах, как и во всем городе, нет — выбиты взрывами. Ему под 40. Трое или четверо детей, как ртуть: только что были здесь — и их уже нет. Мать выглядывает за дверь: «Быстро домой — вон, осколки-то летают!» Сын послушно спешит домой, а через пять минут его снова нет.

Наш поспешный отъезд из Красносельска больше напоминал бегство: артобстрел нарастал. А в городе оставались еще около 200 русских семей. Примерно столько же — армянских. Недавно это был 6-тысячный город. Оставшимся ехать просто некуда.

Николай Калинин
Фото автора

Старшая, ставшая равной

Есть ли у России осмысленная политика в отношении республик бывшего СССР?

Аркадий Черешня

Япо-обыкательски, наверное, уже не кожей, а каким-то пяточным нервом чувствую, как беспокойно нынче на границах России.

Мы все ошутимее втягиваемся в гражданские противоборства на всем бескрайнем евразийском пространстве. Вспоминаем, что ли, заветы Бонапарта: «Ввязаться в бой, а там посмотрим!» Ну и ввязались? Абхазия, Молдова, Таджикистан, что дальше? А дальше — тишина? Увы, боюсь, не выйдут ли по Гумилеву — «залитые кровью недели». Сухуми бомбили, утверждают грузины, российские самолеты. В Приднестровье — временное затишье, но устрашающе доблестный генерал Лебедь сначала объявил законные власти Молдовы фашистскими, а затем (напрочно не придумаешь!) вдрызг поссорился с незаконнорожденным правительством господина Смирнова.

Словом, чуму на оба этих дома — и враг бежит, бежит, бежит! Ну а наш президент решил, вероятно, в отчаянии стать большим патриотом, чем его противники, и предложил, чтобы Россия установила нечто вроде геополитического контроля на всей бывшей территории СССР — ни больше и ни меньше. Естественно, тут же протестуют Украина, Грузия — и это

только начало. И вслед за этим — новое заявление президента, по сути отменяющее предыдущее. Невольно задумаешься: а есть ли у России взвешенная и осмысленная политика в так называемом ближнем зарубежье? И встречный вопрос: а какой она в принципе может быть? Многовариантной, разнонаправленной?

Бесспорно! Думается, есть по меньшей мере четыре способа политического взаимодействия России с бывшими республиками безвременно почившего СССР.

Изоляционизм — не рецепт

Он представляет сознательную отгороженность России «от города и мира», сосредоточение на решении преимущественно внутренних дел. Что это означает в практическом смысле?

Вероятно, равноудаленность от всех политических группировок в странах ближнего зарубежья, в том числе и представляющих этнически близкие России слои населения; невмешательство в любые противоборства, возникшие у российских границ, даже угрожающие ее жизненно важным интересам; отказ от использования естественных преимуществ России в военной и экономической мощи для давления на соседние государства. Жизнеспособна ли

эта политика? Боюсь, что нет, ибо против нее работает множество обстоятельств.

Во-первых, это соотношение сил в российском политическом оркестре, где все явственнее звучат националистически окрашенные нотки. Во-вторых, давление военных, теряющих удобные опорные пункты и лучшее вооружение на землях сопредельных стран. Один из аналитиков, близких к парламентским верхам, С.Рогов недавно отметил, что лучшие системы оружия у советской армии находились на западном театре предполагаемых военных действий — в Белоруссии, Прибалтике, на Украине. Большая их часть для России уже потеряна, но что-то ведь надо и сохранить. А уникальнейшая геодезическая лаборатория в Абхазии, в Нижних Эшерах, ставшая яблоком раздора между Россией и Грузией? Так что заявления генерала Грачева об особых интересах России в Абхазии — не звук пустой.

Наконец, многочисленное русское население в ближнем зарубежье невозможно оставить без покровительства и защиты, иначе волна беженцев захлестнет собственно российские пределы. Да и сознание большинства россиян еще не свыклось с утратой земель, которые — справедливо или нет — они считают родными. А разумные политики вынуждены прислушиваться к преобладающим в обществе настроениям и ожиданиям.

Под знаком недоверия

Можно попробовать осуществлять и политику «разделяй и властвуй», которая в состоянии обрывать самые изо-

Рисунок Аркадия Гурского

щренные формы. Каковы ее возможные слагаемые? Показное миротворчество, сопряженное с тайной поддержкой, одной из противоборствующих сил. Нагляднейший пример — Приднестровье, где Россия (будем откровенны) не вполне беспристрастна, или Абхазия. Далее — передача военной техники сопредельным странам (скажем, Азербайджану и Армении), втянутым в разрушительное противоборство. Третья составляющая этого старого имперского правила — создание особых преимуществ для государств, идущих на наиболее тесные связи с Россией (скажем, для Беларуси или Казахстана), и, напротив, жесткое отношение к не вполне вписывающимся в такие рамки странам. И, пожалуй, последнее слагаемое — раздувание изначально существующих противоречий между сопредельными с Россией странами (скажем, пограничных споров между Литвой и Беларусью).

У меня нет доказательств, что Россия сегодня разжигает взаимное недоверие своих соседей друг к другу. Но не сомневаюсь, что при необходимости и подобное оружие может быть пущено в ход. У этой политики, кстати, значительно больше шансов на успех, чем у политики равноудаленности. Она пользуется ощутимой поддержкой российских обывателей, сознанию которых претит видимое уничижение России. Влиятельные военные и гражданские круги черпают в ней надежду на восстановление былого могущества российской державы. Наконец, срамливание соседних государств позволяло бы воспрепятствовать созданию на наших рубежах союзов стран с ясно выраженной антироссийской направленностью.

Следовательно, любые политики, сидящие в Кремле, независимо от их личных взглядов, будут испытывать — пусть в разной мере — тягу к такого рода действиям. На первых порах этот способ существования, вероятней всего, будет весьма результативен. Но в историческом плане он, полагаю, обречен. Напомню, что сверхискусшенные британцы, несмотря на всю свою политическую изворотливость, вынуждены были распрощаться с надеждой сохранить в каком-то виде старую империю.

Неоимпериалистический вариант

Он связан с возрождением практики былого российского империализма. Конечно, в более смягченном виде, чем, скажем, в XIX веке на Кавказе и в Средней Азии. Это будет, во-первых, постоянная подпитка пророссийских сил в политических и военных кругах сопредельных стран. Во-вторых, материальная и военная поддержка различных антиправительственных групп, в том числе стремящихся к территориальному разделу. Третий опорный пункт этой политики — требования изменений гра-

ниц в пользу России, основанные на некоем историческом праве. Четвертое слагаемое — жесткие и вызывающие действия российских вооруженных сил, все еще находящихся во многих сопредельных странах. Пятое звено в этой цепи — целенаправленное экономическое давление.

Все эти действия уже осуществляются, хотя по какой-то странной логике. То начинается, то стопорится вывод российских войск из Прибалтики, и последнее заявление Грачева в Брюсселе — ярчайшее тому подтверждение. То кричаще резко ставится крымский вопрос, то он уходит на задний план. Экономический рычаг пускается в дело в увязке с политическими требованиями. Скажем, мы вам (то есть Украине) газ подешевле, а вы нам — Черноморский флот. Ну и получится, как в известном анекдоте: «Я с тобою так не договаривалась!»

Конечная цель подобной политики — создание пояса зависимых от России государств, а при удачном стечении обстоятельств и воссоединение их с ее «материнским телом». Некоторые силы в России (открытые националисты, отдельные группы среднего офицерства, промышленники оборонных отраслей), несомненно, готовы способствовать такому развитию событий. Но для возрождающейся России этот путь гублен. Почему? Попробуем взвесить возможные приобретения и потери.

Приобретение первое. Россия укрепит обороноспособность, создав защитный пояс вдоль своих границ. Но это — приобретение мнимое, ибо так или иначе зависимые от России государства, как в свое время страны Варшавского договора, будут весьма ненадежными союзниками. Приобретение второе. Россия расширит свои территориальные пределы. Однако управлять вернувшимися в «материнское лоно» землями в условиях хозяйственного развала будет чрезвычайно сложно. Ну а потери? Во-первых, Россия может увязнуть в гражданских конфликтах в сопредельных государствах и понести тяжелые поражения. Во-вторых, она станет менее защитима, ибо обратит против себя неодобрение мирового сообщества. К тому же неподдавшиеся давлению России государства поспешат просить помощи у НАТО или создавать антироссийские союзы, что для нее стратегически крайне невыгодно. В-третьих, в странах ближнего зарубежья резко ухудшится отношение к русскому населению, которое будет восприниматься как подрывная и враждебная сила. И наконец, в-четвертых, неизбежное в этом случае развязывание рук армии породит в умах высшего российского офицерства представление о собственном всемогуществе и подтолкнет их к бесконтрольным действиям в России.

Европейский путь

Его я называл бы европейским, хотя он складывался и под влиянием иных

государственных школ. Каковы его наиболее характерные черты? Прежде всего это опора на международно-признанные нормы и правила. Учитывая опасения стран ближнего зарубежья, России во всех спорных случаях следует действовать не единолично, а через международно-признанные политические институты — Международный суд, СБСЕ, ООН, неправительственные правозащитные организации, просто третейские суды из независимых и уважаемых в мире людей. Нужно по возможности избегать грубых форм политического и экономического давления (о военном я уже и не говорю), а также унижающих достоинство новообразовавшихся стран условий и увязок при решении спорных вопросов. В любом случае такому действию должно предшествовать гласное оповещение общеевропейских политических органов со ссылкой на действующие международные нормы.

И, пожалуй, последнее. Предметом защиты российского правительства, когда речь идет о чужих государствах, могут быть на законных основаниях только права человека, национальная самобытность, культура народов, но не их политическое или административное положение. Последнее относится к предметам исключительного ведения независимых государств. Поэтому, скажем, поддерживая, хотя и в неявной форме, некое приднестровское государство или Абхазию, Россия делает крупную ошибку. Во-первых, «вожди» российских автономий полчают при этом побудительный толчок для раскольнических действий. А во-вторых, подрывается сам принцип целостности исторически сложившихся государств, признанный всем мировым сообществом.

Не меч, а мир

Как оценить в целом политику России в ближнем зарубежье? Отмечу ее наиболее характерные черты. Она весьма запутанна, непоследовательна и не выстроена в логический ряд. Собственно говоря, есть весьма непоследовательная политика президента и его окружения, и ее оруженосец — Козырев. У Верховного Совета — свои планы и расчеты, вплоть до воссоздания единой и неделимой. У господина Руцкого прорезывается что-то свое. И, наконец, в дипломатических бои включилась и «вся генеральская рать» — Грачев, Лебедь и иные не птичьего нрава служаки...

Правда, силовые настроения, синдром «большого брата», к счастью, у российских политиков не возобладали. Европейские нотки стали отчетливее звучать в российском дипломатическом концерте. Это вселяет надежду в тех, кто верит, что новая, возрождающаяся Россия, пройдя сквозь мельничные жернова великих потрясений, принесет своим соседям не меч, а мир. И станет в их глазах не дикой Скифией, а материком миролюбия и добра.

QUALITY AMERICAN TOBACCO

L & M

FILTER

MADE IN U.S.A.

RUSH-PROOF B

Vinsto

FILTER · CIGARETTES

FULL · RICH
TOBACCO FLAV ·
MADE IN U.S.A.

экспортно-импортная
компания

Falcon

официальный дилер "R. J. Reynolds Tobacco Co."

Звоните:
289-45-03,
289-13-28 (факс).
Наш адрес:
М., Октябрьская, 103
(от м. "Рижская" А84,
Т18, 42 до ост.
"Гостиница "Северная")

постоянно со склада
в Москве известнейшие
американские сигареты.

Фирма разрабатывает проекты:

архитектурно-
строительные,
сантехнические,
отопления,
вентиляции,
электрофицирования,
дизайна,
реконструкции.

Тел.: 285-05-19,
408-56-50

ФИРМА

"ВЕРСИЯ-ЭКСПРЕСС"

ПРЕДЛАГАЕТ:

- персональные компьютеры AT 286, 386, 486 различной конфигурации, комплектующие к компьютерам;
- принтеры "Panasonic-1624" - 24 pin, "Epson-1000" - узкий;
- лазерные принтеры;
- тонер "Canon-1215";
- факсы, радиотелефоны, автоответчики и диктофоны фирмы "Panasonic".

Тел.: 165-55-83, факс: 165-57-92

МП "Дистен"

Фирма перевозит
Ваш груз в любую
точку СНГ
КамаЗами
(гр/п 15 тонн),
УАЗами
(бортовыми).

Тел.: 324-13-59

НПК "САДКО"

предлагает приборы для домашнего и амбулаторного лечения и профилактики глазных заболеваний:

- близорукости,
дальнозоркости и
других нарушений
аккомодационной
способности

► прибор
ДАК

- косоглазия и
других нарушений
бинокулярного
зрения

► приборы
серии
ДИПЛОПТИК

Ищет партнера по производству
и реализации приборов.

Тел.: 521-41-84

"SVEK"

Предлагает импортную
газированную воду в
бутылках емкостью 1,5
литра со склада в
Москве; сухие
концентраты соков
производства США.
Осуществляет грузовые
перевозки по маршруту
Москва-Минск-
Варшава-Познань.

Тел.: 362-28-50,
362-27-69

Журнал

We offer

распространяется
в 50 странах.
Публикует
частные коммерческие
объявления
за рубежом.

Тел.: (095) 209-70-72

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

Для размещения экспресс-информации
Фирмы сообщают, обращайтесь по адресу:
103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская площадь.
Телефоны: (095) 209-92-82, 209-76-52, 200-41-10.
Телефаксы: (095) 200-42-23, 200-41-92.

Из Ванкувера в Токио — через Москву

Запад испытал то ли угрызения совести, то ли страх по поводу возможного исхода наших внутренних баталий. И готов протянуть нам руку

Виктор Кременюк,
профессор

Встреча президентов России и США и ее итоги пришлось как нельзя кстати российскому президенту, серьезно потрепанному баталиями со съездом, который чуть было не приговорил его к отрешению от должности. Решительно, хотя и вербально поддержанный Западом в период съезда, а затем на встрече с Клинтоном, Ельцин получил и более материальные свидетельства его укрепившегося авторитета за пределами страны: пакет программ помощи в размере 1,6 миллиарда долларов, готовность США идти на самое серьезное сближение в военной области, обещания поставить «русский вопрос» во главу повестки дня встречи «семерки» в Токио в июле.

И для американского президента встреча оказалась полезной. Уезжая на встречу с Ельциным, он знал, что, по данным опросов, только 4 процента американцев сохраняют интерес к внешнеполитическим делам, что после его решения повысить налоги ему достанется от конгресса и от печати за помощь России. Но все же Клинтон пошел на столь непопулярный шаг, считая, что в данных обстоятельствах помощь демократии в России перекрывает по своему значению все остальное. И что, если он не поддержит российского коллегу, ему самому потом не простят собственные избиения. Угроза возврата коммунизма в России, как оказалось, сохраняет актуальность, и в этой связи объяснимо стремление американского президента первым прийти на помощь противникам такой перспективы в России.

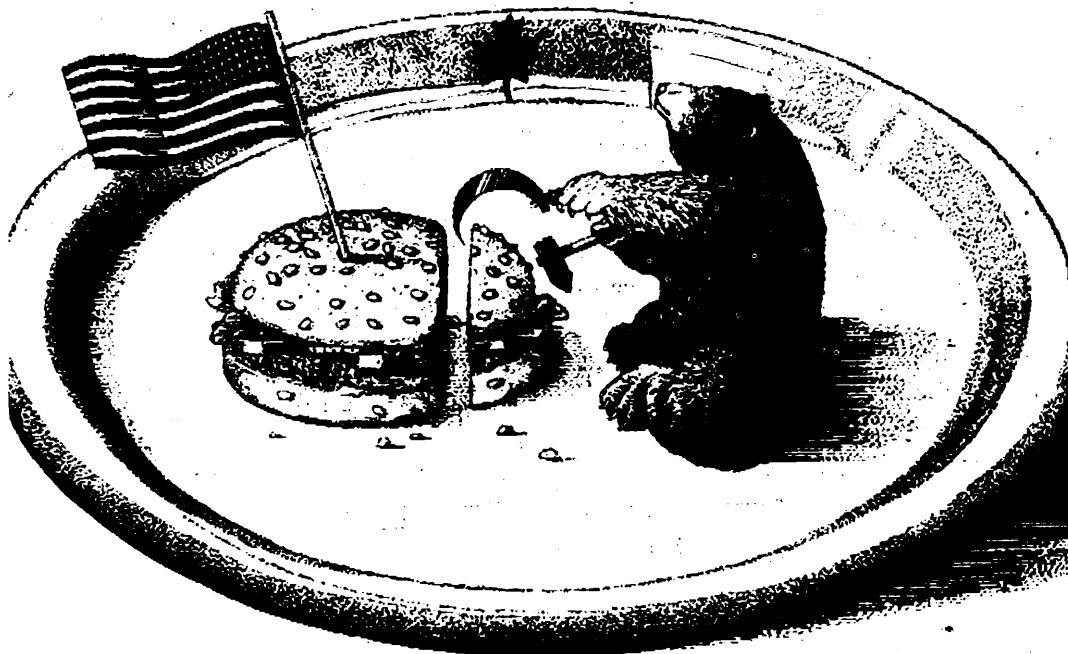
Действия Клинтона были дополнены решением Парижского клуба кредиторов России отложить на длительный срок выплату долгов в размере 15 миллиардов долларов (около 20 процентов всего российского долга). Заявило о своей готовности забыть на время вопрос о «северных территориях» правительство Японии, до сих пор выступавшее на встречах «семерки» как наиболее решительный противник помощи России.

В целом складывается весьма благоприятная для России ситуация за рубежом, способная вдохновить ее на новое начало в области экономических преобразований. Возможно, что в какой-то степени эта ситуация окажет влияние и на другие внутренние дела в плане стабилизации: делает более реальным благоприятный для реформистов исход референдума, повлечет снижение конфронтации между законодателями и президентом, ослабление страхов по поводу возможного голода.

Политика теснит экономику

Перспектива дальнейшего сближения России с развитым Западом дает ей шанс на выход из кризиса. Однако поскольку ее переход к рынку невозможен без параллельного вставания в мировое хозяйство (это социализм можно было строить в «отдельно взятой» экономике, а с рынком об автаркии надо сразу и безоговорочно забыть), то возникает целый комплекс вопросов и недоумений. Например, существует ли какая-либо продуманная стратегия или просто концепция сближения России с «семеркой»? Или же разговоры об этом были навеяны минутными страхами? Как видит это сближение Запад и как видит его Россия? Как можно организовать этот процесс и какие переговоры и консультации надо провести, чтобы добиться одинакового понимания его содержания и сроков обеими сторонами?

Ответы на многие из этих вопро-

сов надо искать в Москве. Западу тоже придется при этом поломать голову, но там наконец-то уже вызрело понимание, что российские дела — не только забота России, но и предмет всеобщей озабоченности. Неспособность нынешнего российского руководства организовать и осуществить приемлемую программу реформ в дальнейшем неизбежно обернется серьезнейшими социальными потрясениями.

А раз не удалось добиться «все-народной поддержки» экономической политике президента, олицетворяющего демократию в России, то неизбежно сопротивление этой политике, порой приобретающее очертания симпатий к тем, кого вчера еще проклинали, — к коммунистам. Такое уже случилось в Литве, Польше, Болгарии. Если аналогичное произойдет в России, то последствия коснутся всего мира, в том числе и США. И когда американский президент говорит, что благополучие России входит в число главных интересов США, он отнюдь не лукавит.

Между тем в России даже на уровне правительства озабоченности по поводу состояния дел в экономике не ощущается. Можно услышать дежурные фразы о «сложности», о «трудностях» положения, но ни антикризисной, ни программы глубоких преобразований не видно. Изложенные в выступлении президента 20 марта по телевидению меры в области экономики, хотя и значительно ближе к тому, что заботит людей, больше напоминают наспех надерганные обещания предвыборного толка. К тому же политика вновь отсчитала экономику. Все готовятся к референдуму, который ничего нового не откроет: даже непосвященному ясно, что перевыборы всех властей проводить надо, а что касается съезда народных депутатов, то этот аналог горбачевского съезда уже давно пережил отпущенный ему историей срок. Нужны и перевыборы президента. Нельзя ожидать, что избранные в другой стране (советской России) и в советскую эпоху люди будут успешно руководить совершенно новым государством — Российской Федерацией, — перед которым стоят совершенно новые задачи.

В стране накоплен и почти не используется огромный запас знаний и экспертизы. Имеются серьезные идеи, предложения и программы. Такие специалисты, как Абалкин, Шмелев, Явлинский, которых с удовольствием приглашают, слушают и за рубежом, дома мало кого из реформаторов интересуют.

Доходило до анекдотов, когда в период гайдаровских реформ приглашаемые из-за рубежа эксперты вначале шли за консультациями в академические институты, а уже после соответствующего брифинга отправлялись консультировать

правительственные ведомства.

Домашнее задание перед экзаменом

Политическое и нравственное оздоровление в Москве должно стать неотъемлемой частью домашней подготовки российского руководства перед встречей в Токио. Хотя уже и были совместные встречи с «семеркой» в Лондоне и Мюнхене, они мало чем отличались от простого акта вежливости по отношению к бывшему противнику. В Токио может наконец-то состояться разговор, давно ожидаемый теми, кто понимает, что на данном этапе судьбы России во многом зависят от того, примет ее вместе с ее проблемами мир развитых и процветающих стран или же отринет. Если произойдет последнее, Россия, конечно, не погибнет, но вновь на долгие годы в ней может воцариться сумеречное состояние духа и материи.

Движение России к рынку и демократии стало результатом двух встречных потоков: кризиса коммунистической идеи, которая оказалась способной создать в бывшей России гигантского, вооруженного до зубов монстра, но отнюдь не условия для счастья миллионов, и с другой стороны — активного воздействия Запада, который через тысячи каналов демонстрировал свои преимущества: от способности шить нормальные джинсы до создания условий для полноценной жизни инвалидов, не говоря уже о повседневной жизни миллионов простых граждан. На стыке этих потоков и родилась идея перестройки, а затем уже победа демократической революции. Но дальнейшее движение приостановилось: существующие властные механизмы не могут ни объяснить народу, какую же Россию они хотели бы построить, ни принять новую конституцию, ни осуществить экономические преобразования, поддержанные народом и открывающие перед ним новые возможности.

Топтание на месте, сменившее движение вперед, породило временный (хотелось бы надеяться) застой, сопровождаемый расколом тех, кто еще вчера стоял в одних рядах борцов за демократию; борьбой самолюбий, в которой нет даже намека на позитивное начало; подъемом тех, кто еще вчера сидел в «Матросской тишине». Иначе и быть не может. Временно политический импульс в России оказался утраченным. Может быть, его вернуть новые выборы, хотя это еще надо проверить практикой.

Но вот, на счастье России, Запад испытал то ли угрызения совести, то ли страх по поводу возможного исхода наших внутренних баталий. И готов протянуть руку, приглашая руководителя России в Токио. С чем же он туда поедет? С очередными упреками в адрес съезда на-

родных депутатов? С новыми головокружительными «рацеями»? С очередными просьбами? Нет, маршрут из Ванкувера в Токио для российского президента неспроста пролегал через Москву. В Москве надо выполнить «домашнее задание» и подготовиться к «экзамену» со всей серьезностью. Должна наконец-то быть разработана программа мер в области экономики, обеспеченная поддержкой влиятельных сил в России, программа, тесно увязывающая движение страны к рынку с теми возможностями, которые открывает мировой рынок; программа, связывающая интересы России с процветанием мирового сообщества.

И не надо изобретать велосипед. До России аналогичные проблемы решали победенные Германия и Япония, деколонизированные Сингапур, Таиланд, Малайзия, Южная Корея, независимая Мексика. Переход к демократии и создание здоровой рыночной экономики — задача не столь уж уникальная, хотя в России из-за ее размеров и тяжелого прошлого она решается с огромными трудностями. Особые сложности вызывает и незнание мирового опыта, а в ряде случаев — элементарное великодержавное пренебрежение им. Вот и получается замкнутый порочный круг: незнание или полужнание заменяется доморощенными рецептами; они, естественно, ведут к ошибкам, возбуждающим общественное недовольство; недовольство толкает руководство к поискам виновных; это в свою очередь раскалывает общество и еще больше ухудшает ситуацию; вновь возникают сомнительные проекты «особого порядка управления», разжигающие кризис, и так далее.

Сочетание двух возможностей: провесты в стране всеобщие перевыборы как прямой результат референдума, и обновить тем самым руководство, с одной стороны, а с другой — идти на встречу с западной «семеркой», вооружившись строгой и продуманной программой реформ, где было бы четко расписано, что намерена делать российская сторона в обозримом будущем и где конкретно и в каком размере ей потребуются западная помощь, представляет демократической России хорошую перспективу выхода из национального кризиса. Появилась бы возможность вдохнуть надежду в отчаявшиеся сердца, поднять тонус общественного настроения и избавиться наконец-то от опостылевших пророков, предвещающих россиянам различные беды из-за того, что она решительно расстается и с самодержавным, и с коммунистическим прошлым.

Рисунок из газеты
«Зюддойче цайтунг» (ФРГ)

Тяжелый больной во дворце Хофбург

Сумеет ли Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе преодолеть кризис?

Анатолий Ковригин,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Когда в конце прошлого года, под самое Рождество, над одним из старинных залов венского дворца Хофбург взвился красный петух пожара, общественность вновь вспомнила о СБСЕ. Именно в том зале обычно заседали дипломаты стран-участниц общеевропейского процесса. Но подозрения, якобы огонь на их совести, не подтвердились, пожар потушили, здание стали реставрировать и о дипломатах вновь будто бы забыли...

А ведь было время, когда чего-чего, а внимания делам СБСЕ уделялось предостаточно. И не только если в качестве действующих лиц выступали сами руководители государств, но и когда речь шла о текущей, так сказать, повседневной работе всех участников переговорного процесса.

Вызов услышан не был

Казалось, после состоявшейся прошлым летом в Хельсинки встречи в верхах СБСЕ должно было зажить новой жизнью. Во всяком случае, принятый там документ под красивым и громким названием «Вызов времени перемен» содержал целую гамму политических, экономических и гуманитарных предложений, направленных на расширение взаимодействия в рамках евроазиатского пространства, США и Канады. Но не прошло и года, и наблюдатели уже все чаще задаются вопросами, был ли этот вызов услышан и в состоянии ли само СБСЕ проявить себя в качестве реального инструмента формирования действительно общих и действительно взаимовыгодных подходов к строительству общеевропейского дома? Примечательно, что подобные вопросы начинают задавать и сами непосредственные участники хельсинкского процесса, в том числе и те, кто долгие годы, даже в условиях блоковой конфронтации, нащупывали пути согласия.

С одной стороны, вроде бы пред-

посылки для движения вперед есть: «железный занавес» пал, демократический стандарт гуманитарных норм признан всеми участниками СБСЕ, рыночное хозяйство является теперь их общим кредо, да и в области обычных вооружений, которыми занимается Совещание, достигнут баланс интересов. А с другой — что-то не просматривается особого рвения западных партнеров использовать возможности СБСЕ для налаживания рыночных механизмов там, где еще недавно царствовала плановая экономика. Пусть-де этим занимаются другие организации, которые располагают реальной силой и средствами, чтобы помочь Востоку. Еще более парадоксальна ситуация в сфере безопасности. Да, восточный блок прекратил существование. Да, советская «империя» рухнула. Но ощущения стабильности и предсказуемости не прибавилось. Более того, западные участники СБСЕ оказались явно не готовы к последствиям подобного развала. На периферии бывшего СССР и на Балканах льется кровь. Однако созданный не так давно в рамках СБСЕ Центр по предотвращению конфликтов, с которым связывались большие надежды, никак не может выбраться из трясины продолжительных и малоэффективных обсуждений. Инициатива урегулирования балканского кризиса перекочевала сначала в Женеву, а затем в Нью-Йорк, под ооновскую крышу. Количество визитеров и инспекторов СБСЕ в районах боевых действий растет как на дрожжах, а вот результаты их деятельности с трудом просматриваются невооруженным глазом.

Так что же надо сделать, чтобы приспособить систему Общоевропейского совещания к новым реалиям, не лозунгами, а делом встретить «вызов времени перемен»?

«Святое правило консенсуса»

Кое-какие идеи относительно перестройки СБСЕ уже существуют. На декабрьской сессии Совета министров иностранных дел СБСЕ в

Стокгольме принято решение об учреждении поста генерального секретаря Совещания. Ожидается, что энергичный человек на этом посту сможет придать большую эффективность работе существующих структур, скоординировать практические шаги, ликвидировать все еще преобладающую практику длительных процедур согласований и обсуждений.

Назревает концентрация административных органов СБСЕ в одной европейской столице (по общему мнению, в Вене). Активно обсуждается вопрос о создании собственных сил по поддержанию мира (разница в том, что в последнем случае этим силам придется принимать непосредственное участие в боевых операциях). Есть вариант использования в таких целях имеющихся вооруженных сил НАТО, ЗЕС, СНГ (если эта идея и в рамках Содружества получит реальное воплощение в жизнь).

Но, как считают специалисты ряда западноевропейских стран, подобные активные действия Совещания немыслимы без отказа при определенных ситуациях от «святого правила консенсуса» — согласия всех участников на применение принудительных мер. Для принятия решений об использовании вооруженных сил необходим иной принцип, который не давал бы конфликтующим сторонам права возражать другим участникам СБСЕ. В этой связи уже «прокатывается» в кулуарах вопрос, а не создать ли в рамках Совещания собственный совет безопасности, наделив его сходными с ооновскими правами.

Немало неясностей появилось и в отношении проходящего в Вене Форума СБСЕ по сотрудничеству в об-

Несмотря на все усилия, СБСЕ никак не удается потушить азербайджано-армянский конфликт вокруг Нагорного Карабаха, погасить очаги напряженности на Балканах и в Абхазии... «Мы явно поторопились с принятием некоторых стран в общеевропейский процесс», — признал недавно министр иностранных дел Австрии Алоиз Мок

ласти безопасности (ФСОВБ). Предписанную хельсинкскими решениями амбициозную «программу немедленных действий», предусматривавшую упорочное стабильности государств-участников в военно-политической области, многие, похоже, восприняли как схему дальнейшей разоруженческой программы. Причем исходят из того, что вектор ее, включая и дорогостоящий контрольный механизм, будет направлен на Восток, в сторону Москвы. Но уже сейчас эксперты НАТО вынуждены признавать, что подобная задача чрезмерно обременительна в свете того объема организационных и финансовых обязательств, которые и без того несет Россия по реализации Договора о сокращении обычных вооружений в Европе.

Позиция Москвы

Москва твердо заявила о своей приверженности выполнению всех обя-

зательств по сокращению обычных вооружений и ни в коей мере не собирается уклоняться от них. Но «легкой прогулки» в область дальнейших шагов на этом направлении, как эйфорически считали некоторые, не получится. Российская позиция исходит из того, что после выхода на конечные уровни согласованного сокращения вооружений надо будет проанализировать новую ситуацию в Европе и определить реальные потребности в дальнейших разоруженческих шагах, которые действовали бы для всех и не подрывали общий баланс безопасности на континенте.

Резоны для такой позиции, пожалуй, имеются. Во-первых, даже по оценкам независимых западных исследовательских центров, после завершения сокращений, предусмотренных договором, потенциал обычных вооруженных сил Российской Федерации будет полностью соответствовать оборонительному характеру военной доктрины России. Ее армия окажется просто не в состоянии вести масштабные наступательные операции. А во-вторых, хотя это порой и ускользает от внимания общественности, в Европе, несмотря на признанные демократические перемены, все еще сохраняется военный блок, в распоряжение которого продолжают поступать новейшие виды вооружений, и расположен он не на востоке континента. Необоснованным выглядит и желание западных участников «просветить» российское Зауралье. К этому подбираются то с одной, то с другой стороны различных обсуждаемых вопросов. И вроде бы выходит, что Москва «недорабатывает» с точки зрения открытости. Но снова лукаво забывается тот факт, что в зоне СБСЕ

находятся и территории двух заокеанских государств — США и Канады — и что Москва неоднократно выражала готовность на взаимной основе открыть пространства для визитов наблюдателей вне традиционной зоны от Атлантики до Урала. Но...

Что ждет СБСЕ?

Впрочем, по существу разоруженческая работа лишь набирает темпы, и несколько месяцев прояснения позиций, внесения первых проектов, которые будут потом подвергаться скрупулезному анализу с точки зрения интересов национальной безопасности каждого участника, — явление для такого рода международных переговоров обычное. Уверенность, что в итоге к предстоящему будапештскому саммиту глав государств и правительств СБСЕ будут найдены тщательно выверенные формулировки, разумно продвигающие Европу к новым гарантиям взаимной безопасности и стабильности, все же имеется.

Что вызывает обеспокоенность, так это ситуация, складывающаяся с участием в СБСЕ и его органах ряда бывших советских республик. В своем новом независимом качестве год назад они были приняты в число стран-участниц Совещания, но особой их активности здесь незаметно. А ведь многие вопросы, в том числе связанные с сокращением вооружений, ликвидацией или предотвращением конфликтов, касаются их непосредственно. Как это ни парадоксально, но возникла группа стран, представители которых хотя и поставили свои подписи под документами СБСЕ, но в его работе участия не принимают. Кресла их представителей в Хофбурге, как правило, пустуют. «Мы явно поторопились с принятием некоторых стран в общеевропейский процесс», — вынужден был недавно признать министр иностранных дел Австрии Алоиз Мок. Министр имел в виду главным образом среднеазиатские республики. Но то же можно сказать и не только о них...

Так что же будет с СБСЕ? Этот вопрос остается открытым. Пессимисты полагают, что болезнь зашла слишком далеко и пациент если и выздоровеет, то останется ущербным. Однако оптимисты все же надеются, что потенциал СБСЕ еще далеко не исчерпан и оно может сделать многое для стабилизации ситуации, особенно сейчас, когда не только Европа, но и весь мир оказался на перепутье.

ВЕНА

Отходная по последнему марксисту в Африке

«Царь царей» правил по формуле «православие, самодержавие и народность».

«Красный царь» сверял жизнь по «Краткому курсу истории ВКП(б)». А Эфиопия как была, так и осталась нищей, голодной страной

Яков Боровой

Эфиопия — колыбель африканского христианства. Местные жители приняли веру в Христа в IV веке, когда Европа еще пребывала в варварстве. В те времена Аксумское царство было величайшей державой, хозяйственным и культурным центром региона. У эфиопов ни на кого не похожий алфавит и свой неповторимый календарь (13 месяцев в году. Все месяцы по 30 дней и лишь один «баловник» — пагумен — в обычные годы длится 5, а в високосные — 6 дней)...

За две тысячи лет истории Эфиопия никогда (за исключением краткого периода итальянского владычества — с 1936 по 1941 год) не была покорена иностранцами. В конце XIX — начале XX века император Менелик II по крохам собрал то, что сегодня еще зовется Эфиопией. Он на равных вел переговоры с великими державами. Разгромил итальянцев под Адуа в 1896 году и тем самым отстоял свободу своей родины. А на призыв англичан взять страну под свое крыло гордый Менелик ответил: «Эфиопия не нуждается ни в чьей защите, кроме Божьей».

Последний император

Библейские мифы и предания официально признавались в Эфиопии правовой основой абсолютистской власти монархов. Они именовались «избранныками бога» и считались прямыми наследниками царя Соломона и царицы Савской. Последний монарх Эфиопии — Хайле Селассие I, «негусе негэст» («царь царей»), наследник царицы Савской и 225-й потомок царя Соломона, фактически правил страной с 1917 года — сначала как регент и наследник престола при императрице Заудиту, дочери Менелика II, а с 1930 года — как император. Монарх возглавлял борьбу эфиопов против фашистской Италии, которая в 1936 году захватила Эфиопию. Пять лет спустя страна вновь обрела независимость. Хайле Селассие I сохранил целостность страны и приумножил территориальные богатства, накопленные Менеликом II. Монарх правил по формуле «православие, самодержавие и народность».

«Негусе негэст» любил повторять: «Император знает, что нужно народу, народ не знает ничего». Культ личности императора не знал границ. Его именем назывались аэропорты, стадионы, улицы... в каждом населенном пункте возводились монументы в его честь... портреты 225-го потомка царя Соломона висели на каждом углу... Однако все годы царствования монарх, знавший, «что нужно народу», опасался за свою жизнь. В 1969 году императорское правительство запретило постановку пьесы Шекспира «Юлий Цезарь» в одном из театров Аддис-Абебы: там, оказывается, есть сцена убийства императора заговорщиком Брутом!..

И все же в 1974 году полувековому правлению «негусе негэста» пришел конец: Хайле Селассие I стал узником в своей резиденции. 12 сентября по радио был зачитан декрет о низложении императора. Когда солдаты ворвались в его дворец, наследник трона «собирает эфиопских земель» Менелика II сказал: «Я старался служить народу, но если больше не нужен Эфиопии, то уйду». На новое местожительство — в казармы 4-й дивизии — главу одной из древнейших монархий мира отправили на горбатеньком «фольксвагене» с рядовым городским номером — АА 33819.

Между тем по всей стране начался показ английского документального фильма «Тайный голод», где сцены чудовишной нищеты миллионов людей в Эфиопии резко контрастировали с показом роскошных приемов и балов в императорском дворце. Так разрушался миф о благодеяниях «сына Божьего». Народ «приручали» к республике.

Москва, наградившая при Хрущеве Хайле Селассие I орденом Суворова I-й степени и признававшая монарха своим лучшим (после финского президента Кекконена) другом в капиталистическом мире, с радостью восприняла весть о его низложении. Ведь все годы пребывания «друга» у власти Кремль исподтишка подкармливал эфиопских «революционеров», многие из которых учились в бывшем Советском Союзе.

Спустя год старый император (ему в то время стукнуло 83), находясь фактически под арестом, умер при невыясненных обстоятельствах. Рассказывают, что Хайле Селассие I «забыл» о своем низложе-

нии и по-прежнему требовал указы на подпись. Солдат охраны клял перед ним чистый лист бумаги, который монарх не глядя подписывал...

«Красный негус»

Власть между тем фактически перешла к майору Менгисту Хайле Мариаму.

По официальным данным, он родился 21 мая 1941 года. (Ровно в день своего пятидесятилетия он бежал из страны!) Родители М.Х. Мариам — христиане, приверженцы эфиопской православной церкви, жили в области Уолламо, на юго-западе Эфиопии, вблизи суданской границы. Сам Менгисту уверял, что его семья принадлежит к амхара — наиболее многочисленному народу в Эфиопии, в руках представителей которого всегда находилась власть в Аддис-Абебе. Однако многие амхарцы придерживаются другого мнения. По их версии, Менгисту — выходец из тех малочисленных южных племен, которых в Эфиопии презрительно называют «шанкала» или «барияс», то бишь «рабы». Как бы то ни было, но у майора всегда существовала устойчивая ненависть к амхарской знати. Придет время, и он с ней жестоко расправится... Впрочем, это не помешало Менгисту стать амхарским националистом. Феномен известный в истории, когда представители нацменьшинств становятся самыми рьяными проводниками «национальной идеи»...

...Сын бедняков, юный Менгисту, тем не менее был зачислен в дворцовую прислугу. Молодой посыльный приглянулся императору, и его отправили учиться в привилегированный военный колледж в Холетте. Затем офицер, как тогда водилось в королевской Эфиопии, был направлен для повышения квалификации в США.

Американский капитализм показался Менгисту «бездушным и малоэффективным». Поддержка этим капитализмом «реакционного режима» Хайле Селассие I не прибавляла симпатий к свободному миру. В то же время «успехи» СССР и маоистского Китая, решивших чохом все без исключения проб-

«Царь царей», кавалер советского ордена Суворова I-й степени, Хайле Селассие I правил по формуле «православие, самодержавие и народность»

лемы, оказали притягательное воздействие на молодого эфиопа. Знание марксизма, запрещенного в Эфиопии, так и осталось у Менгисту и его сподвижников на лозунговом уровне «Краткого курса», состоящего из надерганных наобум цитат. Сталинская модель построения социализма напоминала столь близкие для Менгисту военные строки приказа: индустриализация, коллективизация, усиление власти центрального аппарата, однопартийная система, безжалостное уничтожение политических противников и просто неблагонадежных...

Вернувшись на родину, Менгисту служил в третьей дивизии, расквартированной на границе с Сомали. Он получил редкое для простолудина звание майора. В 1974 году честолюбивый Менгисту стал одним из руководителей заговора младших офицеров против императорского режима.

О личной жизни Менгисту известно немного: женат, имеет детей. Рассказывают, что, когда эритрейские повстанцы захватили в 1974 году в заложники его родственников, «красный негус» отбил им депешу: «Сварите их на огне и съешьте, мне на них абсолютно наплевать». Повстанцы незамедлительно освободили домочадцев Менгисту...

Притча о колодце

Еще на заре революции М.Х. Мариам выдвинул пять принципов

У советских военных специалистов в Эфиопии была любимая песенка: «Три танкиста, три веселых друга и Менгисту Хайле Мариам»

«эфиопского социализма»: равенство, вера в свои силы, уважение к труду, приоритет общественных ценностей над личными, территориальное единство страны. И все 17 лет нахождения у власти «мудрый вождь» уверенной и жестокой рукой вел массы к «социалистическому раю» на основе этих пяти принципов.

Но Эфиопия, тем более социалистическая, так и осталась одной из беднейших стран мира. Уровень жизни здесь даже понизился по сравнению с 1974 годом. Валовой национальный продукт на душу населения, постоянно уменьшаясь, достиг отметки в 91 доллар... Каждый второй ребенок умирал в возрасте до 7 лет... Массовый голод — вечный бич Эфиопии — ежегодно уносил сотни тысяч жизней...

Государственный сектор, на который молилось марксистское руководство, не принес ни экономического, ни социального благополучия народу. Все полученные государством деньги шли на содержание самой многочисленной армии в Черной Африке, ведущей самую длительную гражданскую войну в мире. Да еще на обогащение правящей верхушки страны.

Провалом завершились попытки властей добиться коллективизации сельского хозяйства. Несмотря на то что крестьян вовлекали в кооперативы насильственно, с помощью армии, «завлечь» удалось не более 3 процентов сельского населения. Не помогла и посылка в деревни местных «пятитысячников» — революционно настроенных агитаторов из числа отставных военных и студентов. Нищие и голодные эфиопские крестьяне, чьи принципы и мировоззрение практически не изменились с библейских времен, оказались поразительно невосприимчивы к марксистским догмам. Они напроць отвергали саму идею коллективной собственности и «приоритета общественных ценностей над личными».

Один партийный чиновник рассказывал мне, как он пытался убедить крестьян работать сообща на строительстве колодца. «Я сказал им, что каждый должен прорыть по меньшей мере один метр. Крестьяне вроде согласились коллективно потрудиться. Но когда несколько дней спустя я вернулся, то увидел, что ими ничего не сделано. В ответ на мои упреки крестьяне сказали: «А что произойдет, если один человек не будет копать или кого-нибудь заставят копать не один метр, а два? Никто не хочет остаться в дураках... Да и не проще ли нанять несколько человек из другой деревни, которые вырыли бы нам колодец!» Вот видите, — подвел итог рассказа партийный функционер, — с какими несознательными крестьянами приходится иметь дело».

«Несознательные» крестьяне не только не рыли сообща колодцы, но, где только возможно, расформировывали сельскохозяйственные кооперативы. Вооружившись мотыгами — орудием сельского пролетариата, они занимали конторы, выталкивали оттуда взашей администраторов, выбрасывали в грязь документы...

«Эфиопский социализм» привел к огромному расслоению общества, к чудовищному разбуханию бюрократического аппарата. Взяточничество и кумовство пронизали все поры общества. В стране бросалась в глаза вопиющая несправедливость «социалистического рая». Бидонвили простого люда и роскошные виллы партийно-государственных бонз, нуворшей, занявших дворцы уничтоженной амхарской знати; умирающие от голода дети и кутаящая в дорожных ресторанах «золотая молодежь»... 14 лет восседал Менгисту Хайле Мариам на золоченом троне эфиопских монархов. За эти годы он и его ближайшее окружение всказанию обогатились на незаконной торговле золотом, слоновой костью. Они присваивали себе валюту, драгоценности, иностранную гуманитарную помощь...

Каждый доносит на каждого

При Менгисту вся Эфиопия превратилась в огромный гулаг. Насильно согнанным в местные советы — кебеле — людям было вменено в обязанность доносить друг на друга. Руководители этих советов служили «глазами» правительства. В армии солдаты и офицеры находились под неусыпным оком политических комиссаров. Разумеется, под страхом смерти были запрещены все контакты с иностранцами. Но и политкомиссары, как и чиновники, — все как на подбор в единой синей униформе североафриканской модели — тоже фактически были жертвами тоталитаризма. За любую провинность они могли лишиться жизни.

Чуть ли не первым декретом Временного военного административного совета (ВВАС), пришедшего на смену императору, было учреждение Чрезвычайной комиссии (ЧеКа) и специального суда («троек») для наказания «повинных во многих трагедиях и несчастьях эфиопского народа». И тотчас в один день были расстреляны сотни высших чиновников императорского двора. Руководитель ВВАС генерал Андом пытался хоть немного обуздать «бунт черни», но первую скрипку в совете уже играли радикалы типа Менгисту. 23 ноября 1974 года был убит и сам председатель ВВАС, фактически развязавший всю эту бучу.

В сентябре 1976 года, после поку-

Памятник
«вождю
мирового
пролетариата»
повержен...
но голод
остался

шения на жизнь Менгисту (он был легко ранен в бедро), был развязан «красный террор». Его жертвами стали уже тысячи людей. Местное радио в те осенние дни часами передавало списки расстрелянных. Их тела выставлялись на обозрение публике и показывались по телевидению. Во время «красного террора» погибли многие лидеры Временного военного административного совета. Затем пошли аресты деятелей оппозиции. Одним словом, к началу 1979 года две трети из состава ВВАС были репрессированы. Иногда Менгисту лично принимал участие в казнях. Однажды прямо за столом заседаний политбюро он пристрелил своего сподвижника по антимонархическому восстанию, стоило тому лишь заикнуться о невозможности «научного социализма» в Африке.

В мае 1990 года жесточайшим образом была подавлена попытка государственного переворота. 12 генералов за «преступления против единства и безопасности» республики были приговорены к смертной казни, многие офицеры армии, полиции и службы безопасности — к длительным срокам заключения.

Куль личности Менгисту достиг апогея. В одном лице сконцентрировались все рычаги власти. Менгисту Хайле Мариам — президент Народной Демократической Республики Эфиопия, председатель Госсовета, главнокомандующий вооруженными силами... Да и сам «красный негус», казалось, поверил в свою непогрешимость. Он все чаще и чаще говорил о себе в третьем лице: «Менгисту родился, чтобы делать историю Эфиопии». О «мудром руководителе» слагались оды. В одной из них был такой зачин: «Если утром над Эфиопией восходит солнце, значит, наш любимый и единственный вождь вышел погулять на лужайку».

Марксистский эксперимент в Эфиопии потерпел фиаско. Три года назад это осознали даже самые твердокаменные адепты научного социализма. В марте 1990 года на XI пленуме ЦК правящей Рабочей партии Эфиопии — разумеется, единственной в стране и созданной по образу и подобию КПСС — Менгисту признался: «...переход к социалистической системе оказался трудным и неосуществимым». Пленум высказался за поощрение частного сектора, дал «зеленый свет» экономическим реформам, иностранным инвестициям, созданию совместных предприятий... Одним словом, «самый преданный марксист в Африке», личный друг Фиделя Кастро, кавалер высшего кубинского ордена «Плая-Хироа» и большой почитатель идей чучхе «любимого почтателя» Ким Ир Сена сошел с социалистического пути развития. Да и сама Рабочая партия Эфиопии была переименована в Партию демократического единства. Правда, демократии от этого в стране так и не прибавилось...

Но реформы запоздали как минимум на десятилетие. Менгисту ни власти удержать не удалось, ни помощи Запада заполучить. Никто не пожелал вступать в серьезные переговоры с одной из самых одиозных фигур казарменного коммунизма. Отказались от «красного негуса» и его бывшие друзья по социалистическому лагерю.

Впрочем, впервые эфиопский лидер разочаровался в СССР еще в январе 1986 года, когда в соседнем Адене был смещен ставленник Москвы президент Али Насер Мухамед. Менгисту был решительно настроен послать туда войска. Но в Кремле отговорили его от этой опасной затеи. Менгисту, уступив нажиму, удрученно вопрошал: «Выходит, Москва предаст и меня, если я вдруг окажусь в подобной ситуации?»

Второе разочарование в «большом брате» связано с перестройкой. «Красный негус» запретил любые упоминания в местной прессе о демократических процессах в СССР. Сам же Менгисту тщательно изучал зарубежную прессу и все документы о советских реформах. Весной 1987 года, в минуту откровенности, он поделился со своим ближайшим помощником «крамольной» мыслью: «Получается, что все эти годы мы, слепо копируя Советы, шли неправильным путем?» Между тем обнаружилось, что обедневший Союз уже не в состоянии поставлять бесплатное оружие «знаменосцу идей марксизма в Африке». Значительно сократилась и экономическая помощь. Менгисту Хайле Мариам почувствовал себя преданным и обманутым.

А ведь было время...

«Какой симпатичный молодой эфиоп», — сказал генсек Брежнев о Менгисту, познакомившись с лиде-

ром «эфиопской революции» в мае 1977 года. И в Эфиопию, официально провозглашенную «самым надежным африканским союзником» СССР, хлынула экономическая и в основном военная помощь. Москва ежегодно предоставляла Аддис-Абебе 750 миллионов долларов в форме военных поставок, а также обеспечивала ее сотнями военных специалистов. Миллиардные суммы из кармана советского налогоплательщика шли на вооружение эфиопской армии. Впрочем, на одной из последних встреч с генсеком Менгисту клялся: «Поверьте, дорогой Леонид Ильич, Эфиопия вернет вам все долги до последнего цента». Конечно, никто ничего не вернул. И уже никогда не вернет.

Да что там Москва, весь социалистический лагерь стоял на страже завоеваний «эфиопской революции». Кубинские советники — в армии. Восточные немцы охраняли дворец Менгисту — бывшую резиденцию эфиопских монархов. Они же создали разветвленную систему государственной безопасности. Из Чехословакии бесперебойно шли поставки военной техники...

(Окончание следует)

АДДИС-АБЕБА — МОСКВА

Рисунок и фото из журнала «Жен Африк»

Наркотики для соседа

Мексика — перевалочный пункт наркотиков на пути в США

Юрий Кудимов,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Мексика вполне могла бы претендовать на место съемок остросюжетного фильма о наркомафии, который, возможно, затмил бы славу голливудского «Крестного отца». Причем для написания сценария к такому фильму достаточно полистать подшивки местных газет.

Корреспондент газеты «Репортер» Хулио Айала одним из первых попал к месту недавней, но уже не последней кровавой стычки местных наркокоролей. Сюжет его репортажа прост и суров, как сама жизнь на всемирно известном курорте Акапулько, ставшем поистине раем для могущественных торговцев наркотиками — наркотрафикантов.

«В вечерних сумерках грузовик, под завязку забитый захмелевшими деревенскими жителями, возвращавшимися с кладбища, был из засады атакован группой хорошо вооруженных людей, — рассказывает Айала. — Судя по всему, индейцы не успели оказать сопротивление нападавшим. На утро полицейские обнаружили на месте расправы 24 продырявленных трупа и несколько сотен крупнокалиберных гильз».

Как установит затем следствие, погибли в основном не причастные к торговле наркотиками деревенские жители, нанятые для похорон двух родственников местных мафиози, застреленных накануне во время свадьбы. Преступников разыскать не удалось.

Буквально через неделю полицейские устроили погоню на шоссе Мехико — Акапулько за отчаянно отстреливавшимися перевозчиками наркотиков. Счет опять же оказался не в пользу властей...

На другом побережье Мексики — близ курорта Веракрус — перестрелку между собой вели армия и отряды по борьбе с наркобизнесом. Армейский генерал был нанят местной мафией для обеспечения безопасной переброски по воздуху партии наркотиков в США.

Мексика традиционно занимает первое место в перевозке наркотиков в Латинской Америке. Выращенная в Боливии и Перу продукция для их производства поступает в Ко-

лумбию, где заводы наркомагната Пабло Эскобара превращают сырье в готовое для употребления зелье. Оттуда наркотики поступают в Мексику, а уж затем по проложенным через Рио-Гранде тайным каналам экспортируются потребителю в Соединенных Штатах. Около 70 процентов потребляемого в США кокаина поступает именно из Мексики.

«По моим наблюдениям, большая часть задержанных на мексикано-американской границе нарушителей выполняет разовые или регулярные поручения наркотрафикантов, — сообщил в интервью «НВ» начальник патрульной службы города Ларедо (США) Хосе Гарсия. — К мексиканцам, перешедшим границу в поисках работы, мы относимся с пониманием — это, как правило, скромные и трудолюбивые люди. Однако многие из них, часто под угрозой смерти, вынуждены подчиняться воле и приказам наркокоролей».

Несмотря на многочисленные высокотехнологичные средства охраны мексикано-американской

границы, ежедневно ее нелегально пересекают тысячи людей. Я сам наблюдал, как под вечер группами и поодиночке угрюмые типы с сумками и рюкзаками спокойно устремляются на север. Вертолеты американской пограничной службы с мощными прожекторами отчаянно пытаются бороздить этот труднопроходимый горный участок. Но отпугивают, видимо, лишь новичков.

«Между тем немалая часть наркотиков поступает в США и через контрольные пункты — в гигантских автотрейлерах, ежедневно перевозящих тысячи тонн груза между двумя странами, — признает один из агентов патрульной службы США в Сан-Диего. — Обыскивать все машины мы не в состоянии. В противном случае границу пришлось бы закрыть на несколько дней».

Впрочем, один раз так и случилось в 1969 году. И до сих пор мексиканцы таят злобу на своих американских коллег. Операция называ-

«Мелкая сошка» из числа торговцев наркотиками попала в сети Американского управления по борьбе с наркомафией. Однако короли наркомафии спокойно и в достатке проживают в Мексике, ежедневно обдывая свои грязные делишки

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

лась «Перехват» и была проведена без предварительного уведомления мексиканской стороны. На границе, закрытой на несколько дней, прошли проверку каждый грузовик и легковушка. Было выявлено несколько крупных и бесчисленное количество малых партий наркотиков. Однако после резко негативной реакции Мехико операции в таких масштабах было решено не проводить.

В Мексике находится несколько сотен официальных и тайных агентов Американского управления по борьбе с наркомафией (ДЕА). Местные власти, возмущенные нередко незаконными методами деятельности американских агентов, сумевших тайно вывезти и передать правосудию США несколько мексиканских граждан, решили намеренно сделать «утечку» информации о деятельности этого ведомства.

Неожиданно ДЕА получило «подножку» и от собственного правосудия, когда в начале этого года в Мексику вернулся гвадалахарский врач Э. Мочаин, почти три года назад похищенный и вывезенный на частном самолете в США агентами по борьбе с наркобизнесом. Американцы уверяли, что Мочаин был причастен к убийству мексиканской наркомафии одного из агентов ДЕА. Однако он был признан невиновным американским судом.

Между тем Верховный суд США признал законными тайные операции этого ведомства по похищению

и вывозу из третьих стран лиц, подозреваемых в наркобизнесе. ДЕА настаивает на регулярном проведении подобных операций, считая, что проникновение наркомафии в правительственные и судебные органы Мексики не позволяет им открыто сотрудничать с местными властями. «Нередко преступникам становится известно о планируемых нами операциях, как только мы вступаем в контакт с мексиканской стороной», — заявил один из агентов ДЕА.

Американцы, традиционно обвиняемые в Мексике в бесцеремонном отношении к местным законам, стараются не осложнять нынешние отношения, когда обе страны пошли по пути более тесного сотрудничества. К тому же за годы правления президента Карлоса Салиаса, по признанию американцев, достигнуты немалые ранее результаты борьбы с наркобизнесом. Только мексиканской стороной было конфисковано 195 тонн наркотиков, отправлены за решетку или находятся под следствием десятки крупных главарей наркомафии.

Большие надежды в борьбе с наркотрафиком связывают в США с назначением на пост генерального прокурора Мексики Хорхе Карписо, бывшего ректора столичного университета, ранее возглавлявшего национальную комиссию по правам человека. Доктор Карписо начал работу с того, что публично обвинил федеральную полицию и прокуратуру по существу в соучастии в наркобизнесе.

Словом, то, что раньше было предметом слухов, сейчас официально признано и в деталях подтверждено главным судебным органом страны. Более 86 тысяч судебных дел по наркобизнесу не завершено, поскольку отсутствуют протоколы допросов и необходимые улики, изъятые самими блюстителями правопорядка.

Хорхе Карписо убежден в том, что преступный бизнес полностью восстановился после серии крупных арестов и разоблачений, сделанных в 80-х годах. Кроме того, главарь наркомафии имеет возможность руководить своими преступными группами и из тюрьмы.

Так, Феликс Гальардо, осужденный несколько лет назад, лишь недавно был переведен в более строгие условия заключения из столичной тюрьмы, где он располагал полностью оборудованным офисом — с радиотелефоном и факсимильным аппаратом. В тюрьме его охраняло несколько личных телохранителей. А «соратники» Гальардо — Рафаэль Каро Кинтеро и Эрнесто Фонсека — и сегодня отбывают наказание с повышенным комфортом...

Между тем в стране активно действуют около 100 крупных наркотрафикантов, объединенных в шесть групп и регулирующих более двух третей всех операций с переброской наркотиков в США. Некоторые из них продолжают борьбу за зоны влияния. Однако наиболее дальновидные сотрудничают друг с другом, заключая контракты по всем правилам бизнеса.

Северо-западную часть Мексики контролирует 42-летний Хоакин Гусман — «эль Чапо» («Толстяк»). Кроме наркобизнеса Х. Гусману принадлежит грузовая авиакомпания с тремя самолетами, строительная фирма и с полдюжины домов в Мехико и в Акапулько.

Центральная часть страны и границы контролируются Рафаэлем Агиляром, бывшим полицейским офицером. Имея базу в районе американского приграничного города Эль-Пасо, Агиляр ведет роскошный образ жизни, обзаводится недвижимостью по всей Мексике. Наркотрафикант славится своими тесными связями с местной полицией, шефа которой недавно уволили с работы за составление протекции мафиози.

Мафиозный бизнес в Мексике нередко передается по наследству. Так, племянник ныне арестованного Хуана Герро руководит операциями по торговле наркотиками в восточной части границы. Однако молодой Хуан Гарсия Абрего не пользуется уважением среди «коллег» за излишнее пристрастие к драгоценностям и женщинам.

Впрочем, у каждого мексиканского мафиози свои причуды. Роднит же их — могущество и...непотоплеямость.

МЕХИКО

Визит в банк с адвокатом и вышибалой

Кармен Флорес

Девять из десяти филиппинцев ищут любую возможность уехать из родной страны и работать за рубежом. Многим это удается. Филиппинец привык к тому, что им помыкают, и подписывает контракт на работу за границей, на который не согласится никто другой.

В своей книге «Корабли, медленно плывущие в Китай» англичанин Гэвин Янг описывает, как он встретил филиппинских рабочих в порту Джедда в Саудовской Аравии, где они работали вместе с корейцами, которые получали ровно вдвое больше филиппинцев.

Шейлок перебрался в Манилу

Все до единого филиппинцы, работающие за рубежом, регулярно посылают деньги домой, чтобы поддержать бедствующих родственников. И в каждом случае местный банк, через который переводятся деньги, их обманывает.

Если бы шекспировский Шейлок основал банк, ему бы не удалось обжуливать клиентов лучше, чем это делают хозяева филиппинских банков. Когда банк просто отказы-

Девять из десяти филиппинцев ищут любую возможность уехать за границу, чтобы заработать

Люди покидают селение, засыпанное вулканической пылью. Помимо иных бед на Филиппинах еще и действуют вулканы

Экономическая система на Филиппинах может быть лучше всего определена как та форма капитализма, которую презирал Маркс, ненавидел Ленин и старался изменить Генри Форд

вается выдать вклад, который является законной собственностью вкладчика, человеку практически не к кому обратиться за помощью.

Если он напишет своему сенатору, выяснится, что сенатор и есть основной держатель акций банка. Если он наймет адвоката, окажется, что тот представляет также и интересы банка.

Человек, работающий за границей, переводит деньги через банк, скажем, в Лос-Анджелесе. Через несколько дней они должны быть вручены его родственнику на Филиппинах. Но этого не происходит. Управляющий обязательно скажет, что деньги еще не получены. И скажет правду: деньги задерживает главный банк в Маниле, получающий от этого ежедневную прибыль.

Месяц спустя отчаявшийся родственник пишет в Лос-Анджелес. Отправитель проверяет, куда делись деньги, и узнает, что они в течение нескольких недель находятся в Маниле. Он высылает квитанцию Калифорнийского банка о том, что перевод был принят и отправлен. Получатель несет его в местный банк. Управляющий связывается с банком в Маниле и говорит, что деньги получены как раз сегодня.

Денежки не вернешь

Деньги наконец оказываются в местном банке, но управляющий не спешит с ними расстаться. Возможны два варианта. В кон-

це концов — месяца через четыре — управляющий выдаст деньги, но возмещет 10 процентов в качестве комиссионных. Или же выведенный из терпения получатель обратится к своему клану и воспользуется услугами «вышибалы». Когда он прибывает в банк с подкреплением, управляющий, возможно, поймет что к чему и скажет, что деньги пришли в эту самую минуту.

Вот типичная история. Филиппинка, работающая в Тайбэе (Тайвань), послала деньги сыну.

Это произошло первого октября. Три недели спустя ее сын все еще ничего не получил. Женщина пришла в тайбэйское отделение банка и потребовала объяснений. Управляющий показал ей квитанцию, полученную им от отделения банка на Филиппинах. Деньги поступили туда на следующий день после того, как были отправлены. Женщина сообщила об этом сыну. Но в отделении банка того города, где он жил, его уверяли, что деньги не прибыли даже в Манилу.

В конце ноября в Тайбэе отправительница явилась в банк вместе с китайским адвокатом и потребовала объяснений. Управляющий отделением объяснил, что он ни при чем, и отправил телекс в Манилу.

20 января следующего года женщина, пославшая деньги 1 октября, уже сама возвратилась в Манилу и отправилась в банк, захватив с собой не только пачку документов, но и адвоката-американца.

После непродолжительной беседы служащий банка ликующе объявил, что именно в эту минуту искомый перевод был получен.

Простофиля и меняла

В любом банке мира можно поменять одну валюту на другую за полпроцента, и банки не остаются внакладе. Но на Филиппинах часто клиента обманывают дважды. Банк берет комиссионные за обмен, а затем меняет доллары по заниженному курсу.

Некоторые обменные пункты в Маниле нанимают налетчиков из числа местных жителей. После того как клиент отошел от окошка, следует телефонный звонок грабителю и тот просто отбирает у иностранца кошелек. Но и без ограбления в обменных пунктах вас обманут по высшему разряду.

Вот классический случай. Американец, ветеран сражения за Филиппины во время второй мировой войны, приехал с сентиментальным визитом в Манилу сорок пять лет спустя. Так как у него не оказалось местных денег, чтобы заплатить таксисту, он попросил его остановиться у обменного пункта на улице Мабини. Посетитель не знал курса на тот день — 22 песо за доллар — и любезно обратился к служащему:

— Когда я был тут в последний раз,

Американский боевой корабль на базе Субик-бэй

меняли два песо за доллар. С тех пор курс изменился?

Филиппинец не растерялся:

— Нет, но, если вы будете менять 500 долларов или больше, я могу дать вам по 2,1 песо за доллар.

Наш простофиля поменял 500 долларов и уехал...

На быке к ростовщику

Когда к власти пришло правительство Корасон Акино, у банков появились новые возможности для мошенничества при покровительстве правительственных учреждений.

Последние пятьдесят лет земельная реформа считается панацеей от всех бед. Но феодальные землевладельцы сохраняли свои плантации, зато большое число мелких землевладельцев разорено.

Каждый раз, когда всплывает очередной случай оковитирательства, чиновники, занимающиеся аграрной реформой, находят в качестве козла отпущения какого-нибудь представителя среднего класса, которому удалось приобрести достаточное количество земли, чтобы быть причисленным к классу крупных землевладельцев.

Вот случай, произошедший в 1988 году, когда владелец 240 акров земли допустил промах, поддержав в политической игре проигравшую сторону. У него тут же отобрали 200 акров, землю поделили на участки в 10 акров и роздали двадцати его бывшим работникам.

Новые владельцы участков немедленно запрягли в повозки быков и отправились в ближайшую банку или к ростовщикам. По закону они не могли заложить полученную землю, но могли предложить в качестве залога будущий урожай. Они вернулись из города на мотоциклах, груженных телевизорами, видеомагнитофонами и другой техникой.

Первый урожай был самым низким за всю историю, к тому же кредиторы полностью забрали его. На второй год не было ни посевной, ни сбора урожая. На третий год каждый из новоявленных фермеров нанялся на работу к бывшему владельцу этой земли за 75 центов в день и миску кукурузной муки.

Как хорошо быть банкиром

На разделе земли поживилась пара деревенских банков да несколько ростовщиков. Они еще не до конца осознали, какой жирный кусок можно отхватить с помощью закона о земельной реформе. Но некоторые чиновники филиппинского Земельного банка и Банка владельцев кокосовых плантаций не столь слепы.

Министром аграрной реформы был назначен Филип Хуико, а его заместителем — Сальвадор Пехо. Сразу после утверждения Пехо и вице-президент Земельного банка Рой Аньонuevo пожали друг другу руки и принялись за работу.

Они занялись продажей бросовой земли Совету по земельной реформе. Нашли поместье в 5000 акров, бесплодный и заброшенный участок, на который обрушивались все тайфуны в году.

Банк выдал закладную на эту собственность ее отсутствующему владельцу, потом лишил его права выкупа и получил права на землю. Затем ее без лишнего шума продали подставной корпорации за три миллиона песо.

Сразу же после покупки корпорация согласилась передать плантацию Совету по земельной реформе за 56 миллионов песо.

Министр аграрной реформы поручил государственному экспертам уточнить стоимость земель. Согласно их докладу корпорация занизила стоимость участка, так как ре-

На базе Кларк-филд спускается американский флаг. Американские войска уходят

альная его стоимость равняется 62,7 миллиона песо. Министр подписал документ о продаже бросовой фермы и распорядился выплатить корпорации 62,7 миллиона песо, а плантацию разделить на участки и передать новым владельцам.

«Ответишь головой»

Управляющие банками часто используют для обогащения и другие виды надувательства, которые в любой цивилизованной стране привели бы их за решетку.

На Филиппинах редко выписывают необеспеченные чеки. Но, когда время от времени ввиду отсутствия средств на счету плательщика чек возвращается, в дело вступает управляющий банками. Он может сделать так, что человека, выписавшего такой чек, посадят в тюрьму. Но он может предложить и другой выход. Из своего кармана он оплатит ничего не стоящий чек, если человек, выписавший его, заключит с ним залоговое соглашение. Необеспеченный чек может быть выписан всего на 1000 песо, но человеку придется заложить свой дом, стоящий 100 000 песо, лишь бы не очутиться в тюрьме. Обычно в конечном итоге дом достается добряку-банкиру.

Жертвами ростовщиков становится большое количество малоимущих филиппинцев, в основном новоиспеченных школьных учителей или других государственных служащих, получающих нищенскую зарплату.

22-летняя учительница начальных классов берет ссуду на строительство дома, на покупку телевизора, видеомагнитофона, холодильника и газовой плиты.

Ростовщик одалживает молодой женщине 25 тысяч песо под 120 процентов годовых. В месяц учительница получает три тысячи песо

(около 100 долларов), но каждый месяц из ее зарплаты удерживается две с половиной тысячи песо. Ей остается 16 долларов в месяц на еду и одежду.

Ростовщики не пользуются на Филиппинах любовью. В большинстве своем они китайцы. В один далеко не прекрасный день такого ростовщика находят с отсеченной головой недалеко от дома должника. Другой профессиональной неприятностью этих Шейлоков является похищение их детей. В качестве выкупа обычно предлагается аннулировать долг.

Ветер есть, энергии нет

На Филиппинах существуют государственные субсидии на все нефтяные продукты. Это дает возможность даже беднейшим филиппинцам ездить на автобусе на работу и с работы, если таковая имеется.

Филиппины целиком зависят от поставок нефти. В недрах страны или в прибрежных районах нет ни капли нефти. Ее танкерный флот не пригоден для перевозки нефти из стран Ближнего Востока или даже из Индонезии.

Филиппины — одна из немногих стран, которая ничего не предпринимает, чтобы уменьшить топливные проблемы. На Филиппинах всегда дуют ветры, но нет ветряных мельниц. Попытки использовать ядерную энергию завершились одним из самых отвратительных денежных скандалов в администрации Маркоса. Следовательно, стране нужна импортируемая нефть, а людям необходимо, чтобы существовали государственные субсидии на топливо.

Международный валютный фонд рекомендовал два способа, чтобы Филиппины могли хотя бы частично выплатить внешний долг. Первый — дополнительное прямое налогообложение богатых слоев населения.

Второй — отказ от государственных субсидий на топливо. В Маниле выбрали второй.

Только перестал осыпаться песок под ногами солдат Хусейна, захвативших Кувейт, как начал работу Совет по контролю над энергоресурсами, назначенный президентом Корасон Акино для установления цен на топливо. Совет сразу резко их поднял.

В мире уже нашли альтернативные источники нефти, чтобы никто не пострадал из-за эмбарго на торговлю с Ираком. Взлетевшие цены резко упали, с паникой было покончено. Но не на Филиппинах.

Юные леди остались без дела

Осенью на Филиппины обрушилась новая беда. Десятки тысяч филиппинцев были вынуждены покинуть Ближний Восток и вернуться домой, где царит безработица. Пришло время принимать окончательное решение об американских военных базах в Кларк-филд и Субик-бэй.

Уход советских кораблей из расположенной по соседству бухты Камрань и неожиданное предложение красного Вьетнама, чтобы туда вошли корабли Соединенных Штатов, поставили под вопрос американское военное присутствие на Филиппинах.

40 тысяч филиппинских рабочих и техников имели постоянную и хорошо оплачиваемую работу на американских базах. Но базы были также источником крупных доходов для значительно большей группы нечестных и просто падших филиппинцев. Рядом с каждой базой образовался городок-спутник, жители которого жили только грехом.

После того как американцы получили приглашение от Вьетнама, переговоры приняли плохой оборот для филиппинского правительства. Филиппинцам придется жить без американских моряков и летчиков. В газетах заговорили о том, что филиппинцы, которые зарабатывали на тех грехах, которые сопутствовали существованию баз, заслуживают компенсации по случаю «потери заработка».

Филиппинские газеты выразили надежду, что правительство Соединенных Штатов протянет «позолоченную руку» честным рабочим, трудившимся на базах. Намекали, что нельзя забывать и тружениц, работавших за оградой баз.

В конце концов ведь эти юные леди внесли свой вклад в «холодную войну». Одна газета предложила, чтобы благодетели не обошли своей щедростью и самых неизвестных из неизвестных солдат «холодной войны» — неутомимых сутенеров.

МАНИЛА

Фото из журналов «Тайм»,
«Ю. С. ньюс энд уорлд репорт» (США)
и «Камбио-16» (Испания)

Акционерное
общество

представитель 2027 предприятий-производителей
России, предлагает услуги:

"ИНСИТЕС - МБД"

Комплексная поставка промышленного оборудования и технологий с гарантиями и полным сервисом услуг для: легкой, электроэнергетической, химико-лесной промышленности, строительного, машиностроительного комплексов, сельского хозяйства.

Поставка отдельных видов промышленного оборудования:

- котлы; оборудование и их части;
- электродвигатели, электродетали и т.п.;
- вентиляторы, насосы, центрифуги;
- компрессорное, холодильное оборудование;
- краны, машины, механизмы для подъема, погрузки и разгрузки;
- технологии по обработке металлов и дерева;
- технологии и оборудование для кожевенной, обувной, меховой и кожгалантерейной промышленности;
- технологии и оборудование для пищевой и перерабатывающей промышленности.

Поставка изделий, полуфабрикатов и сырья.

Тел. (095) 305-33-32

Финансовые операции:

- предоставление р/счета для ускорения расчетов с другими регионами;
- предоставление льготных коммерческих кредитов постоянным партнерам А/О.

Тел. (095) 304-70-27

Приглашаем к сотрудничеству предприятия-производители для проведения бесплатной рекламы среди наших клиентов.

Тел. (095) 176-00-57

Как изготавливали великого ВОЖДЯ

Георгий Туманов

Э тот человек появился в редакции «НВ» неожиданно. Оставил рукопись и удалился со словами: «Хотите печатайте, хотите нет — ведь прошло столько лет. Нет уже в живых тех людей, кто привел вождя корейского народа к власти, да и вряд ли сохранились документы, подтверждающие то, что сохранила моя память...» И еще попросил подписать мемуары именем его умершего друга, который, впрочем, также участвовал в той операции. Такое предисловие навевало сомнения. Но удостоверившись в причастности автора к событиям полувекковой давности, мы решили опубликовать воспоминания на его условиях.

Спецбригада в селе Вятское

В начале 1943 года, выписавшись из одного подмосковного госпиталя, куда попал после тяжелого ранения, я был направлен руководством в Хабаровск, а оттуда в село Вятское под Комсомольском-на-Амуре для службы в спецбригаде. Как фронтовик я полагал, что это резервное соединение с какими-то особыми задачами, чем был даже заинтригован. Только прибыв на место, понял, почему меня, востоковеда, загнали в эту лесную глушь и почему бригада называется специальной...

Сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР японские войска в Маньчжурии, оккупировавшие ее с начала 30-х годов, повели интенсивные карательные операции как против местных милитаристов, так и против коммунистов. Спасаясь от полного разгрома, нашу границу начали валом переходить китайские формирования. В основном это были остатки 13-й партизанской армии, подчиняющейся штабу Мао Цзэдуна, и обычные банды хунхузов. Трудно было установить, кто из них есть кто, потому что между партизанами и разбойниками было налажено тесное сотрудничество. У погранвойск, подчинявшихся лично Лаврентию Берия, возникла нелегкая дилемма: что делать с нарушителями границы? Ведь и японцы могли заставить своих лазутчиков и диверсантов.

В конце 1942 года Москва принимает решение создать из этой разношерстной публики спецбригаду. Но вряд ли это можно было назвать военным соединением, хотя у командного состава имелись условные советские воинские звания. Чисто внешне это был настоящий военный лагерь с колючей проволокой и всем необходимым снаряжением для воинского обучения. Но оружие имелось только у полуроты советских солдат, размещенных при бригаде на всякий случай. Офицеры (почти все энкаведэшники) руководили обучением личного состава.

В свое 81-летие Ким Ир Сен, возможно, уже забыл своих «московских учителей», но сами они хорошо его запомнили. В том числе и автор — очевидец событий

Люди с Лубянки были хозяевами в спецбригаде. Они не скрывали, что их основная задача — отобрать и подготовить наиболее надежных людей для последующих «интернациональных операций» на Дальнем Востоке. По мере того как союзники добивались успехов в войне, четче определялись цели бригады, улучшалось ее снабжение, интенсивнее велась учеба. Говорили, что бойцы и командиры войдут вместе с нашими войсками в Корею и Китай. Там они займут посты в местной администрации.

По разработкам, присылаемым из Хабаровска, два раза в неделю проводились политзанятия. Речь на них шла о войне с гитлеризмом и японским милитаризмом, заслугах Сталина, а также «национально-освободительном движении» в Китае и Корее. Советские наставники вели себя грубо, нередко пользуясь матерными выражениями, старались играть на бытующих предрассудках. Те из обучаемых, кто имел даже небольшое образование, за ненадобностью как бы утрачивал его. Умному, для того чтобы не пропасть, надо было убедить окружающих, что он такое же дерьмо, как и остальные. Более комфортно чувствовали себя те, кто вел себя покорно и безропотно выполнял все указания.

В ком сомневались, того отправляли куда-то на север от Комсомольска, на озеро Эворон, где находились гулаговские лагеря. С этими людьми делали все что хотели, ведь вне бригады об их существовании никто не знал. В бригаде жили в постоянном страхе. Непременным атрибутом были доверительные беседы с начальством. Для этого к каждому взводу был прикреплен офицер спецслужбы, который вызывал к себе по одному и солдат, и командиров. Эти многочасовые «беседы по душам» переводили советские китайцы и корейцы. Думаю, что судьба переводчиков была трагична: Лубянка не миловала свидетелей своих тайных дел. О чем шла речь на этих беседах, я знал только отчасти: мне была поручена организация политзанятий. Но индивидуальным беседам отводилась заглавная роль в процессе обучения. Обычно за неделю во всех взводах вывешивался распорядок дня — кто и когда работает на лесоповале, кто занимается муштрой, а кто остается для бесед, проходивших с утра до ночи.

«Да, я расстреливал троцкистов»

Корейский батальон в бригаде был самым малочисленным, не более ста человек. Его командиром назначили Ким Ир Сена, а комиссаром — Ким Чака. С самого начала комбат показал себя жестоким, мститель-

ным и трусоватым. Запомнился такой случай.

В бригаде часто проводились партконференции, на которые избирались делегаты от коммунистов каждого батальона. По долгу службы я присутствовал на таких собраниях. Это было скучное занятие, хотя вздремнуть там не удавалось. Ораторы не говорили, а иступленно кричали, иногда теряя контроль над собой. Однажды, в июле 1944 года, возникла ситуация, о которой китайцы говорят: «Воткнули палку в муравьиную кучу». Комис-

сар китайского батальона привел факты расстрела Ким Ир Сеном и его людьми коммунистов-партизан во время их рейда в провинцию Цзилинь. Он назвал фамилии убитых, время совершения преступления. При этом добавил, что отряд Ким Ир Сена был тесно связан с двумя местными бандами хунхузов, беспощадно грабивших население. Поднялся невообразимый шум. Убит японца или чанкайшиста считалось в бригаде чуть ли не подвигом, но убивать своих, коммунистов, — о таком узнали впервые. Многие повскакивали с мест, хватаясь за все, что было под рукой. В конце концов двум членам китайской компартии — командиру бригады Чжоу Баочжуну и комиссару Ли Чжаолиню удалось навести относительно спокойствие. В марте 1946 года Ли погиб в Харбине при загадочных обстоятельствах. Впоследствии в городе был разбит парк в его честь.

Конференция потребовала от Ким Ир Сена объяснений. Он не стал все начисто отрицать, не стал также сваливать вину на других, хотя и первое и второе мог искусно проделать. Признался, что лично расстреливал, но не коммунистов, а троцкистов. (Конечно, Ким не имел тогда понятия, за что боролся большевик Троцкий.) Но со стороны корейских делегатов не раздалось льстивые выкрики и рукоплескания, которые всегда были преувеличенно громкими... Ким Ир Сен увидел в этом плохой знак: свои не поддерживают, он оставлен один. Раздался даже голос решить судьбу комбата там же, на месте. Но потом все же решили посоветоваться с советскими товарищами.

Утром следующего дня я зашел в штабной барак корейского батальона. Воздух там был как в солдатском нужнике. Ким Ир Сен лежал на лавке, изрядно выпив американского спирта, и визжал как резаный. Его порученец сказал вроде того, что «у комбата во рту сухо и

пусто, но совсем иначе обстоят дела в его штанах».

Несколько дней бригада жила в тревожном ожидании ответа из Москвы. Все ждали суровых санкций. И вдруг, как гром среди ясного неба: комбата не отстраняют от должности. На такое решение Москвы последовала безмолвная реакция: одни скрежетали зубами, другие пожимали плечами, третьи самодовольно улыбались...

Рождение героя

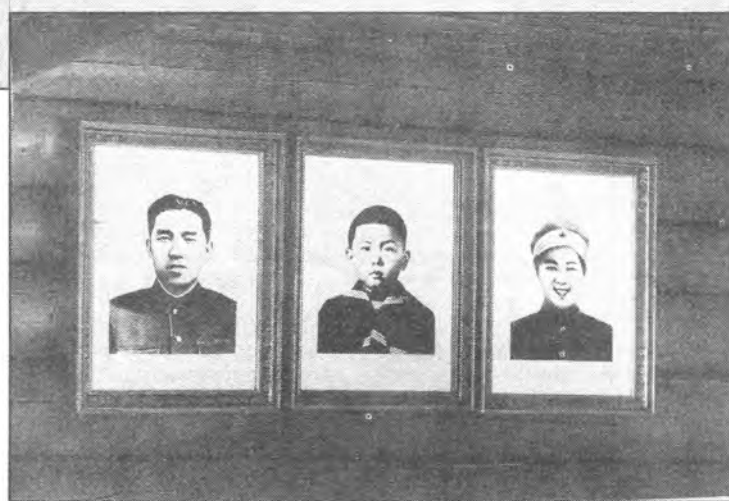

Представитель Верховного советского командования в Корее Терентий Фомич Штыков

В декабре 1945 года на московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании Молотову со стороны союзников было прямо заявлено, что Запад не допустит окрашивания всей Кореи в красный цвет. Та встреча стала по сути рубежом, с которого началось укрепление раздела Кореи.

Кремль сосредоточивается на зоне, занятой советскими войсками, в немыслимой спешке начинает превращать ее в отдельное государство. В штабе представителя Верховного советского командования в Корее Штыкова спешно реализуются указания Москвы: надо принять политическую платформу, создать народный парламент, провести аграрную реформу, национализацию крупных промышленных и торговых предприятий, банков, транспорта, средств связи... Одновременно разворачивает свою деятельность северокорейское оргбюро компартии, которое вскоре трансформируется в Трудовую партию Кореи.

Всей этой титанической работой руководил Терентий Фомич Штыков — личность во всех отношениях незаурядная. Свою политическую карьеру он начал в 18 лет в 1925 году, когда был замечен Андреем Ждановым как способный комсомольский работник. Сделавшись его «любимчиком», сменил своего патрона на посту руководителя ленинградской парторганизации. Во время финской войны Штыков становится членом Военного совета 7-й армии. В Отечественную войну в чине генерал-полковника был членом военных советов пяти фронтов, в том числе 1-го Дальневосточного, войска которого участвовали в освобождении Кореи. С 1948 по 1951 год являлся послом СССР в КНДР. После известных венгерских событий сменил Юрия Андропова на посту советского посла в Будапеште. Проштрафился тем, что

Тысячи людей ежедневно приходят посмотреть на бревенчатый дом в горах Пакту, где по официальной версии начинал и свою революционную деятельность Ким Ир Сен, его первая жена — Ким Чжон Сук (справа) и где родился их сын — Ким Чен Ир (в центре)

как-то сказал Яношу Кадару: «Жаль, что тебя тогда не расстреляли». За это был тут же отозван в Москву и разжалован в замы председателя исполкома Калуги, где и умер в 1964 году в возрасте 57 лет. Но телеграммы соболезнования от «великого вождя» его семья не получила. А ведь именно этому человеку Ким Ир Сен многим обязан.

...В начале 1946 года перед Москвой непосредственно встал вопрос о выборе вождя северокорейского народа. В глазах кремлевских руководителей Ким Ир Сен вроде бы подходил больше других «избранных» для этой роли — послушен, энергичен, может «завести» толпу. Кое-какие факты говорят о том, что в своем возвышении Ким обязан Лубянке. Именно ее люди придумали Киму правдоподобную революционную биографию, присвоили ему имя настоящего национального героя, погибшего в боях с японцами. Многим ли известно, что подлинное имя нынешнего северокорейского вождя — Ким Сон Чжу? И так, в сентябре 1945 года, когда все было готово, Кима на эсминце доставили из

Владивостока в порт Вонсан, а затем в погоне капитана Советской Армии привезли в Пхеньян на торжественный митинг, где он был представлен как «национальный герой и выдающийся революционер».

Поначалу Ким Ир Сен обрел определенную популярность. В своих речах с ритуальными фразами о руководящей роли рабочего класса он не скупился на посулы. Обещал осчастливить всех и каждого, а страну катапультировать в «светлое коммунистическое будущее». Штыков старался умерить эстрадный оптимизм новоявленного вождя. Он устанавливает над ним более жесткий контроль, то и дело приглашая для беседы в свой особняк. Советского генерала вполне устраивало поведение Кима, но его не устраивали «крайности» бывшего комбата. Штыкову, например, пришлось потребовать отмены распоряжения Ким Ир Сена о том, чтобы в каждом уезде был раскрыт один или два заговора против народной власти с числом участников «контрреволюционеров» не менее десяти.

Вскоре генерал убеждается в не-

знании Ким Ир Сеном элементарных прописей марксизма-ленинизма. Ким, например, не раз спрашивал своего московского наставника: «Как при коммунизме может всем хватить, если каждый будет брать сколько захочет?» Штыков решил насколько возможно просветить своего подшефного, поручив его заботам группы специально подобранных советских корейцев — «специалистов» по марксизму. От самого процесса обучения Ким делался еще более напыщенным, он будто шалел как от американского спирта в селе Вятское. Его ум обладал особенностью отрицать все то, что он не понимал. Его отличала зависть к умным и образованным людям.

В тяжелом положении оказалась корейская творческая интеллигенция. В то время народ еще не подвергался жестокой попытке изучением трудов вождя, еще были впереди писание кровью клятв ему, поклонение его многочисленным портретам и памятникам. Но Ким Ир Сен уже советовал не читать «разные мудрые книги», чтобы не сбиться с правильного пути, приказал поэтам приступить к сочинению од и песен в собственную честь.

В середине 1946 года была развернута кампания против творческой интеллигенции. В Пхеньяне стали бесследно исчезать люди, которые так или иначе противились воле Ким Ир Сена. Никто не делал секрета, что в тайных убийствах и похищениях повинен новоявленный вождь. Люди дрожали, каждый ждал своей участи. Писатель Ким Сан О (позже арестован и погиб в тюрьме) как-то признался мне, что если он не попал в первый список жертв, то уж точно будет занесен во второй или в третий...

Мастер по спецсвязи

В середине 1947 года уже готовился уход Советской Армии из Кореи, вот-вот должен был состояться съезд ТПК, который Штыков все время откладывал, за что имел нагоняй из Москвы. Из столицы постоянно шли ему телеграммы примерно такого содержания: мол, чего там тяните канитель. На съезде должен быть окончательно решен вопрос о вожде: предстояло избрать председателя ЦК ТПК.

Складывалось впечатление, что Штыков еще не решил, на кого сделать ставку — на Ким Ир Сена или на еще двух кандидатов: старого коммуниста-подпольщика Пак Хен Ена либо на одного из советских корейцев. В штабе советского наместника склонялись к тому, что председателем ЦК ТПК должен стать Пак Хен Ен. Другой кандидат, советский кореец, хотя и был прекрасным администратором с университетским

дипломом, но имел один «прокол» в биографии: в свое время находился в числе всех корейцев, которых высылали из Приморья по подозрению в связях с японцами, а значит, мог считаться «шпионом». Другое дело — Пак Хен Ен. Он был первым заместителем премьера Ким Ир Сена, министром иностранных дел. Но по уму, образованности не шел ни в какое сравнение со своим патроном, которого всегда окружала разноликая и серая публика. Короче говоря, Штыков был в нерешительности, на ком остановить выбор, кого рекомендовать Москве для окончательного утверждения.

Лубянка помогла сделать окончательный выбор. В конце 1947 года неожиданно из центра прилетел «мастер по линиям спецсвязи», как его всем представили. Он и три его помощника были встречены по первому разряду, но без корейцев. Все время «мастер» проводил в кабинете Штыкова, заняв даже кресло хозяина. Позже выяснилось, что это был один из доверенных лиц Берия. Менее чем за двое суток, проведенных в Пхеньяне, он несколько раз вызывал к себе Ким Ир Сена для «индивидуальных бесед». Именно в кабинете Штыкова и было решено, кто станет председателем ЦК ТПК. После отъезда «мастера» оставалось самое малое — чтобы съезд одобрил это решение «демократическим голосованием», что и было единодушно сделано в феврале 1948 года.

Став председателем ЦК ТПК, Ким Ир Сен, конечно, понимал, что это еще не полная победа — ведь оставался Пак Хен Ен. При неблагоприятном для Кима повороте событий Пак мог занять место вождя. Тем более что авторитет Пак Хен

Ена в партии быстро рос. Привлекали его высказывания, что нельзя строить социализм в смиренной рубашке, что он не приемлет такую власть, которая уничтожает книги. Такие слова «второго человека» в партии имели достаточную популярность. Опасаясь бунта в собственном окружении, Ким разворачивает кампанию травли и шельмования Пак Хен Ена. В этих целях были использованы даже похороны Ким Чакка. На них Ким Ир Сен не присутствовал, поручив возглавлять панихиду своему ненавистному заму. После этого Ким обвинил Пака в том, что он пытался противопоставить «заслуги» Ким Чакка «великим заслугам» Ким Ир Сена, назвал Ким Чакка «непобедимым полководцем», «старейшим» (Ким Чак был на девять лет старше Ким Ир Сена) и настоящим коммунистом», призвал следовать его заветам...

Корейская война ускорила развязку этой борьбы. Китайские «добровольцы» (фактически это была настоящая армия в миллион человек) становятся верной опорой Ким Ир Сена в захвате всей полноты власти. В конце 1953 года Пака лишают высоких постов и завершают дело судебным процессом, с поразительной точностью скопированным с тех, на которых бушевал Андрей Вышинский в Москве. До советского посольства доходили слухи, что после вынесения Пак Хен Ену смертного приговора его еще в течение трех недель истязали в тюрьме по приказу «великого вождя». Впоследствии Ким Ир Сен не поощрил и тех, кто в те годы создавал его величие: к концу 50-х годов он уничтожил около 90 процентов просоветски или прокитайски настроенных соратников.

В Пхеньяне утверждают, что «великий вождь» и в 81 год по-прежнему «бодр и энергичен»
Фото из журнала «Штерн» (Германия)

INTERNATIONAL IMPORTS EXPORTS CO.

*Всемирно известные продавцы
и посредники в торговых
и товарных операциях,
специализирующиеся
в поставках:*

- ✿ — широкого ассортимента вин, алкогольных и безалкогольных напитков;
- ✿ — продовольствия — хлебных, крупяных и бакалейных изделий, столового масла, сахара, чая, кофе, супов и концентратов;
- ✿ — мыла, косметических и фармацевтических товаров;
- ✿ — материалов для ремонта жилья (отделочных и декоративных), а также арматуры.

*Ответ пришлите на
английском языке
непосредственно нам:*

P.O. Box 5019,
Johannesburg 2000,
South Africa,
тел.: 011-4025474/76,
факс: 011-4025475,
телекс: 489282.

*На русском языке
обращайтесь:*

NEW TIMES Magazine, 146
Dorado Street Waterkloof
Pretoria.

Тел.: 012-3463284,
факс: 012-469666.

Акционерное общество закрытого типа

"РУСМАШИН"

предлагает со склада в г. Химки Московской области
товары народного потребления по низким ценам:

- вафли;
- печенье с начинкой;
- крекер;
- леденцы;
- конфеты "Бон-Бон";
- шоколад;
- драже в шоколаде;

- жевательные резинки;
- соки;
- сигареты (без фильтра и с фильтром);
- детскую спортивную обувь;
- плоды.

Наш адрес: Россия, 109088, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 4.

Факс: 116-85-32. Тел.: 275-83-91, 275-83-69, 275-83-04

АВИА

КИД

ФИРМА

Авиационная фирма "КИД"

предлагает: воздушные грузовые перевозки по СНГ (срок 3-5 дней), складирование и хранение грузов в аэропортах г. Москвы, выполнение погрузо-разгрузочных работ, охрану и сопровождение грузов, перевозимых "КИД".

Тел.: 925-91-82, 227-93-34, 227-90-23, 923-59-18, 924-28-16.

Ивановская марка

Финансово-промышленная группа ИВТЕР

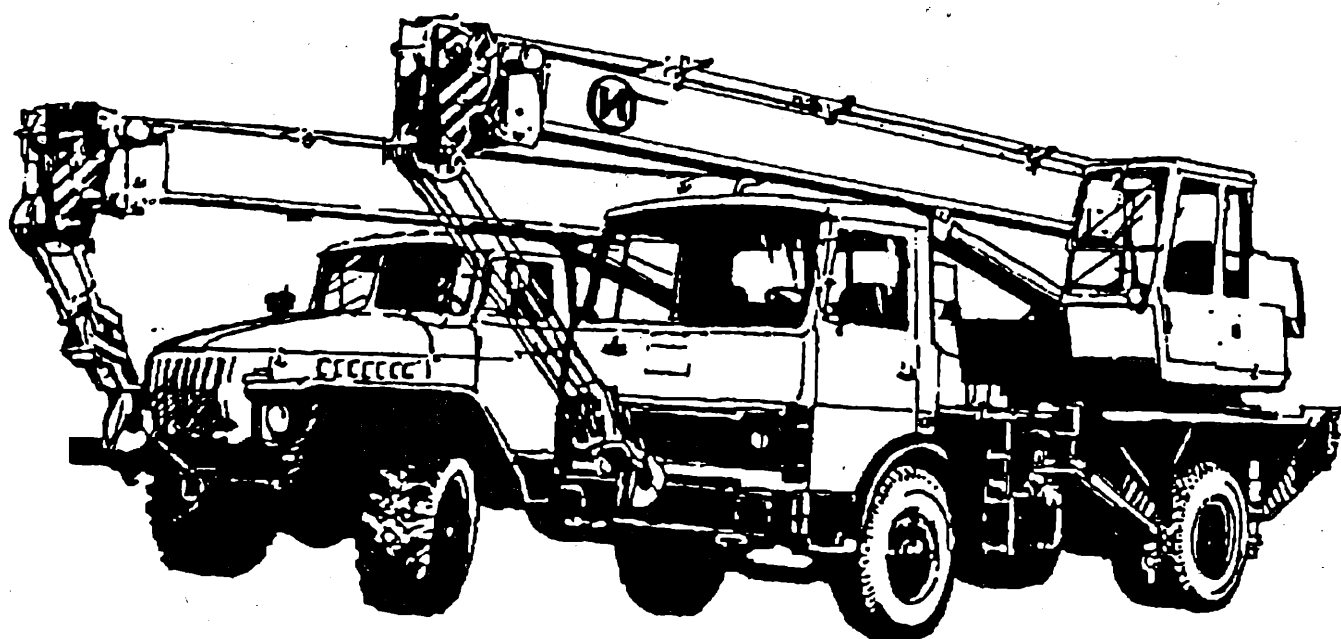
153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 53.

Генеральный дилер АО "Автокран"

Тел.: (0932) 34-43-15,
34-12-15,
32-77-56,
37-70-36,
37-64-74,
26-54-64.

Факс: (0932) 32-77-56

**Краны КС-3577 на шасси МАЗа
КС-3574 на шасси Урала
грузоподъемность 14 т
вылет стрелы 14 м**

**С В О Б О Д Н А Я
П Р О Д А Ж А
а в т о к р а н о в
" И В А Н О В Е Ц "**

Так выглядит штаб-квартира ЦДФ

Трудно быть свободным.

Дмитрий Погоржельский,
собственный корреспондент
«Нового времени»

«Я» вынужден смириться, но возражаю против того, что станция, по сути, никому не принадлежит и никто не может оказывать на нее влияния». Премьер-министр земли Баден-Вюртемберг Райнхард Майер не скрывал своего недовольства, когда в июле 1949 года американские оккупационные власти передавали в руки немцев «Зюддойче рундфунк». И он был далеко не одинок среди немецких политиков.

Мало кто любит критику

Телевидение в Германии появилось в середине 30-х годов и, естественно, тут же оказалось на службе у режима национал-социалистов. Радиовещание, существовавшее на деньги частного капитала с начала 20-х годов, в 1932 году было окончательно национализировано и год спустя восторженно приветствовало приход к власти Гитлера.

После разгрома фашизма союзники ясно понимали — новую Германию невоз-

**Роскошь
независимых
средств
информации
может
позволить
себе лишь
богатое и
стабильное
общество**

можно построить без помощи средств массовой информации, прежде всего радио и телевидения. Уже в первых числах мая 1945-го — «Великогерманское радио и телевидение» еще продолжало вещать — заговорили новые станции. Первым — «Радио Гамбурга», затем довольно быстро — станции во всех оккупационных зонах.

Вскоре, однако, стало очевидно: западные державы и Советский Союз в корне расходятся в том, как должны строиться и действовать средства массовой информации. Тотальная пропаганда, навсегда замолчавшая на западе страны, в новом обличье возродилась на востоке.

Создавая заново систему немецкого радиовещания (телевидение еще пару лет находилось под запретом, к тому же просто-напросто не было телевизоров), американцы, англичане и французы не отказались от услуг немецких профессионалов. Костяк нового немецкого радио составили эмигранты, пережившие войну за рубежом, молодые журналисты, их старшие коллеги, не запятнавшие себя сотрудничеством с нацистами. Не было шансов и у коммунистов — «холодная война» уже шла полным ходом, и «красные» были столь же нежелательными, как и «коричневые».

Перед союзниками, однако, встала нелегкая задача: как соединить традиции догитлеровского периода и собственные представления ради достижения цели — де-

мократического эфира в послевоенной Германии?

Немецкие политики старшего поколения, воспитанные в духе Веймарской республики, считали, что не будет большой беды, если возникнет снова немецкое «гостелерадио». Нужно лишь учесть печальный опыт злоупотребления нацистов средствами информации, полагали они. К тому же в общественном и государственном строе ФРГ заложены отныне достаточно прочные демократические основы, так что опасаться нечего.

Но союзники выступали категорически против. Они доказывали: и радио, и возрождающееся телевидение должны быть ограждены, с одной стороны, от прежнего диктата государства, с другой — от влияния тех слоев и групп населения, которые могли извлечь для себя одностороннюю выгоду в результате неизбежной коммерциализации эфира. Эту точку зрения поддерживали большинство населения и, конечно же, профессионалы.

Начавшие работать под опекой западных держав, они впервые вкусили, что есть свобода и независимость. И не хотели с ними расставаться.

Отцы-основатели ФРГ были далеко не в восторге — им доставалось от журналистов, а к этому они не привыкли. До сих пор ходят легенды о том, как не терпел критики первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. Но и ему приходилось мириться.

Союзники стремились избежать жесткого «диктата оккупантов», искали компромиссы, которые легли бы в основу будущего долгосрочного развития германского радио и телевидения, хотя в некоторых вопросах были абсолютно непреклонны.

И такие компромиссы достигались. Решающую роль сыграл англичанин Хью Карлтон Грин. Он возглавлял немецкий отдел Би-би-си и радио в английской зоне оккупации. В структуре Би-би-си он обнаружил модель, которая понравилась американцам и с которой скрепя сердце согласились немцы, — общественно-правовую систему. Претерпев изменения, она благополучно существует и по сей день.

Расшифровать эту формулу, привычную для нашего уха, можно так: общественное учреждение, которое самостоятельно с правовой точки зрения и независимо политически и экономически. Управляется оно советом из представителей наиболее значительных или, как здесь говорят, «ответственных групп» в обществе. Американцы особенно упорствовали в том, чтобы земельные парламенты и правительства не могли оказывать непосредственного влияния на деятельность станций, как и не могли решать, кого бу-

дут направлять в советы эти самые «ответственные группы». На первых порах американцам это отчасти удалось. Но с годами ситуация изменилась, о чем, впрочем, немного ниже.

Немецкие государственные мужи, не сумевшие добиться, чтобы в руках у единого «центра» оказались вожжи, поначалу сильно сопротивлялись. Но были вынуждены отступить перед решимостью союзников, которые добились своего и в том, как должны финансироваться станции: каждая семья, имеющая радиоприемник, а вскоре и телевизор, обязана была платить определенную таксу за пользование ими. Из этих поступлений и складывались средства на нужды электронных средств информации.

Властям ФРГ, естественно, трудно было свыкнуться с мыслью, что быстро набравшая силу «четвертая власть» им не подчиняется. И они не оставили попыток ее приручить. Чтобы противостоять давлению со стороны политиков, земельные и региональные станции объединились в «Рабочее сообщество» — АРД, которое и сегодня является самым авторитетным в Германии.

Историки подсчитали: за сорок лет существования ТВ в ФРГ законодательная и исполнительная власти более ста раз предпринимали на него атаки, стремясь превратить в свой рупор. В 1955 году Западная Германия обрела суверенитет, и союзники сняли контроль за масс-медиа. И тут же кабинет К. Аденауэра выступил с инициативой создания государственного телевидения. Но федеральный конституционный суд «прокатил» ее. Сорвались и другие попытки, продолжавшиеся вплоть до 1961 года, пока суд не вынес окончательного вердикта: создание государственного телевидения противоречило бы конституции.

Оставалось довольствоваться тем, что с разрешения высшей судебной инстанции «центр», то бишь федерация, получил право на учреждение службы радиовещания, но лишь на заграницу. Не удовлетворило амбиций федеральных властей и учреждение ровно тридцать лет назад «Второго немецкого телевидения» — ЦДФ. Оно возникло на основе договора, который заключили между собой премьер-министры земель, и 1 апреля 1963 года вышло в эфир. У АРД появился первый соперник.

Кислород можно и перекрыть...

Задуманное как конкурент АРД, ЦДФ получило в свое распоряжение второй канал для вещания на всю террито-

рию Германии. А с появлением спутникового телевидения — еще один. У АРД остался первый — для вещания на регионы. Теперь также есть и спутниковый. Финансируется ЦДФ из тех же средств, что и АРД, но ему перепадает лишь 30 процентов, остальные 70 идут в казну АРД. Денег, как всегда, не хватает, и прорежи восполняются за счет поступлений от рекламы и спонсоров. Но они становятся все скудней, поскольку с 1987 года появились частные станции, которые за последние три года прочно заняли свое место в эфире, и их аудитория растет. Частные оказались в более выгодном положении — они специализируются на всевозможных развлекательных программах, шоу, приключенческих фильмах и откровенной «клубничке». В отличие от АРД и ЦДФ, которым запрещено показывать рекламу в самое «смотрибельное» время — после 8 вечера и по выходным, частные «гонят» ее круглые сутки. Хотя законом суммарное время на рекламу ограничено и для них — не более 20 процентов. Рекламодатели все больше отдают предпочтение частным каналам, что затрудняет жизнь АРД и ЦДФ, заставляя их сотрудничать все теснее.

Уходящий в конце апреля с поста председателя АРД Хартвиг Кельм недавно в сердцах заметил: «Если ответственные политики не поймут наконец, что необходимо поддерживать общественно-правовое телевидение и гарантировать ему источник доходов, то коммерческие конкуренты возьмут верх, и наша система к 2000 году скажет последнее «прости-пощай».

Хотя возможности политики влиять на телевидение в принципе существенно ограничены, в руках законодателей и правительств оказался финансовый кислородный кран — его можно прикрыть, уменьшив таксу за пользование приемниками, а можно и отвинтить побольше. Пользуются этим краном, однако, крайне осторожно и умело, потому что закон обязывает власти поддерживать некоммерческое телевидение. Кроме того, существуют независимые суды, которые неизменно стоят и стоят на страже интересов ТВ, отражающего общественные интересы.

«Вся власть — советам!»

Этот лозунг, популярный у российских болельщиков и ими же беспардонно извращенный, воплотился на практике в деятельности АРД и ЦДФ, которыми руководят по два выборных органа — совет телевидения и административный. Первый — «глав-

ный», в нем как раз представлены «ответственные общественные группы», о которых я упоминал, а также политики. Эти советы можно сравнить с наблюдательными в крупных фирмах — они оказывают содействие руководителю — интенданту, которого сами же выбирают и назначают. Из состава большого совета избирается административный — числом поменьше, контролирующий главным образом финансовую сторону деятельности станций.

Сразу оговорюсь — АРД построено на федеративных принципах, посему у него нет единого центра, а лишь председатель, избираемый на два года из числа 11 руководителей (интендантов), стоящих во главе земельных и региональных станций. Каждая из них, в свою очередь, также имеет по два своих совета.

Структура ЦДФ централизована, штаб-квартира его находится в Майнце. После объединения Германии совет телевидения увеличился за счет новых земель и новых общественных групп на 11 человек и сегодня насчитывает 77 членов. Формируется он следующим образом. Во-первых, каждая земля имеет своего представителя. По 6 мест отданы партиям правящей коалиции и оппозиции. Зато 4 кресла постоянно зарезервировано для федерации — занимают их представители тех партий, которые победили на последних по времени выборах в бундестаг. Так соблюдается принцип «партийной пропорциональности». Остальные места — за «релевантными группами». Своих полномочных послов выбирают и делегируют в совет католическая и евангелическая церкви, профсоюзы, союзы и объединения ремесленников, работодателей, предпринимателей, крестьян, спортсменов, молодежи,

журналистов, издателей, экологов, Центральный совет евреев Германии, Союз изгнанных... Перечисление всех займет слишком много места. Скажу лишь, что политики составляют чуть больше трети, но ни в коем случае не большинство, что оговорецо законом. Примерно так же выглядят и советы в АРД, но их размеры зависят от количества населения в той или иной земле.

Структуры АРД и ЦДФ достаточно подвижны, и считается, что они наиболее точно отражают соотношение различных интересов, существующих в обществе. И какие бы атаки ни затевали законодатели против этих советов, основной принцип их комплектования остался неизменным. Другое дело, насколько тем или иным партиям, общественным группам удается «продвинуть» свои интересы, представить и отстаивать их в эфире.

Но на это тоже есть закон, обязывающий АРД и ЦДФ при составлении программ учитывать различные запросы зрителей таким образом, чтобы ни одна из групп, даже малочисленная, не чувствовала себя обделенной и обойденной. Поэтому в разных землях по-разному выглядят советы. Скажем, на «Вестдойче рундфунк» (ВДР) — крупнейшей станции в Германии — в совете телевидения есть посланцы союзов инвалидов, иностранцев. После объединения Германии АРД и ЦДФ пришлось перестраивать вещанис, чтобы

Телеведущие за работой

достойное место в передачах заняли проблемы новых земель.

Есть свои достаточно жесткие нормы и в отношении политики. Советы и их руководители — интенданты строго следят за тем, чтобы в освещении тех или иных важнейших внутриполитических событий страны не возникало перекоса и ни правительство, ни оппозиция не получали преимуществ в эфире.

Таковы «правила игры» в государстве, построенном на демократических основах.

Господин Хинце был неправ

Меня интересовало, насколько соблюдаются эти правила игры, удастся ли двум ветвям власти все-таки влиять на телевидение. За ответами я отправился в Кёльн, на «Вестдойче рундфунк» (ВДР), где меня ждал заместитель главного редактора политических программ Николаус Брендер.

С моего вопроса о том, в какой степени независимы интенданты, и начался наш разговор.

— Во многом это определяется тем, насколько слаб или силен интендант, — без долгих раздумий отвечал Н. Брендер. — Сильный будет гораздо более последовательно отстаивать перед советом свои представления, как должна выглядеть та или иная передача. Слабый же, чтобы быть переизбранным на очередной шестилетний срок, — держать нос по ветру и оглядываться на настроения, царящие в совете, на расклад сил в нем. И, конечно, способностью той или иной политической партии или же общественной группы бороться за свои интересы — на то они и делегируют собственных представителей в совет. Многое зависит и от того, на-

50-е годы. Просмотр телепередачи — это целое событие

Фото из журнала «Журналист» и проспекта «ЦДФ» (ФРГ)

сколько сам интендант или ведущие сотрудники привержены целям и идеалам партии — будь то ХДС или СДПГ. Поэтому есть станции, где заметнее влияние христианских демократов, а есть, где явно сильнее социал-демократы. Или, например, на Баварском радио и телевидении очень сильные позиции ХСС, причем раньше в еще большей степени, потому что теперь там относительно независимый интендант. А вообще-то в Баварии многие на телевидении поддерживают связь с партийными структурами.

— Зато, скажем, ВДР, находящаяся в Северном Рейне-Вестфалии, где традиционно сильны позиции социал-демократов, иногда называют «красной»...

— Да, я знаю об этом. Но поверьте — я работаю здесь давно и ни разу не сталкивался с давлением со стороны СДПГ.

— В немецкой конституции записано, что средства массовой информации свободны и независимы, запрещена цензура. Но, наверное, немало зависит от того, до какой степени независимым ощущает себя журналист...

— Да, конечно. Ибо конституция — это одно, а человек со своими слабостями — другое. Независимость может быть чертой характера, но она подкрепляется и трудовым законодательством, по которому журналист достаточно надежно защищен от какого-либо давления со стороны. Это залог того, что коллегам не

надо бегать и стучаться в двери различных партий, дабы заручиться поддержкой или получить протекцию для продвижения по службе. К сожалению, бывают продажные журналисты...

— Допустим, одна из партий начинает явно и настойчиво проталкивать свои представления и позиции...

— Что ж, случается, и частенько. И это логично. Я же вообще считаю, что партии получили слишком много возможностей, чтобы влиять на телевидение. Но не настолько, чтобы сказать: нет, наша система несправедлива. Я вам приведу такой пример. Недавно интенданты АРД обсу-

ждали, кого назначить на пост главного редактора одной из важнейших передач — «Темы дня». Место было вакантным довольно долго — никак не могли подобрать достойного кандидата. Накануне последнего обсуждения генеральный секретарь ХДС Хинце, как выяснилось, встречался с некоторыми интендантами, близкими его партии или даже состоящими в ней, и уговаривал останавить свой выбор на кандидатуре, которую он расхваливал и всячески навязывал. К чести интендантов, они не поддались на увещевания и единогласно избрали другого. О вопиющем факте стало известно, о нем писали газеты. Это лишь один из примеров того, как функционирует у нас надежная система контроля за телевидением со стороны независимой прессы. И наоборот. Это обязательное и неременное условие демократии. К сожалению, оно все в большей степени нарушается в сфере частного телевидения и газет. Там возникает очень много достаточно прочных связей, что, с нашей точки зрения, противоречит конституции.

Они звонят сплошь и рядом

— Вы можете себе представить, что у вас раздается телефонный звонок, и кто-нибудь из членов парламента или правительства выкажет свое недовольство передачей, репортажем? Или даст указание? — задал я новый вопрос.

— Вполне. Это бывает сплошь и рядом —

звонят главным редакторам, директорам программ, интендантам. Другое дело, как те реагируют. Если начинают оправдываться и обещать сделать внушение журналисту, то это абсолютно неверно. Кто бы ни жаловался — ответ должен быть: нравится вам, уважаемый господин, или нет, но такова в действии свобода средств массовой информации. И критерий может быть один-единственный — объективность и точность фактов. Впрочем, это азбучная истина журналистики.

— Ну а если кто-то из политиков захочет выступить по телевидению, чтобы изложить свою точку зрения, что-то опровергнуть?

— Это исключено. Лишь дважды в год федеральный президент и канцлер обращаются с экранов телевизора с короткими посланиями — накануне Рождества и Нового года. В землях то же самое делают премьер-министры. Я, признаться, не припомню, чтобы кто-нибудь из политиков обращался с просьбой дать ему время в эфире. Кто хочет — пожалуйста, может организовать пресс-конференцию, где и высказывает свои взгляды...

— Имеют ли журналисты право объявлять забастовку в знак протеста и несогласия, скажем, с политическими решениями? Или запрещать к выходу в эфир сделанные ими передачи?

— Политические забастовки у нас в стране вообще запрещены. Не имеют права бастовать журналисты и потому, что в таком случае зритель лишится своего права на получение информации, а оно закреплено законом — журналисты обязаны его свято соблюдать. Другое дело, что никто не может заставить журналиста говорить то, что противоречит его убеждениям, как никто не может без очень веских причин кроить подготовленный им материал...

Разговор невольно коснулся политической ситуации в России, за которой мой собеседник следит очень внимательно, о попытках приструнить телевидение «народными избранниками».

— Это печально и тревожно, — заметил он. — Но, увы, логично. До тех пор, пока у вас не выкристаллизуются и не окрепнут демократические начала, всяк будет тянуть одеяло на себя и пытаться понукать прежде всего телевидение. Роскошь свободных средств информации может позволить себе только богатое и стабильное общество. Но и в нем за эту свободу надо бороться...

БОНН

Страна Чудес против Марии

Борис Медовой

Над жизнью Марии Остен тяготел странный рок, некая зловещая мета, которую в старину называли «усмешкой дьявола». Будто по сатанинскому капризу все искрение, благородные поступки Марии оборачивались для нее бедой.

Молоденькая журналистка из Берлина, как и многие другие немецкие антифашисты, с трепетной преданностью относится к Советскому Союзу, оплоту борьбы с нацизмом. Когда в начале тридцатых Марии приходится покинуть Германию и поселиться в России, девушка еще сильнее влюбляется в эту страну, названную ею в своей книге Страной Чудес. Но именно эта, воспетая Марией, Страна Чудес, а не гитлеровская Германия приговаривает ее к смерти, безжалостно и абсурдно припечатывая позорное клеймо «немецкой шпионки».

На новой родине к Марии приходит любовь. Ее избранник — выдающийся советский журналист. Вместе с ним она много ездит по Советскому Союзу, бывает в других странах. Делит тяготы гражданской

Молодая журналистка из Берлина связала свою судьбу с Михаилом Кольцовым. И разделила его участь...

Мария Остен была влюблена в Советский Союз. Но именно эта, воспетая Марией, Страна Чудес приговорила ее к смерти, припечатывая позорное клеймо «немецкой шпионки»

Весть об аресте Михаила Кольцова застала Марию в Париже, и она безоглядно бросилась в Москву с надеждой выручить друга из беды

войны в Испании. В момент вынужденной разлуки (он — в Москве, она — в Париже) приходит весть о его аресте. Мария безоглядно бросается в Москву с наивной надеждой выручить друга из беды, но сама попадает в адскую машину истребления.

Задание от Фейхтвангера...

...На столе — папка со «Следственным делом Р 198 76». Аккуратно подшитые документы, ордер на арест, подписанный лично наркомом, протоколы допросов, фотографии, справки, акты.

В кабинете — безмолвие. Его нарушает лишь хрусткий шелест бумаг. Лист за листом. Страница за страницей. Вопросы — ответы. Обличения — опровержения. Противоборство озлобленного, дикарского невежества с непоколебимым гордым достоинством. Трагический фарс, запечатленный на высушенной временем бумаге.

Следователь Жигарев ведет допрос. — Требую признаться — с какой целью приехала из Парижа в Москву?

Жигарев с маниакальным упорством задает этот вопрос. Однако подследственная снова и снова называет причину, которая

представляется следовательно издевательски вздорной.

В его голове не укладывается — как могла эта миловидная и неглупая женщина добровольно вернуться в Москву, ведь ясно, чем грозил этот приезд.

А она упрямо твердит: хотела снять навет с человека, женой которого себя считает, поскольку уверена, что арестован он из-за нее.

Тяжко ему, Жигареву, с этой немочкой, которую надо, обязательно надо изобличить в шпионских делах, но при абсолютном отсутствии подлинных улик. Такова задача. Ему адски хочется, чтобы эта особа сама подсказала хоть какой-нибудь фактик шпионской деятельности. У самого следователя фантазии не хватает, а единственная «улика», содержащаяся в доносе, несуразна — это даже он понимает. Там написано, что Мария Остен «передавала врагу сведения о состоянии Горьковского автозавода».

Есть, правда, в деле и кое-что посерьезнее — сообщения осведомителей о людях, составляющих постоянное окружение подследственной во время пребывания во Франции и Испании, — сплошь иностранцы. Жигарев с трудом, спотыкаясь, перечисляет иностранные фамилии вслух и записывает в протокол, сильно перевирая. Все эти люди из близкого окружения Марии Остен

Друзья Кольцова
Лион
Фейхтвангер и
Андре Мальро
умоляли Марию
не возвращаться
в СССР. Они
лучше, чем кто-
либо, знали, что
происходит в
этой стране

не могут не быть антисоветчиками и шпионами. И он требует, чтобы она призналась в главном: какие конкретно шпионские задания получала от перечисленных вражеских лиц, а именно: от Андре Мальро, Лиона Фейхтвангера, Артура Кёстлера, Людвига Ренна, Вилли Бределя...

Много лет спустя Андре Мальро, будучи министром культуры Франции, с грустью вспоминал, как он и его друзья — те самые, что перечислены в доносе, — горько переживали, что им не удалось удержать Марию от отчаянного шага.

Мальро принимал нас, группу московских деятелей культуры. Когда кончилась официальная часть беседы, я стал расспрашивать Мальро о Кольцове — они были друзьями. Прошли годы, но Мальро хорошо помнил, как испытал шок от вести об аресте Михаила, как пытался убедить остаться Марию Остен в Париже.

— Я говорил ей, — вспоминал Мальро. — Пойми же, Мария, дорогая, тебя арестуют прямо на вокзале, как это случилось со многими. Михаила ты не спасешь, а сама погибнешь. Сатана там правит бал.

Но она упрямо твердила, что если даже ее арестуют, то дадут очную ставку с Михаилом и он убедится, что она не предала его, не оставила в беде...

Ее уговаривали Фейхтвангер и Кёстлер. Уж они-то лучше, чем кто-либо, знали, что происходит в Москве. Но Мария — ни в какую. Она верила в Сталина, вспоминала, что он благосклонно отнесся к ее книге «Губерт в Стране Чудес» и даже дал для нее фотографию. Ее идеализм был безграничен.

«Мясник» из Коминтерна

Мария приехала в Москву. На вокзале, вопреки зловещему предсказанию Мальро, ее не арестовали, и это показалось Марии добрым предзнаменованием.

Однако то, с чем Мария стол-

кнулась в последующие дни, приносило ей лишь тревогу, вызывало боль, смятение. Из всех влиятельных людей, к кому она пыталась пробиться, ее принял только руководитель Коминтерна Георгий Димитров. А Ворошилов и Поскребышев, Фадеев и Мехлис отказались с нею говорить даже по телефону.

С Димитровым Мария была знакома еще по Берлину, где Георгий до прихода Гитлера к власти руководил европейским центром компартий. Позже Мария вместе с Михаилом Кольцовым была одним из организаторов общественного трибунала — контрпроцесса в защиту Димитрова во время судилища в Лейпциге — и активно участвовала в выпуске «Коричневой книги», разоблачающей фашистскую провокацию. Они оставались добрыми друзьями и в последующие годы в Москве. Георгий Михайлович написал великолепное предисловие к ее книге «Губерт в Стране Чудес».

Однако встреча в Москве вызвала шок. Мария с трудом узнала Димитрова. Темпераментный, могучий мужчина, трибун и борец, наводивший страх на фашистов, превратился в сникшего, погрузневшего человека с потухшим взором.

Тихим голосом Георгий Михайлович сказал, что НКВД арестовал сотни сотрудников Коминтерна и политэмигрантов. Он трижды обращался к Берия с письмом по этому поводу, но ответа так и не получил. Тем более он не сможет вызволить Михаила, как это ни печально...

Во время беседы Димитрова с Марией в кабинет без стука вошел обрюзгший мужчина с водянисто-серыми глазами. Он подозрительно всмотрелся в посетительницу, а узнав, криво ухмыльнулся.

Перед оцепеневшей Марией стоял Андре Марти, прозванный в Испании «палачом» и «мясником». Виновник массовых казней добровольцев, приехавших защищать республику от фашизма. Изувер, которого глубоко презирал Кольцов. Мария помнила, что и Хемингуэй, и Мальро не раз заклинали Кольцова не трогать, не дразнить этого кровавого маньяка, носящего звание генерального комиссара интербригад,

МАРИЯ ОСТЕН

ГУБЕРТ В СТРАНЕ ЧУДЕС

*Дела и дни
нацистского пичнера*

Предисловие
ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА

Сталин благосклонно отнесся к книге Марии Остен «Губерт в Стране Чудес» и даже дал для нее свою фотографию

члена политбюро французской компартии. Друзья предупреждали, что Марти способен на любое коварство.

Описывая одну из стычек Кольцова и Марти в романе «По ком звонит колокол», Хемингуэй предостерегал советского журналиста: Марти будет жестоко мстить за нанесенную обиду. Так и произошло.

Недавно стал известен текст письма, направленного этим именитым доносчиком Сталину: «Мне уже приходилось и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самоchinно узурпированы им. Его вмешательство в военные дела, его спекуляция своим положением как представителя Москвы безусловно наносят вред общему делу и сами по себе достойны осуждения. Но в данный момент я хотел бы обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением:

1. Кольцов вместе со своим неизменным спутником Мальро, который не является коммунистом, вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. По поступившим сведениям, проходили беседы с руководителями ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты вряд ли носят случайный характер.

2. Так называемая «гражданская жена» Кольцова Мария Остен (Грессгенер) замечена в компрометирующих связях с деятелями правого толка. И у меня лично нет никаких сомнений, что она является засекреченным агентом германской разведки. Убежден, что многие провалы в военном противоборстве — следствие ее шпионской деятельности».

Далее в письме содержатся доносы на советских военачальников, принимавших участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. Клевета эта не подтверждается никакими конкретными фактами. Однако последствия ее были трагическими.

Сталин велел снять копии с доноса Марти и направить их в НКВД. Все эти люди, не угодившие мерзавцу Марти, по возвращении из Испании были арестованы и погибли в застенках Лубянки.

И вот он здесь, в Москве, в Коминтерне. И, судя по вельможным замашкам, чувствует себя хозяином в этом учреждении. В глазах Димитрова при появлении Марти Мария уловила нечто вроде испуга.

В эту ужасную минуту Марии стало ясно, кто был инициатором репрессий в Коминтерне. Она с тоской осознала обреченность своих

хлопот, во всяком случае в Коминтерне.

Коварный замысел: принять гражданство СССР

Обо всем виденном и слышанном Мария рассказала в те мрачные дни трем своим близким друзьям, единственным, пожалуй, людям в Москве, которые не только не отрезались от нее, но разделили ее горе, поддержали, помогли. Художник Борис Ефимов, родной брат Михаила, Нина Гордон, литературный секретарь Кольцова, музыковед Григорий Шнеерсон. Несмотря на всю опасность, они приняли искреннее участие в судьбе Остен и были верны ей до самого ареста.

Вернувшись в Страну Чудес по своей воле, Мария ощутила, как быстро уходит из-под ног почва. Прежде всего осталась без работы. Она была штатным корреспондентом немецкой газеты «Дойче Централь цейтунг» и журнала «Дас Ворт», издаваемых журнально-газетным объединением, которым руководил Михаил Кольцов. Но, вернувшись в Москву, узнала, что незадолго до ареста Кольцова по распоряжению свыше «Жургаз» вместе со всеми изданиями ликвидирован.

У нее была прекрасная квартира на Самотеке. В ее отсутствие там продолжал жить Губерт, превратившийся в отрока мальчуган, герой ее знаменитой книги. Мария привезла его из Саара и приняла в свой дом.

Чтобы Мария утратила права на московскую жилплощадь, Губерт перевел квартиру на себя, а свою благодетельницу выписал из нее. Отрок даже не впустил ее, не пожелал иметь с нею никаких дел. Это, однако, не спасло его от ареста и заключения.

Когда Мария узнала, что «законная» жена Кольцова — Елизавета Ратманова после ареста мужа публично отреклась от него, то при хождении в высокие инстанции, направляя заявления в различные адреса, она стала называть женой Кольцова себя.

Марии сковывал статус политэмигранта. Она обратилась с ходатайством о переходе в гражданство СССР. Для этого требовалось поручительство как минимум двух советских людей. И Борис Ефимов, и Григорий Шнеерсон такие поручительства без колебаний написали. Если и точили их сомнения, то продиктованы они были опасениями за судьбу Марии. Превращаясь в советскую гражданку, она становилась абсолютно беззащитной.

Читая протокол обыска, подшитого к делу, я обнаружил в списке изъятых документов и ее ходатайство о переходе в гражданство СССР. И, как понял из текста допросов, следователи усмотрели

Руководитель Коминтерна Георгий Димитров, последняя надежда Марии на спасение Кольцова, уже ничем не мог ей помочь. Темпераментный, могучий мужчина, трибун и борец, превратился в сникшего, погрузившего человека с потухшим взором

в этом некий коварный умысел.

Приговор: «Расстрелять»

...Надежда Данилова полгода была соседкой Марии на нарах тюремной камеры. Помнит, как чекисты с тупым упорством терзали ее на ночных допросах. Надежда Давыдовна была покорена стойкостью тюремной подруги и поражалась ее удивительной наивности. Как считает Данилова, эта наивность и привела Марию к гибели.

«Мария не знала тогда, — рассказывает Данилова, — что Кольцова уже нет в живых. Он был расстрелян, а ее заставляли давать сведения о его «шпионской деятельности».

Листаю «Следственное дело по обвинению Марии Генриховны Остен-Грессгенер» и вместе с душевной тоской от этого ужаса и трагической галиматии меня не оставляет чувство восхищения. Непокоренная Мария! Не сломалась, не поддавалась давлению улюлюков, не пошла на сделку с ними, не возвела на расправу на друзей, не предала Кольцова.

Приговор, вынесенный «Особым Совещанием НКГБ СССР», был предельно кратким: «Расстрелять».

Данилова вспоминает, как однажды она сказала Марии: наверное, ей все же надо было прислушаться к советам друзей и не бросаться в Москву спасать Кольцова.

— Может, ты и права, — ответила Мария. — Но я не могла поступить иначе.

Если бы каким-то чудом сохранилась могила Марии Остен, то на ней надо было написать только эти слова:

ОНА НЕ МОГЛА И НЕ ЗАХОТЕЛА ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ

"Золотые страницы" "Golden Pages"

Частные лица и фирмы, уникальная возможность
для Вас!

Почему?

"Золотые
страницы" - информационно-рекламный
справочник на мировом уровне.

"Золотые
страницы" - бесплатно весь год в квартирах
и офисах!

И потому...

Если Вы в "Золотых страницах",
о Вас знают ВСЕ!

Наши контактные телефоны:

965-34-50, 441-99-90, 441-49-36, 118-80-21, 209-76-52

Факс: 242-17-29

Внимание! Остерегайтесь подделки!
Требуйте от наших коммерческих представителей доверенности с печатью фирмы!

Анджей Дравич:

«Нам вместе спасать наши души»

...Тадеушу
Мазовецкому,
моему
«сокамернику»
в заключении,
я дал прочесть
«Дом на
набережной».
Помню его
изумление и
горячую
просьбу: «Дай
что-нибудь
еще!»

юза еще не было в книгах официальных польских издательств».

Русист по призванию

В жизни пан Анджей выглядит выходцем из нашей староарбатской интеллигенции, всегда сторонившейся политики и превыше всего ценившей слово и дело художника. Сухощавый, высокий, как-то по-особенному пластично мягкий в движениях и способе общения, он сразу располагает к неторопливой, раздумчивой беседе...

Рудольф Борецкий. Пан Анджей, что вас при всех сложностях российско-польских отношений и отнюдь не высокой сейчас популярности профессии русиста сделало одним из главных полпредов российской культуры в Польше? Что определило ваше призвание?

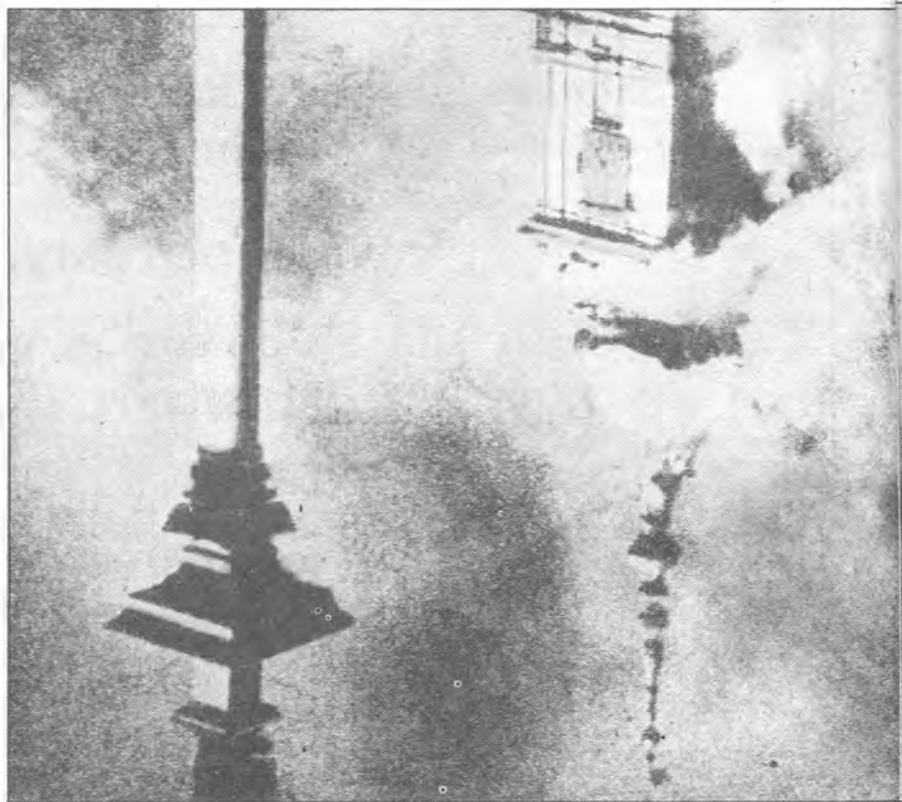
Анджей Дравич. Мое знакомство с Россией началось не с лучшей стороны. В 1939 году мы бежали из Варшавы, спасаясь от немцев. В Луцке, куда после 17 сентября пришла Красная Армия, отец был арестован, как все польские государственные служащие. В июне 1941 года, когда немцы подошли к Луцку, польские заключенные были советскими властями расстреляны.

Свидным польским писателем и ученым беседует собственный корреспондент «Нового времени» **Рудольф БОРЕЦКИЙ**

Встретить в Польше человека, доброжелательного к русским, не событие. Но, как говорят социологи, на уровне межличностном: я и ты. А вот найти того, кто бы выразил свое к нам расположение (снова скажу научно) институционально, — дело непростое. Если, разумеется, это не предусмотрено протоколом. И все же люди, которые находили в себе мужество и мудрость отделять политику и политиков от человека и народа, от его духовности и культуры, здесь всегда были, есть и будут. Но даже в их ряду Анджей Дравич — явление уникальное. Открытый противник коммунистического режима, диссидент с многолетним стажем, один из авторов парижской «Культуры» (польский аналог нашего «Континента»), интернированный в декабре 1981 года, — и блестящий знаток, исследователь и пропагандист русской культуры. С одной стороны, видная политическая фигура наравне с Модзелевским, Михником, Куроном, Мазовецким (в правительстве последнего был председателем гостелерадио). С другой — один из самых известных литературоведов-русистов, ученый, писатель.

Неожиданным подарком читателям стала его книга «Поцелуй на морозе».

Как подчеркивается в издательской аннотации, «такого образа Советского Со-

«Так погиб мой отец».

А с нами поступили иначе. Спусти четыре месяца после ареста отца, в феврале 1940-го, началась массовая депортация польских семей. Маму пригласили в НКВД и предложили подписать бумагу, что она добровольно согласна выехать в глубь России. Администрация была сама любезность. А когда мама спросила, что нас ждет в случае если она бумагу не подпишет, ей было сказано, что нас и так вывезут, только «будет хуже». И тут она, надо отдать должное ее отваге и смекалке, подписала нужные документы, а ночью, взяв меня за руку, перебралась через замерзший Буг на польскую сторону, которая тогда уже была не Польшей, а генерал-губернаторством «третьего рейха».

Так мы вернулись в Варшаву, к немцам, которых я уже боялся меньше, чем русских. От немцев мы, конечно, тоже свое получили. Дом наш сожгли, дядя погиб в Освенциме. Так что военная биография нашей семьи типична для миллионов поляков.

Но из детских впечатлений о русских я помню не только горестное. На моих глазах они спасли Ченстохову и польскую святыню — Кафедральный собор и монастырь на Ясной Гуре. Брели город танковым прорывом, без пехоты, спешили, чтобы немцы не успели взорвать монастырь. Там погибли сотни ваших парней. За нашу святыню. Я это тоже запомнил.

А в 1949 году я уже пришел в Варшавский университет комсомоль-

цем, членом союза молодежи, пламенно и искренне любящим победоносную Россию и ее вождя — освободителя народов. Тогда же меня потянуло и к русской литературе, хотя опять-таки знакомство с ней начиналось не с лучших образцов. К нам ведь приходили главным образом книги Бабаевского, Ажаева и подобных «живых классиков» соцреализма, на фоне которых «Молодая гвардия» была венцом художественного творчества. Книжки эти мы не просто читали, мы их прилежно штудировали. Что до меня, то я не ограничивался списком «обязательной» литературы. Увлёкся поэзией, начал с Маяковского, ничего в нем с разбега не понял, поскольку и языком знал еще не очень, а что уж говорить о его поэтическом слоге! Кроме того, поклон лучшим нашим писателям, взявшимся за переводы. Благодаря им широкому читателю стала доступна и классика, то есть подлинная русская культура. И хотя нас, молодых активистов, больше тянуло «прорабатывать» современников, каждый, кто хотел глубже изучить предмет, имел для этого великолепные возможности.

Из комсомольцев — в диссиденты

Университетский интерес постепенно вылился в устойчивую привязанность. Короче, после окончания факультета полонистики я связал себя с русистикой — пошел ра-

ботать в некое полупросветительское, полупросветительское учреждение, которое называлось Польско-советский институт. Р.Б. Как, когда, при каких обстоятельствах вы стали диссидентом? И вообще, что это за явление в условиях Польши?

А.Д. В польское диссидентство приходили люди разных поколений и разными путями. Во время интернирования я встречал и «ветеранов», начинавших борьбу с системой еще в конце 40-х годов, когда мы были пацанами и захлебывались от энтузиазма, а они уже ни иллюзий не имели, ни восторга нашего не разделяли. А мои ровесники, «шестидесятники» по вашей терминологии, еще долго носились с идеей «обновления» социализма. Даже венгерская трагедия 1956 года нас не отрезвила. Я помню, какую проработку нам, молодым польским литераторам, устроили в 1957 году в Союзе советских писателей, когда мы выступили там со своим реформаторством. Нас припечатывали словом, которое тогда звучало как приговор: ревизионисты. Это теперь кажется смешным, а тогда было не до смеха. Но окончательно с верой в «улучшение» мы расстались где-то в марте 1968 года. Когда власти развернули в Польше гнусную, циничную, антисемитскую кампанию и стало ясно, что режим в средствах не разбирается. После этого вторжение в Чехословакию уже не было для нас неожиданно-стью.

Для представителей следующего поколения период политического созревания был короче, им достаточно было уроков студенческих волнений 1968 года. Так что, как видите, у каждого был свой путь к инакомыслию. Мои ровесники пережили более сложную, временами трагическую, ломку сознания.

1975 год стал поворотным в моей жизни, и снова он был косвенно связан с Россией. В Польше тогда обсуждался проект новой конституции, в которую включили и отдельное положение об «обязательной дружбе с СССР», что ставило наше независимое государство в униженное положение вассала. Дружба как законодательный принцип свободной страны! Это было слишком! Пришел Адам Михник, принес текст обращения к властям, спросил, подпишу ли. Подпишу, и немедленно! Он предостерег: ты понимаешь, какие могут быть последствия? Я очень хорошо понимал.

В 1939 году вместе с тысячами беженцев Дравич покидал горящую Варшаву. Но многие из ушедших от гитлеровских бомб встретили смерть в советских лагерях и тюрьмах...

Но сидеть сложа руки не мог. Злой был, как черт!

«Последствия» для участников протеста (документ назывался «Письмо 59», по числу подписавших его) были разные: для меня они начались с того, что въезд в СССР мне закрыли на 12 долгих лет. Неслабое наказание для человека, профессией своей, делом жизни связанного с Россией.

Ну а потом сформировался Комитет защиты рабочих (КОР), возник журнал литературного андеграунда «Записи», открылись «летучие университеты», и я уже активно участвовал во всех этих движениях. Любопытно, что в «университетах» мне предложили читать именно курс русской литературы, и когда я засомневался, найдутся ли слушатели, организаторы курсов решительно возразили: «Вы, пан Дравич, даже не представляете, какой живой интерес проявляется сейчас к русской литературе!»

«Все мы были узниками одного лагеря»

Р.Б. Как примиралось в вас неприятие советской империи и любовь к культуре этой страны?

А.Д. Я рано научился не смешивать эти понятия и помимо всего у меня были неплохие наставники, например Ежи Гедройц, главный редактор парижской «Культуры». Были и другие хорошие учителя.

Моя Россия — это прежде всего русская литература. Сошлюсь на Короленко, который как-то сетовал, что везде чувствовал себя изгоем, потому что одни его считали «слишком поляком», другие — «слишком русским». Я нашел свою вторую родину, писал Владимир Галактионович в русской литературе. Вот и для меня она стала второй родиной, отчего, кстати, я отнюдь не чувствую себя менее тесно связанным с первой. Кроме того, «моя Россия» — это еще и русская интеллигенция, которая ввела меня в свой круг и приобщила к русской культуре. Ну и, конечно, «моя Россия» — это глубокое переживание общей судьбы, общего страдания: все мы были узниками одного лагеря и теперь, когда спасли тела, нам вместе предстоит спасти и свои души.

Р.Б. Из вашей книги возникает образ России очень лиричный, теплый и для польской мемуаристики нетрадиционный. Есть у вас замечательные страницы о московских кухнях, которые в эпоху безвременья превращались в дискуссионные политические клубы. Есть глава о писательских вдовах, которую читаете как поэтическую оду (простите за высокий слог!) их подвигу — спасению для русской культуры наследия безвременно ушедших из жизни великих людей. От вашего глаза не ускользнули детали

нашего быта, абсолютно невыносимые в контексте иной национальной среды. Невозможно, например, себе представить, чтобы в Варшаве 70-х годов за одним столом собирались доносчики и те, кто затем становился жертвой доносов, причем не по незнанию, а престо потому, что осведомители работали «не по тому профилю». И это тоже была Россия. Нам, русским, такие ситуации понятны, мы их пережили: вся порядочная московская, петербургская, киевская интеллигенция спорила на своих кухнях, читала по ночам самиздат и в лицо знала своих стукачей. Но это наша жизнь, наша история, наша боль. Кто ваш читатель в нынешней Польше, где люди живут в ином пространстве, другими проблемами?

А.Д. Много из того, что вошло в книгу, я рассказал гораздо раньше, так что, можно сказать, у книги было своего рода устное издание. Моими слушателями были, представьте себе, товарищи по заключению во время интернирования. Тадеушу Мазовецкому, моему «сокамернику», я дал там прочесть «Дом на набережной». Помню его изумление и горячую просьбу: дай что-нибудь еще! Собственно, тогда во мне и окрепла мысль: показать моим соплеменникам Россию такой, какой я ее давно знаю, люблю и вижу изнутри...

А с Ахматовой не получилось...

Р.Б. Знаю, что в отличие от большинства западных исследователей вы отошли от своеобразного стереотипа: Толстой — Достоевский — Чехов. Каковы ваши личные пристрастия, кто из наших писателей вам ближе других и почему?

А.Д. Есть, конечно, иерархия «по сердцу» и есть «по уму». Самым выдающимся русским литератором XX века я считаю Андрея Платонова, а по душе мне роднее других Михаил Булгаков. Я ведь по узкой своей специализации — булгаковед. Платонов, Набоков, Зощенко — громадные величины, но Булгаков ближе моему мироощущению, он попадает сразу в сердце, задевает тайные струны души...

Р.Б. С кем из ваших многочисленных друзей в России вы до сих пор поддерживаете связь, кто запомнился особенно?

А.Д. Многим моим друзьям уже более 30 лет, так что «иных уж нет,

И тем не менее Польшу освобождали вместе...

а те далеке». Очень дорожу воспоминаниями о Викторе Некрасове, моем бесценном гида по булгаковскому Киеву, о Борисе Слуцком, очень взыскательном и строгом, о Давиде Самойлове. Оба, кстати, знали и ценили польскую литературу, много для нее сделали. У Слуцкого есть замечательные стихи о Польше... Арсений Тарковский, Иосиф Бродский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина подарили мне свою дружбу. Горжусь тем, что был допущен в круг Надежды Яковлевны Мандельштам. Успел познакомиться даже с Алексеем Крученых и с самой Анной Ахматовой.

С ней, правда, получился полный конфуз. В один из своих приездов в Москву Анна Андреевна согласилась принять меня, и я отправился на Ордынку, где она всегда останавливалась у Ардовых. Шел, что называется, на дрожащих ногах. В тот момент, когда Ахматова открыла дверь, я увидел перед собой не женщину — царицу... И не знаю, что на меня нашло, столбняк какой-то: я и двух слов связать не мог. Анна Андреевна тем временем решила устроить мне знакомство что-то вроде экзамена. И это повергло меня в немой ужас, сменившийся мальчишеским упрямством: не стану экзаменоваться — и все! Короче, минут через двадцать Ахматова деликатно меня выпроводила. И вот плетусь я по Ордынке, а в голове пульсирует:

всего дать время для спокойных размышлений, а этого времени у русской интеллигенции, кстати, никогда не было. Ваша бурная история не давала ей такой привилегии. В 20-е годы русское рефлексующее сознание и вовсе истончилось: люди масштаба Павла Флоренского были либо уничтожены режимом внутри страны, либо выброшены за границу. А сейчас тон задают озорные молодые ребята, с наслаждением танцующие на обломках рухнувшей империи. Весь этот соц-арт делает, конечно, полезное дело. Однако уместно вспомнить, что писал Бродский:

И скажет смерть, что не поспеть сарказму
За силой жизни. Проникая призму,
Способен он лишь увеличить плазму.

Ему, увы, не озарить ядра.
«Озарение ядра» вернет русской интеллигенции подобающее место в обществе, но это — впереди... В Польше тоже, надо сказать, не наблюдается пока заметных художественных достижений.

Хотя книжный рынок уже дрогнул: явно обозначился крен читательского интереса к литературе серьезной, в том числе и к классике.

Р.Б. Ярко выраженная духовность и массовая бедность, высокая культура и несвобода личности. Как, по вашему, эти пары согласуются? Какой-то несомненно неглупый американец сказал: «Я учу математику, чтобы мои внуки могли заниматься искусством». Переносима ли в нашу реальность — и польскую, и российскую — такая вот перефразировка: «Я торгую, чтобы мои внуки могли рисовать, сочинять музыку, писать стихи?»

А.Д. Я бы не выстраивал такой причинно-следственной жесткой цепочки. Жизнь духа имеет имманентную логику развития и не зависит напрямую от материального достатка. Ко мне и сегодня приходят очень интересные ребята, жаждущие изучать, скажем, Бродского или Венедикта Ерофеева, хотя бизнесом заниматься сейчас куда прибыльнее. В «споре физиков и лириков» нет победителей: и те и другие равно необходимы человечеству.

Залог взаимного тяготения

Р.Б. Две наши страны не только соседствуют территориально (хотя границы гуляли с запада на восток и обратно не единожды). Мы сплелись кровью славянской, культу-

рой, сходством национальных характеров. Как вы, знаток современных культурных процессов, видите их движение между нашими народами сегодня? Есть ли у них, этих процессов, какая-то ясная перспектива или горизонт во мгле?

А.Д. Уже в XIX веке культура России была культурой огромного государства, причем восходящего, прорывающегося к демократическим формам организации жизни. (Другое дело, что этот стремительный разбег был прерван войной и революцией.) И ваши великие писатели имели возможность, пусть относительную, говорить свободным голосом, обращаться к общечеловеческим ценностям. В то же время мы, поляки, были замкнуты на национальную идею, потому что жили в условиях несвободы, нам тогда было не до вселенских проблем. Достоевский отвечал на вопросы Человека, наши духовные вожди — на вопросы нации. И мне кажется, что свободное сосуществование наших народов дает ныне возможность открыть принципиально новую страницу отношений: возникнет интерес друг к другу как к представителям непохожих культур, потому что чем мы похожи друг на друга, мы вроде бы уже знаем. Причем даже стереотипы несходства, убежден, тоже будут пересмотрены. Согласитесь, в избитых штампах «кичливые поляки» и «русские — нация рабов» всегда присутствовало больше взаимных обид и претензий, чем спокойной, объективной оценки.

В разных генезисах наших культур я вижу залог взаимного тяготения. Польская культура, шляхетская, дворянская по своей родословной, и впрямь будет импортировать утонченностью формы; русская культура, мощными корнями уходящая в толщу народной жизни, и впрямь будет привлекать силой, глубиной проникновения в жизнь человеческого духа, масштабом художественного и философского обобщения. Скажу откровенно: европоцентризм моих соотечественников отчасти объясняется и тем, что мало кто из них знает, что тот же Париж еще не так давно равнялся на Москву и Петроград, что в те же 20-е годы, скажем, русский авангард шел впереди европейского авангарда, что Толстой и Достоевский — до сих пор современные, наиболее изучаемые и почитаемые на Западе писатели и так далее. Самое время внести в наши культурные ориентации, если можно так выразиться, здравый смысл и верные акценты. Я лично вижу в этом свою профессиональную и гражданскую задачу.

Р.Б. Спасибо за беседу.

ВАРШАВА

«Случилось то, что случилось, но я видел Ахматову и этого у меня никто и никогда не отнимет!»

С нежностью вспоминаю Боря Балтера, Илюшу Зверева. Илья был просто влюблен в мою родину. Рассказал мне презабавную историю из своего путешествия по Польше. Как-то с группой писателей зашел он в костел и в приделе увидел вывешенный список литературы, которую прихожанам читать рекомендовано, и списки тех книг, которые читать нежелательно либо вообще возбраняется. И, о диво, в графе «рекомендованной литературы» сплошь советские книжки. А ксендз спокойно объяснил: «С моральной точки зрения ваши авторы безупречны: у них мужчину от женщины не отличишь». Илюша, помню, смеялся, но горестно.

В «споре физиков и лириков» нет победителей

Р.Б. В понятие «вашей России» входит и русская интеллигенция. Интеллигенция всегда составляла нашу национальную гордость. Была чем-то марочным. А стала ярлыковым. Как-то потерялось, стусебалось само гордое понятие «русский интеллигент». Больше того, как в пору раннего большевизма, вновь звучит чуть ли не бранно...

А.Д. Интеллигенции надо прежде

Рембрандт и Фаберже как фактор пятилетки

Э. Красносельский

В кругу посвященных широкая распродажа национальных ценностей объяснялась так: нужны станки, машины, трактора

А для этого нужна валюта. Но где ее взять? Что мог тогда СССР вывозить, кроме сырья? Только бывшую собственность эксплуататорских классов, то есть художественные ценности из музеев и дворцов, ограбленных во время революции. (Эксперты говорят, что демпинг сырья, который практиковался советским правительством, давал больше, чем можно было выручить за весь Эрмитаж.)

Широкая общественность ничего об операции не знала. Ей и не полагалось знать.

Ценности из России продавались за рубежом и до 1917 года. В 1889 году, например,

Карл Фаберже, великий русский ювелир (по национальности француз), создал такое количество гениальных безделушек, что даже после бесовского разбазаривания и распыления их по всему свету на долю россиян тоже кое-что осталось

Американская ассоциация искусств организовала в Нью-Йорке выставку художника Верещагина. Из немногочисленных посетителей большинство составляли кадеты военной академии Уэст-Пойнт, которые профессионально оценили батальные сцены. Сам художник не ожидал коммерческого успеха и был приятно удивлен после подсчета выручки: более 84 000 долларов — неплохая сумма в то время.

В 1893 году русские художники, главным образом передвижники, участвовали во всемирной колумбовской выставке в Чикаго.

Хождение по мукам

Драматична судьба экспозиции в Сент-Луисе 1904 года, где было выставлено около 600 произведений искусства почти 150 мастеров, в том числе такой шедевр, как репинский портрет г-жи Корево.

Это была замечательная выставка. Воспроизводились сцены из англо-бурской войны, крутилось огромное чертовое колесо, продавались гастрономические новинки: «горячие собаки» и мороженое конусом.

Но не этим она вошла в историю. А тем, что все экспонаты из России на родину не вернулись. За исключением картины «Лесной пожар» А. Денисова-Уральского, поднесенной американцами в дар советскому правительству в 1979 году.

Остальные произведения пережили то, что называют хождением по мукам. В феврале 1904 года началась русско-японская война, в которой симпатии американцев были не на стороне России. В связи с этим две трети русских картин вообще не были рассмотрены экспертами.

После закрытия выставки экспонаты из России вывезли в Нью-Йорк, где на аукционах 1905–1906 годов часть картин удалось

Во ознаменование великого переворота преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1/ Памятники воздвигнутые в честь царей и их преемников и прочие памятники с исторической или с художественной стороны подлежат снятию с площадей и улиц и частым переоборудованию в скважины для использования утилитарного характера.

2/ Особой Комиссией из Народных Комиссаров по Просвещению и Чужестранцам в Западном Отделе Народных Комиссаров по Просвещению и Чужестранцам и Народных Комиссаров по Искусствам и Просвещению, а также с участием представителей искусства и искусства, для обсуждения вопроса о памятниках.

3/ Той же Комиссии поручается рассмотреть вопрос о памятниках.

12 апреля 1918

Председатель Совета Народных Комиссаров

Народные Комиссары

Генеральный Секретарь Совета Народных Комиссаров

Этот декрет был принят 12 апреля 1918 года на заседании Совета народных комиссаров. Особой комиссии поручалось определить, какие памятники подлежат снятию, а также организовать «широкий конкурс по выработке проектов памятников, должествующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции». Пункт четвертый декрета гласил: «Совет народных комиссаров выражает желание, чтобы в день 1-го мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и выставлены первые модели новых памятников на суд массы». Что из этого вышло, каждый из нас может и теперь видеть на улицах практически всех городов и населенных пунктов...

продать. Но возникли таможенные осложнения, и американское правительство запретило дальнейшие торги. Картины пошли на склад. Долг таможен никто не платил, а держать холсты под замком до бесконечности было нельзя. Власть стали поговаривать о том, чтобы пустить с молотка «выморочное имущество» — так была названа коллекция русской живописи, покоившаяся в ящиках. Участвовавшие в деле юристы и какие-то сомнительные личности проявили некомпетентность и совершили одни ошибки за другими. Русскому правительству, потерпевшему поражение на Дальнем Востоке и переживавшему кризис внутри страны, было не до картин, застрявших в далеком краю.

В 1908 году русские экспонаты в 46 ящиках были отправлены в Канаду, где взяли пошлину не за холсты, а за рамы. Еще через два года эксперты вскрыли ящики и обнаружили, что живопись изрядно попортилась.

В 1910 году русская коллекция оказалась в Окленде, штат Калифорния. Два года спустя состоялся наконец долгожданный аукцион в Сан-Франциско. Некоторые вещи шли по два-три доллара. Личный врач Джека Лондона купил серию картин Николая Рериха «Старая Россия» за 138 долларов. Остатки взял бизнесмен из Калифорнии Хэвенс оптом за 39 000 долларов.

Русские художники ничего обо

всем этом не знали. Шли годы, надежд на какую-нибудь выручку не оставалось. Петиции на имя царя и министра иностранных дел не давали ничего. Рассерженный Репин в 1910 году заявил, что никогда больше ни одной вещи в Америку не пошлет.

В 1916 году обладатель картин Хэвенс устроил аукцион, а через два года умер. В России вскоре произошла революция, и вся эта история забылась. Николай Рерих, покинувший красную Россию и назвавшийся большевиками гонимыми, выяснил, что многие его холсты осели в Оклендском музее.

Все остальное расплылось по частным собраниям в разных местах.

Князь Феликс Юсупов, как и его предок Николай, увековеченный Пушкиным («К вельможе»), ценил классическую живопись. И очень любил ночные развлечения в знаменитых парижских местах. Из России он выбрался в 1919 году с немалыми средствами, но уже через год они стали подходить к концу. Агент известного коллекционера Гюльбекяна предложил Юсупову 150 000 фунтов стерлингов за двух «рембрандтов»: «Женщину со страшным опалом» и «Мужчину в шляпе и с перчатками», но тот просил 200 000.

Все нужно делать вовремя. Прошло около года, и Юсупов уступил свои сокровища Джозефу Уайденеру за 100 000 фунтов. С 1942 года эти портреты украшают Национальную галерею искусств в Вашингтоне.

Начало было робким

О том, какими ценностями обладает Советский Союз, западные коллекционеры узнавали из разных источников; один из них — появившаяся в 1925 году книга английского искусствоведа, путешественника и альпиниста Мартина Конуэя «Художественные сокровища в Советской России». Конуэй отправился в Россию, чтобы выяснить, как там живут евреи. Но большевики убедили его, что есть вещи более интересные, например состояние общественных и

частных коллекций произведений искусства. С любезного разрешения советских властей, которым это было выгодно, гость ознакомился с богатствами Эрмитажа, Троице-Сергиевой лавры, бывших дворцов Юсупова, Шувалова, Строганова.

Книга Конуэя вызвала на Западе большой интерес среди потенциальных покупателей художественных ценностей. Этого как раз и желала советская сторона.

Начало было робким. В 1928 году советское правительство открыло две выставки-распродажи: в Берлине и Вене. Для затравки вывели серебро, бронзу, мебель, фарфор. Шедевров живописи не было, и выручка никак не порадовала Кремль и красных купцов, которых Ленин еще в начале нэпа призвал учиться торговать.

В 1928 году глава «Ирак петролеум К^о» Гюльбекян узнал от Георгия Пятакова, возглавлявшего советскую торговую делегацию во Франции, что Эрмитаж готов кое-что продать за границу. Тогда он и пополнил свою коллекцию, считавшуюся одной из лучших в мире. Он купил множество золотых и серебряных изделий французских мастеров, письменный стол Людовика XVI, «Портрет Елены Фурман» Рубенса, «Диану» Гудона, «Портрет Тита», «Палладу Афины», «Портрет старика» Рембрандта и многое другое. Этот армянин с английским паспортом, долгое время живший в Париже, лучше всего известен в Португалии, где он основал Фонд для поощрения образования, искусств, наук и благотворительности и где в его честь в 1965 году были выпущены две почтовые марки.

Капиталист предупреждал коммунистов

Гюльбекян, по его собственным словам, испытывал болезненную страсть к приобретению шедевров. Он был честен и порядочен, о чем свидетельствуют его письма Пятакову. В одном из них он писал: «Как вам известно, я всегда говорил: то, что хранится в ваших музеях уже долгое время, не следовало бы продавать. Это не только национальное достояние, это источник культуры и предмет гордости страны. Если продажи состоятся и станут широко известны, пострадает престиж вашего правительства. Будет сделан вывод, что у России действительно плохи дела, если вы вынуждены расстаться с сокровищами, которые не принесут достаточной суммы, чтобы поправить финансовое состояние вашего государства».

Нарком просвещения Анатолий Луначарский, похоже, знал, что есть разница между неочищенной нефтью и высокой живописью. Он в 1928 году убедил Анастаса Микояна, ведавшего внешней торговлей, подписать постановление, запрещавшее вывозить художественные ценности за рубеж.

А через два месяца — подпись едва успела просохнуть — за границу отправилась первая крупная партия цен-

ностей с благословения того же Микояна, быть может, самого лукавого царедворца в мировой истории.

Советская сторона выбрала «удачное» время для бизнеса: в мире назревал экономический кризис, и цены на произведения искусства резко упали. Так, диптих Ван Эйка «Казнь на кресте» и «Судный день» с объявленной в 1931 году ценностью в 600 000 долларов был спустя два года продан музею Метрополитен за 195 000.

Самым мощным из американских покупателей российских сокровищ оказался Эндрю Меллон, министр финансов. За один год (с апреля 1930 по апрель 1931 года) он приобрел 21 шедевр величайших мастеров: Хальса, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Рафаэля, Веласкеса, Боттичелли, Веронезе, Тициана, Перуджино, Шардена. Эксперты говорили, что после такой закупки Эрмитаж перестал быть крупнейшей в мире коллекцией живописи.

Эта чрезвычайная сделка (больше чем на 6,5 миллиона долларов) сохранилась в секрете обеими сторонами. В мае 1931 года газета «Нью-Йорк таймс», сославшись на берлинских дилеров, сообщила о таинственном исчезновении из Эрмитажа картин старых мастеров.

По-воровски, ночью...

Министр финансов упорно все отрицал. Вообще если сделка сопровождается враньем или замалчиванием, — значит, что-то в ней нечисто. Меллон понимал: было не совсем удобно платить бешеные деньги за искусство во время Великой депрессии и низких стандартов жизни в стране в целом. Советская сторона тоже, видимо, чувствовала неприглядность такого рода бизнеса. Груз для Гюльбекяна, например, упаковывался по-воровски, ночью, при мерцавших свечах.

Многие дилеры на Западе выражали опасение, что продажа большими ценностями может вызвать скандалы: ведь за границей еще здравствовали те, кому все это когда-то принадлежало. И действительно было несколько случаев исковых жалоб. При живой наследнице княгини Строгановой советское правительство в 1931 году в Берлине организовало продажу с молотка вещей из дворца, построенного Растрелли для Александра Строганова (1733—1811), фаворита Екатерины II. На аукционе фигурировали полотна Крамха-старшего, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, две скульптуры Гудона («Вольтер» и «Дидро»).

Источник финансирования пятилеток большевики видели не только в западноевропейской живописи. Были еще «романовские сокровища», как называл их Арманд Хаммер. А ядро их составляли изделия фирмы «Фаберже».

Девизом и гордостью предприятия было высокое качество: сын Густа-

Арманд Хаммер, большой друг советского народа, умел делать деньги из всего, а самые большие — на нашем общем достоянии, на веками создаваемых российских художественных ценностях

ва Петер Карл собственноручно разбивал молотком вещи с изъяном. Фирма производила табакерки, музыкальные шкатулки, портсигары, часы, иконы, рамки для фотографий, серьги, кулоны, ручки для зонтиков, набалдашники для тросточек, миниатюрные рояли. Но верхом совершенства были пасхальные яйца с сюрпризом-начинкой. Их заказывали Александр III (по одному в год) и Николай II (по два в год: для подарков жене и маме). Таким образом, всего должно быть 57 императорских пасхальных яиц.

Истинная роль нашего старого друга

Посредником в реализации российского антиквариата за границей был Арманд Хаммер. Ему помогали братья — Гарри и Виктор, которые в 1931 году начали в Нью-Йорке распродажу царских ценностей. Здесь по дешевке сбывались мебель, севрские вазы, фламандские ковры, обеденные сервизы, кружева, часы. Письменный стол Павла I пошел за 200 долларов, кубок шведского короля Карла XII — за 57 долларов 50 центов, предметы из сервиза Николая I — по 200 долларов за дюжину.

Арманд Хаммер умел делать деньги из асбеста, карандашей, дубовой клепки для винных бочек, нефти, говядины и искусства. От сбыта предметов из эрмитажных коллекций ему полагалось 10 процентов — это ему обещал Анастас Микоян.

В 1933 году в Нью-Йорке открылась хаммеровская «Галерея русских императорских произведений искусства из Зимнего дворца, Царского села и других царских владений». Масштаб бизнеса Хаммеров пора-

жает: в 1937 году, например, они выставили в великом множестве русские иконы и несколько сотен изделий фирмы «Фаберже».

Великолепные русские экспонаты из коллекции Лилиан Пратт (ныне в Вирджинском музее изящных искусств, Ричмонд) почти целиком были приобретены через Арманда Хаммера.

Сокровища столичных комиссионков

Другим фаворитом у красных, правда, очень недолгое время, был американский посол Джозеф Дэвис. Этот дипломат, которого коллеги ни в грош не ставили, угодил в Москву в самый медовый год сталинианы — 37-й. Он тоже никак не портил настроения советским вождям. Посол не очень вникал в то, что происходило в стране, а в стране шел массовый отлов и истребление людей. Интересы посла и его супруги — Марджори Пост — лежали в иной сфере. Они стали крупными знатоками московских и ленинградских комиссионных магазинов.

Марджори Пост, богатая наследница доходов американского пицеторга, положила начало своему русскому собранию, купив в 1936 году у Хаммера яйцо фирмы «Фаберже» — дар Николая II своей матери на пасху 1914 года.

Надо отдать должное Дэвису: он понял, что в комиссионные магазины поступало имущество репрессированных, о чем упомянул в своей книге. В русском переводе это место стыдливо опущено.

В те же магазины шли вещи и из государственных хранилищ.

Дэвис, как и Хаммер, пользовался в СССР статусом наибольшего благоволения. Власть предоставили ему возможность выбирать древние иконы XVI—XVII веков из Третьяковской галереи, Чудова монастыря, Киево-Печерской лавры.

В апреле 1938 года Наркомат иностранных дел СССР известил все зарубежные посольства в Москве, что значительный поток художественных ценностей за границу побудил власти напомнить о таможенных ограничениях в инструкции 1928 года.

Дэвис мог не волноваться: дипломатам разрешалось вывозить произведения искусства без пошлины.

В 1949 году Марджори приобрела второе царское пасхальное яйцо «Фаберже». Ее имя Хиллвуд в Вашингтоне украшает одна из лучших коллекций русского декоративного искусства вне России.

Об утечке российских богатств за рубеж советская печать не трубила. На нескромные вопросы, куда подевались такие-то и такие-то вещи из Эрмитажа, отвечали: это результат пожара в музее в 1931 году.

ВАШИНГТОН

Уважаемые господа!
Предлагая сотрудничать с нами,
мы предлагаем Вам весь мир.

We offer

**В США и во все страны Европы -
с новым журналом "We offer"**

Ваша реклама за границей - это реальность.
Любые товары, услуги, коммерческие предложения и
предложения познакомиться - все может быть
предметом Вашего объявления.

Тираж - 50 000 экз.

Объем - 48 страниц.

Распространяется только за границей среди
потенциальных потребителей Вашей рекламы -
бизнесменов, туристов, коллекционеров, любителей
животных, студентов.

Вы ищете? Мы предлагаем. Вы выбираете.

По вопросам размещения рекламы обращайтесь в
международное рекламное агентство "Русская Пресс
Служба"

Издательский дом "Новое время"

Телефоны: 209-73-01, 209-92-82, 200-96-12.

Факсы: 209-96-12, 209-51-78.

МП "КАЛИТА"
совместно с ТОО
"ЛЕОНОВО"
предлагает
к реализации ТНП:

КАЛИТА

пудру компактную, автодезодорант, люстры,
автомобиль "ТОЙОТА-МАРК П" (1987 г.
выпуска), автомобиль "ЗИЛ-157" (1991 г.
выпуска), подбор по каталогам и заказ
запчастей для иномарок, изготовление
лакокрасочных покрытий для автомобилей
по технологии и на оборудовании фирмы
"ДЮПОН".

Любые цвета.

Тел. в Москве: (095) 368-52-46

РОСТЕХИМПЭКС

поставки в любую
точку СНГ

**Одежда и Вина
со складов в
Москве**

от сухих марочных
вин до элитных
коньяков в
фарфоровых
статуэтках

(095) 210-98-00

**Руководителям предприятий
и начальникам отделов МТС!!!**

АО "Воспок-Сервис"

производит поставки
профессиональной одежды и
хозинвентаря

* Мы поможем укомплектовать Ваше
предприятие спецодеждой в
кратчайшие сроки.

* Ассортимент самый широкий.

* Доставка заказа в любую точку
России.

* Форма оплаты любая.

Телефоны: (095) 168-18-50, 169-98-78, с 9 до 18 ч.
Факс: 177-05-22, круглосуточно

**Профессиональная одежда - не мода.
Профессиональная одежда -
необходимость!!!**

209-95-81 RUSSIAN
209-76-52 PRESS
200-21-10 SERVICE

Виновных нет. Денег тоже

Российские пенсионеры лишились 11 миллиардов рублей и за это никого не наказали

Игорь Рябов

Трудно в России удержаться от соблазна попользоваться властью. Украсть у государства чиновнику в любые времена не составляло труда, а окружающими воспринималось как «ловкость рук и никакого мошенничества». Так же легко и ныне остаться безнаказанным, если все-таки «попадешься». Тем более что в нынешние времена индульгенцию от всех грехов дает статус «народного избранника».

Убытки считали на счетах

В начале 1992 года МВД России начало проверку по делу о сделке, которая нанесла урон государству в 552,9 миллиона рублей. С поправкой на инфляцию сегодня эта сумма выросла до 11 миллиардов рублей. Инициатором сделки летом 1991 года был исполняющий обязанности министра социального обеспечения России Сергей Ивченков.

Вынести вердикт о виновности или невинности бывшего и.о. министра невозможно. Проверка проведена, но уголовное дело не возбуждено: Ивченков — депутат Верховного Совета России, против него нельзя возбудить уголовное дело без согласия парламента. С запросом туда должна обратиться прокуратура.

Осенью 1992 года в прокуратуру Российской Федерации были переданы документы проверки. 10 декабря 1992 года заместитель генерального прокурора Евгений Лисов вернул их в МВД.

Дело это хоть и крупное, но незамысловатое. 19 июля 1991 года Сергей Ивченков подписал контракт с американской фирмой «Перестройка (США) Инк.» на поставку министерству социального обеспечения столь необходимых ему 6 тысяч компьютеров, 5 тысяч ксероксов и 25 тысяч микрокалькуляторов. 31 июля минисобел получил согласие бывшего тогда министром финансов Ивана Лазарева на предоставление кредита и к 14 августа перевел все деньги на счет американской фирмы. Это было сделано в нарушение договоренности о том, что деньги должны переводиться за уже поступившую технику. Но поставок техники министерство так и не дождалось.

Убытки пришлось считать на счетах.

Фирма с «гордыми традициями»

«Наши компании были основаны международными бизнесменами со стабильной репутацией в отношениях с СССР. Гордые традиции фирмы включают в себя роль первопроходцев в улучшении отношений между США и СССР». Так говорят о себе в рекламном проспекте основатели фирмы «Перестройка» индийцы Мухамед (Эд) Малик и Атик Замман. Впрочем, о «гордых традициях» фирмы ничего не известно ни в американском посольстве, ни в торговом представительстве. В России, правда, Атик Замман известен азартным людям: он учредитель газет «Поле чудес» и «Частная жизнь».

От имени «Перестройки» контракт с министерством подписал индиец Атик Замман. Президент восточноевропейского отделения консорциума представляет себя как специалиста в области валютного обмена и банковских инвестиций. Хотя по диплому получил медицинское образование в советском вузе. Видимо, знания по политэкономии социализма дали ему право считать себя «широко известным в Европе консультантом по вопросам советской экономики».

Работники МВД уверены: Ивченков был не настолько наивен, чтобы не знать — за мнимым фасадом благопристойности «Перестройки (США) Инк.» ничего не стоит. К тому же в арбитражном суде Внешнеторговой палаты рассматриваются иски к этой фирме. Суть их — невыполнение обязательств по поставке продукции при получении предварительной оплаты. И все же Ивченков предпочел «Перестройку».

В январе 1991 года, то есть за полгода до соглашения с «Перестройкой», С.Ивченков планировал заключить подобный контракт с генеральным директором советско-сингапурско-бангладешской фирмы «Элтек» Юрием Джалабовым. Были согласованы все детали. Оставались сушие пустяки: поставить на контракте дату. Но Ивченков отказался сотрудничать с «Элтек», по его словам, из-за «устаревшей марки оборудования».

Материалы проверки МВД свидетельствуют о другом: Ивченкову не понравилась «низкая» стоимость контракта — всего 64,6 миллиона рублей. И.о. министра хотел придать акции солидность — сделать ее дорогостоящей.

На опросе в МВД Атик Замман показал, что Ивченков вышел на «Перестройку (США) Инк.» «по своим каналам». Цена сделки удовлетворила партнеров. Ивченков и Замман подписали контракт.

Звездный день «Перестройки»

Текст документа Ивченков составлял сам. Ни одно соглашение между ним и Замманом не проверялось и не регистрировалось. О покупке компьютеров работники аппарата Ивченкова имели весьма смутное представление. Бухгалтер министерства Надежда Пчелкина у себя дома подписывала чистые бланки платежных поручений, которые ей привозили «различные работники управления по автоматизации отрасли». Она была озадачена приглашением к следователю МВД. Конечно, бухгалтер Пчелкина не подозревала о том, что ее шеф С.Ивченков «замышлял что-то плохое».

Молчание подчиненных Ивченков обеспечивал традиционным способом: в 1991 году и.о. министра приказал выплатить работникам центрального аппарата министерства премии и материальную помощь на сумму, превышающую установленный лимит более чем на миллион рублей. Не забывал Ивченков и себя: при утвержденном в том же году Совмином РСФСР должностном окладе в 850 рублей

Сергей Ивченков — бывший «защитник» российских пенсионеров и малоимущих

PERESTROIKA

USA INC.

487 Calle San Pablo, Camarillo, CA. 93010 Phone: (805) 384-6834 FAX: (805) 389-6837

Дата: 30.07.91г.

M-135-356/91

МИНИСТЕРСТВО СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РСФСР
г-ну Ивченкову

Просим Вас произвести оплату за компьютерную технику поставленную фирмой "Перестройка (США) Инк. No. M-135-MSO-1 от 21 апреля 1991г.

1. р/с "Перестройка (США) Инк." во Внешторгбанк, № 70150511, сумма 552.900.000 (пятьсот пятьдесят два миллиона девятьсот тысяч) советских рублей.

Рябых С.

финансовый директор Восточно-Европейского Консорциума "Перестройка (США) Инк."

В письме фирмы «Перестройка (США) Инк.» Ивченкову указана взятая «с потолка» дата заключения контракта. Сами же финансовые документы подписывались без указания каких-либо точных дат и юридического адреса покупателя

он установил себе зарплату в 1060 рублей.

Распределением закупленного, но так и не дошедшего оборудования по регионам России занимался Дмитрий Сорокин, начальник Главного управления по автоматизации отрасли и фактически председатель кооператива «Линк». Ивченков оценил и его канцелярское усердие: 23 августа 1991 года на счет кооператива министерство перечислило 1,8 миллиона рублей. Кооператор даже не стал пускать их в дело — вся сумма была списана со счета на карманные расходы...

В декабре, правда, Сорокин деньги вернул, испугавшись правоохранительных органов, к тому времени заинтересовавшихся судьбой исчезнувших миллионов. Ведь у Сорокина нет депутатского иммунитета.

14 августа 1991 года стало «звездным» днем «Перестройки (США) Инк.». В тот день кошелек никому не известной фирмы потрогал на 552,9 миллиона рублей. Сколько досталось и досталось ли из этой суммы Ивченкову, неизвестно. А бенгалец Замман раскидал свои миллионы по дочерним предприятиям «Перестройки (США) Инк.». Быть может, деньги минсобеса под-

Контракт № _____ 19 ____ г.

г. Москва

Фирма "Перестройка (США) Инк."

интересуем в дальнейшем "Продвигать" с одной стороны, в Министерстве социального обеспечения РСФСР, с другой стороны, заключить настоящий договор о поставке.

1. ПРЕДМЕТ КОНТРАКТА

1.1. Продавец продает, а Покупатель покупает на условиях поставки компьютерную технику, указанную в количестве 500 шт.

2. ЦЕНА И ОБЩАЯ СУММА КОНТРАКТА

2.1. Цена I компьютеров 38 500 руб. (Двадцать восемь тысяч пятьсот рублей) всего 19 250 000 руб. (Двадцать девять миллионов две тысячи пятьсот рублей)

2.2. Цена I компьютеров 38 500 руб. (Двадцать восемь тысяч пятьсот рублей) всего 19 250 000 руб. (Двадцать девять миллионов две тысячи пятьсот рублей)

Итого 19 250 000 руб. (Двадцать девять миллионов две тысячи пятьсот рублей)

г. Москва 30.07.91г. Ивченков

пытывают
ныне «Поле
чудес» и «Част-
ную жизнь»...

А министерство не упразднили

Августовский путч 1991 года, предполагают в МВД, оказался компаньоном как нельзя кстати, чтобы спрятать концы сделки в воду. «Советолог» Замман и профессиональный советский аппаратчик Ивченков в надежде на неразбируху в министерстве и подтверждение слухов о его расформировании подписали 15 сентября дополнительный протокол о продлении срока поставки оборудования до 30 августа 1992 года.

«Мы не могли поставить компьютеры, потому что после преобразования минсоцобеспечения в министерство социальной защиты населения не было точного адреса нового юридического лица», — оправдывался перед следователем Атик Замман. Он не депутат Верховного Совета, поэтому ему приходится

хитрить. Правда, делает он это весьма неудачно. Ведь в подписанных им договорах адрес покупателя вообще не был указан.

Дополнительный протокол был последним штрихом операции. Сергей Ивченков делал его торопливо: спешил на самолет в Америку.

Три недели длились калифорнийские каникулы главного защитника русских пенсионеров. Три недели работники аппарата были в неведении, где находится их патрон. Большинство считало, что он болен. Так говорила его жена.

И Замман, и Ивченков отрицают (депутату не удалось-таки избежать встречи со следователем), что причиной поездки в Лос-Анджелес было приглашение от «Перестройки». Но приглашение было. Оно фигурирует в материалах проверки. Подпись Заммана в нем подделана. Это доказано экспертами МВД. Автора подделки установить вряд ли удастся.

Прилетев из-за океана, отдохнувший и.о. министра был немало удивлен тем, что его министерство еще не упразднено. До увольнения в январе 1992 года Ивченков проработал заместителем нового министра Эллы Памфиловой. Она-то и обнаружила пропажу денег. Ивченков не стал ждать, когда от него потребуют объяснений. Он ушел из министерства без лишнего шума.

Ни дела, ни денег

Бывший и.о. не остался без работы. В свое время у С.Ивченкова работал Михаил Ханухов: руководил несуществующим главком. Сейчас М.Ханухову представилась возможность отблагодарить патрона, назначив его директором несуществующего отделения «социальных и благотворительных программ» фирмы «ГЕМ».

Завершив карьеру чиновника, Ивченков продолжил карьеру политика: в начале 1993 года он выдвинул свою кандидатуру на пост главы московского правительства. Следствие депутата Верховного Совета не смущает.

Зато смущена Элла Памфилова. Ее запрос в комиссию по депутатской этике относительно депутата С.Ивченкова так и остался без ответа.

По сути, инцидент исчерпан. Уголовное дело против Ивченкова не заведено. Виновных, стало быть, нет. Денег нет тоже.

Впрочем, кое-что министерство сумело отвоювать. Атику Замману не хочется прерывать так выгодно начавшийся в России бизнес. Он не отрицает, что обязан вернуть долг. К 6 апреля министерство социальной защиты населения получило от него 235 миллионов рублей.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Все «К теме истории» Готфрида Бенна, крупнейшего немецкого поэта XX века, было впервые опубликовано в Германии в 1959 году, через три года после смерти автора. Написано же оно предположительно в 1943 году, в разгар войны.

В 50-е годы Бенн пользовался огромным влиянием в литературе ФРГ, им восхищались, ему подражали. И это после того, как на протяжении многих лет сначала нацистская, а потом союзническая цензура не допускала его к читателю.

Участник первой мировой войны, врач по профессии, он развивался как поэт в русле экспрессионизма, поразил публику стихами сборников

«Морг» (1912) и «Плоть» (1917). В 20-е годы он был одним из самых знаменитых и почитаемых поэтов, в 1932-м избран членом Прусской академии искусств. На фоне его абсолютной аполитичности, демонстративной самоизоляции полнейшей и неприятной неожиданностью для многих стал ряд его публичных заявлений, которыми он приветствовал приход к власти фашизма.

Бенн оказался едва ли не единственным крупным писателем, поставившим свое имя на службу национал-социализму. Однако этот противоестественный альянс довольно быстро исчерпал себя: с 1936 года Бенна не издавали и исключили из Имперской палаты письменности. Стоит заметить, что примерно с 1934–1935 годов многие консервативные литераторы, поначалу восторженно приняв-

шие Гитлера — ведь он освобождал их от «позора Версаля» и от «разнузданной» веймарской демократии, испытали, как и Бенн, сильнейшее разочарование, столкнувшись на практике с нацизмом.

Бенн довольно быстро разобравшись в том, что представляет собой «реальный национал-социализм», попытался, оставаясь военным врачом, сохранить изолированную, несвязанную позицию, не участвовать в объединении «крыс и мокриц», как он называл членов «Союза национальных писателей», и даже членство в академии воспринимал как тягостное.

Испытавший сильнейшее влияние Ницше, приверженец идей нигилизма, он создал свою теорию «двух империй», «двух царств», не соприкасающихся между собой: в его мироощущении полностью разделены жизнь

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

и искусство, дух и власть.

Безнадежность его мироощущения снимается надеждой, что вырастут новые поколения, не отравленные духом националистического «оздоровления», и последующая история сможет стать иной, не замешенной на крови.

Публикацию подготовила
доктор филологических наук
Ирина Млечина

К теме истории

Готфрид Бенн (1886–1956)

Движение оздоровления! (Подразумевается национал-социализм!) «За око — два, за зуб — всю челюсть» — вот их принцип оздоровления; их чувство вставало против оценок с точки зрения морали. Преклонение перед властью, пусть она представляет самые подлые, самые глупые взгляды, самые шакальи повадки, лишь бы это была власть: фюрер, приказывая, мы следуем за тобой!

Люмпены от рождения и натренированные убийцы; все остальное среди них, что не подпадает под эти два понятия, — всего лишь декоративные растения; арабески. Подобными декорациями они охотно окружают себя, например, Геббельс непрерывно говорит об искусстве, это выглядит так, как если бы дождевые черви сказали: «Ну до чего же мы стремительный народ, вот вчера мы видели птицу, так ей приходилось работать крыльями, чтобы продвинуться вперед».

Толстый рейхсмаршал с орденами и медалями от щитовидной железы до селезенки, когда он в своих речах не знает, что же сказать дальше, он всегда влетает фразу: «До чего же это величественно, друзья мои!» И в самом деле величественно, сколько всего отдельные персонажи заполучили от своего движения: охотничьи замки, заповедники с пасущимися сернами — подлинное оздоровление исходит для некоторых из этого оздоровительного движения!

Германия спустилась с цепи своего Зверя, писал Генрих Манн вскоре после отъезда в эмиграцию, но все, что писали эмигранты, нам здесь было не по нраву. Однако были это бестии или все-таки немцы, которые подвер-

гались здесь оздоровлению, снова и снова спрашивали мы себя.

Им и в голову не приходит мысль о внутреннем воспитании, о следовании моральному принципу или профилактическому разуму, дабы привести себя в порядок и держать в форме, у них свои «порывы», это по-фаустовски, — а потом они хотят быть спасенными.

Образ жизни их высших персон еще в мирные времена подтверждает Генрих Манн. Вот они сидят на торжественном заседании Германской академии, куда их пригласил Геббельс. Великие дирижеры, штатные профессора философии или физики, почетные сенаторы еще из старых добрых времен, кавалеры «Ордена за заслуги» (для гражданских лиц), председатели имперских судов, титулованные особы, приближенные кайзера, издатели, «желательные» сочинители романов, специалисты по Гёте, лица, занимающиеся охраной памятников, актеры и руководители государственных театров, почтенный коммерсант — и все они без исключения спокойно внимают антисемитской болтовне министра.

Они с интересом оглядываются по сторонам, они хлопают в ладоши. Совсем недавно философский факультет изгнал Томаса Манна из числа почетных докторов. Факультет естественных наук отправил в лагерь исследователя расовых проблем, который отказался пользоваться идиотскими теориями. Каждый из присутствующих знает, что один из благороднейших священнослужителей, бывший командир подводной лодки с двенадцатью боевыми рейдами, подвергается пыткам в лагере, ибо он учил, что Бог более велик, чем этот Гитлер. Каждый из присутствующих ученых осведомлен о том, что мнение портье и управляющих кварталами внимательно выслушивается, когда решается вопрос о

том, стоит ли дать кафедру живущему в данном квартале ученому. Все они без исключения видят грузовики, на которые швыряют еврейских детей, выводимых из домов у всех на глазах, чтобы те исчезли навсегда. И это плод идей этого министра. Все они хлопают в ладоши, аплодируя Геббельсу.

Вот они сидят: потомки старинных родов бок о бок с выходцами из многочисленных семей священнослужителей, из уст которых на протяжении четырехсот лет пятьдесят два раза в год звучали проповеди, призывающие к любви. Плечом к плечу с почтенным купцом, чьим законом должна была бы быть верность данному слову и заключенному договору; все они участвуют в убийстве евреев и обогащении за счет их имущества, нападают на малые народы и разграбляют их с полной естественностью без остатка. А теперь они «до глубины души» и «до последнего конца», и «целиком и полностью» занимаются чисткой культуры.

Ни один из них не чувствует себя связанным с какой-либо традицией, каким-то семейным происхождением или образом мысли, поведением своих предков, их наследием — но зато все это они называют расой.

Германская академия! Ни один не поднимется со своего места, не плюнет на декоративные растения, не наступит ногой на кадку с пальмой и не заявит, что непристойно утверждать, будто в этом мерзком псевдонародном хулиганстве прорывается к свету какая-то смутная национальная субстанция. Здесь действуют на самом деле лишь органы народного выделения, через этот рупор нация делает под себя.

Никто не пошевеливается: великие дирижеры, кавалеры «Ордена за заслуги» (для гражданских лиц), пользующиеся международной известностью ученые, почтенный коммерсант — все аплодируют.

Особую роль снова играют естественные науки. Учение о телосложении детально занимается типом героя, указывая, что все герои имели атлетическое или худощавое телосложение и что у всех у них было повышенное кровяное давление. Медицина исследует взаимосвязи (воспаление желчного пузыря у Молтке и проигранная битва на Марне). Все лезут со своими работами, все хотят приблизиться к жизни героев, участвовать в ней, хотя бы ощутить их испарения, наверняка в них присутствует некая теллурическая заманчивость сексуального начала. Современная биология, абсолютно неспособная родить хоть одну метафизическую идею, тем активнее жаждет незаметно присоединиться и отдалась, добавляя относительно героев: «Во всяком случае, их цель поистине космическая» («Медицинская клиника», 1943, № 4). Гинекологи тоже не желают быть обойденными, они помогают вывести породу героев. В бездетных семьях это должно происходить путем искусственного оплодотворения после соответствующей проверки со стороны партийных инстанций. «Водный путь» должен быть заменен «воздушной транспортировкой». Всех мужчин — к чашке Петри и стерилизованному шприцу с длинной тупой канюлей! «Помощник по зачатию» древних германцев в образе третьего, который поставляет сперму, должен быть снова введен в обиход; духовным импульсом для гинекологии стала книга Дарре о жизненных принципах германской расы.

Сочинитель баллад просит у министра пропаганды разрешения заменить гейневские тексты песен Шуберта собственными, более близкими народному восприятию. Пресса считает это уместным.

«Евреи», — говорят военные, когда американцы высаживаются в Северной Африке...

Нет, вся Германия, поистине вся, объединяется в этом движении оздоровления, этом великом духовном движении, которое в Лодзь несет «Графа фон Люксем-

бурга», в Ставангер — «Коллега сейчас придет», в Парфенон — звуки марша «Танки рвутся в Африку», а к берегу у Сиракуз течением приносит бюст Фюрера.

То, что немцы называли идеализмом, который полагали своим особым достоинством, было всегда лишь недостатком формы и способности к структурированию. Но теперь он превратился в оргию грязи, в настоящую болотную лихорадку, на которой так хорошо заработали Геббельс и Фриче. Здесь не столько из нужды вырастала добродетель, сколько из морального запустения — высокие доходы, из шантажа — загородные дома, где все висящее на стенах было вынесено из музеев; все это у них называлось нордическим.

Нет, надо признать, это были не бестии, это была Германия, которая демонстрировала в этом движении свою идентичность, и теперь наш взгляд с сожалением, но и неизбежностью падает на особую группу живых фигур с особой выправкой, осиною талией, это вам не пушечное мясо, а отлично экипированные господа в

пурпуре и золоте. Всегда, когда надо было организовать нападение, сделать устойчивым нарушение права, мощно поддерживать политическую измену или убрать со своего места офицера старых взглядов и старого качества, чтобы потом занять его место и предать ста-

рый военный флаг, саботировать старое представление о чести; когда для взлома сейфа в высоком стиле нужны были эксперты по взрывам и взламываниям, — всегда наготове стоял генерал и рапортовал: «Так точно!»

Немецкая армия до 1938 года была внутри нацистской Германии последней элитой и последним стержнем. Вступление в армию было, как я тогда говорил, аристократической формой эмиграции. Конец начался с изгнания генерал-полковника барона фон Фрича. Все, что осталось и шло вверх, было ничтожеством. Наконец, появился указ, предписывающий, чтобы в квалификационных отчетах об офицерах указывалось не только, разделяет ли указанное лицо мировоззрение национал-социализма, но и способен ли он увлекательно передавать его другим. Это было условием дальнейшего продвижения по службе — и тут всегда наготове стоял генерал и отвечал: «Так точно!»

Генерал хочет присягнуть, кому — это вопрос второстепенный: тогда он счастливы, все остальное совершается механически. В Большом доме идель отдачи приказа. Приближается Он: фараон и его фавориты. Его лицо жирное, коричневое, довольное, он мог бы рассказывать в домашних туфлях с такой на поводке в своем небольшом садике на окраине города. Распахиваются двустворчатые двери. «Господа...» Те, к кому обращаются, встают на вытыжку, подтягивают выпяченные части тела, убирают животы.

«Господа генералы, вскоре мы снова нападём на некий народ, он мал и почти безоружен, с нашими знаменами победа будет...» Генералы демонстрируют удовлетворение. «Если вопреки ожиданиям им на помощь придет вооруженный противник, понадобятся некоторые тактические разъяснения! Материальная ценность приграничных стран составляет десять тысяч рейхсмарок за морген, поэтому четырехтонные бомбардировщики — только на промышленные центры!» Экономика, думают генералы, какой великий ум!

«Ворваться! Иприт на расселившуюся нечисть! Кислород к сейфам! Пустота поля битвы, это важнейшее понятие, означает: плафоны там и здесь, никаких предметов! Управление огнем! Управление огнем! — выложенные кирпичом ниши для гаубиц — шишковидная железа битвы — бесшумно ползут термиты!...»

Потеря собственного «Я», полное саморазрушение у генералов, все одновременно и шепеляво говорят... Генералы, шатаясь: стоять на страже и рыть окопы! Доложить полководцу: падение крепости! Сто тысяч плен-

Сначала освобожденные от морали люди ведут себя как свиньи, а потом желают быть спасенными «высшей властью»

ных! Имею честь доложить: безостановочное преследование... Докладываю: полное уничтожение... Канни!..

Генералы как во сне. Полная мгла. В тумане — ордена на шее, прозвище «Лев» (далее название местности), венки с лентами и в случае последующей гибели — лавры и мифы...

Из этих генералов многие погибли. Больше, чем в любом другом походе, и нет сомнения, что они погибли геройской смертью без колебаний и без слез.

Они не остались дома, как бонзы, эти признанные «непригодными к военной службе» клопы движения оздоровления. Но если взглянуть на всех вместе, то между ними нет никакой разницы; где бы движение оздоровления ни затевало какой-нибудь гнусный план, вставал генерал и отчеканивал: «Так точно!»

«История всегда была такой». С каких пор? С тех пор, как историография толкует только о войнах. А у нас, стало быть, вопреки Шиллеру и его идеям универсальной истории, примерно с времен Фридриха Велико-

го. Войны были раньше расширенными аренами, продолженным пятиборьем (у греков), потом затянувшимися турнирами и всегда делом профессиональных военных: трагическими они стали тогда, когда появилось народное войско, первый шаг к тотальности. Поднимают много шума по поводу неких гессенских ландграфов, которые продавали своих подданных иностранным полководцам, — но что делают в 1942 году сицилийцы в Донецком бассейне (чтобы закрепить престиж Гитлера) или бранденбургская танковая бригада в ста пятидесяти километрах от Нила (чтобы защитить империю Муссолини) — то, что они оказались там не добровольно, можно сказать со всей определенностью.

Сначала греческо-римские города, потом европейские династии, потом националистическая фразеология: смотрят системы соотносительных понятий.

Содержание истории. Чтобы вразумить самого себя, я открываю старый школьный учебник, так называемый «малый Плетц»: «Выдержки из древней, средневековой и новой истории», Берлин, 1891, издательство А.Г.Плетца.

Я открываю любую страницу, например страницу 337, на ней говорится о 1805 годе. Мы находим: одну победу на море, два перемирия, три военных союза, две коалиции, один марширует, один вступает в союз, один объединяет свои войска, один что-то усиливает, один наступает, один что-то занимает, один отступает, один захватывает некий лагерь, один отходит, один что-то завоевывает, один что-то блестяще начинает, одного берут в плен, один платит репарации, один угрожает другому, один движется на Рейн, один через Ансбахскую область, один на Вену, одного оттесняют, одного казнят, один кончает самоубийством — и все это на одной-единственной странице; все вместе это, несомненно, история болезни умалишенных.

Страница 369, 1849 год: одного снимают с должности, один становится губернатором, одного назначают главой, один торжественно входит со своими войсками, один ведет какие-то переговоры, несколько человек совместно что-то констатируют, один что-то нарушает, один что-то с себя слагает, один на что-то решается, один что-то постановляет, один что-то снова отменяет, один разделяет, другой объединяет, один пишет открытое письмо, один что-то произносит, один приходит на помощь, один нападает, один расправляется односторонне, один чего-то требует, один наступает, нарушают в этом году вообще очень многие. В целом на этой странице получается три перемирия, одна интервенция, две аннексии, три восстания, два отделения, два усмирения, три принуждения — невозможно даже представить себе какой-то вид животных, где было бы столько беспорядка и бессмысленности; а такой вид давно уже исчез бы из фауны.

В «Плетце», однако, четыреста страниц. На каждой странице те же глаголы и существительные от Менеса до Вильгельма, от Мемфиса до Версаля. Можно предположить, что каждое из действующих лиц воспринимало себя как единственное и неповторимое в истории.

Философский фон. Войны — это были распри или грабительские походы, в ходе которых где-то далеко в Турции орды бились друг с другом без внутреннего участия высших слоев населения.

Войны стали демоническими лишь тогда, когда на авансцену вышел немецкий идеализм, согласно которому все сущее разумно, стало быть, и войны стали явлением и выражением мирового духа. «Понять и представить государство как нечто разумное в себе» — гласил один из его принципов... Критика стала богохульством против мирового духа. Оценка предстала как насилие над идеей, «ибо то, что есть, разумно».

Это были десятилетия гладких пушечных стволов, из-за которых австрийцы, столкнувшись с орудиями,

заряжающимися с дульной части, проиграли французам под Солиферино и Маджента — 1859 год, когда осуществилась моторизация идеи: появилось произведение о происхождении видов. Дарвин придал борющимся ордам естественнонаучные символы и эмблемы: борьба за существование — отбор

сильных — выживание пригодных, парадный марш стал сопровождать принцип почвы. Понятия «жизнь», «действительность», «сильный» стали идентичными разуму; смешавшись с понятиями «племенной отбор», «закон», «история», они превратились в идеалистическую философию, естественнонаучную аксиому, дифирамбическое видение глетчера и солнца; Гегель, Дарвин, Ницше: они стали подлинными причинами гибели многих миллионов. Мысли убивают, слова преступнее, чем убийство, мысли мстят и героям и ордам...

Личное замечание. Мы даже не имеем представления, какая идет игра в универсальном смысле, кто и что мы вообще такое, труд и успех невозможно привести в соответствие, жизнь и смерть тоже. Мы не знаем, кто или что убило Цезаря, послало Наполеону злокачественную опухоль, так направляло ветер, что погибла Армада. Все, что происходит, всегда лишь сложная, все переплетающаяся игра скрытых сил. Размышлять о них, достигать их в материале, который земля дает нам в руки, в «камне, стихе, пении флейты», в способных сохраниться завершенных структурах — эта работа без ожиданий, но и не без надежды — и ничего другого наше время нам не сулит...

Какие бы орды ни побеждали в истории, это учение они разрушить не могли! Учение о поэтическом мире как разрушитель национализма, расизма, истории, но и всечеловеческой и индивидуальной скорби, которая является нашим врожденным, унаследованным качеством...

Возможно, самые отдаленные вещи и есть самые важные, а самые забытые — самые вечные, но все же что-то определяющее существует, тут ошибки нет. Нигилизм как отрицание истории, действительности, жизнеутверждения — великое качество, но как абсолютное отрицание реальности он означает лишь уменьшение «Я». Нигилизм — это внутренняя реальность, а именно: назначение двигаться к эстетическому толкованию, в нем завершение, результат и возможность истории...

Пожелания для (новой) Германии. Новое определение понятий «герой» и «честь». Искоренение любой персоны, которая в течение ближайших ста лет произнесет слова «Пруссия» или «рейх». Историю как управление предоставлять средним чиновникам ответственных служб, но как направление и принцип — публично подчинить европейской исполнительной власти. Детей с шести до шестнадцати лет, по выбору родителей, воспитывать за государственный счет в Швейцарии, Англии, Франции, Америке, Дании.

**ПРЕДЛАГАЕМ СО СКЛАДА
В МОСКВЕ:**

ЖАРЕНЬИ В ЗЕРКАХ
Кофе

Организация отгрузки -
любым видом транспорта
Любой вид оплаты.
Максимальная партия -
неограничена.

УНИКАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ
ЖАПУРАЛЬЖОЙ
Кожи

Шкатулки,
портмоне,
ежедневники,
папки,
визитницы.

**ТЕЛ. (095) 304-03-94,
183-00-69**

Получивший всемирное признание перуанский писатель **Марио Варгас Льюса** вполне допускает, что недавно опубликованная его автобиографическая книга под названием «Рыба в воде» может вызвать разочарование среди поклонников его литературного таланта. Хотя это произведение охватывает последние двадцать лет жизни 57-летнего писателя, большая часть посвящена трехлетнему периоду его жизни, когда Льюса с головой ушел в политику.

В 1988 году он принял участие в создании «Движения за свободу» и «Демократического фронта» и, опираясь на эти политические объединения, выдвинул свою кандидатуру на выборах президента Перу в 1990 году. Потерпев сокрушительное поражение от Альберто Фухимори, Льюса на следующий день после опубликования результатов покинул страну, обосновавшись сначала в Париже, затем в Берлине.

Он обратился к автобиографическому жанру, чтобы «осмыслить свою неожиданную эволюцию от писателя к политическому деятелю». Книга первоначально должна была называться «Рыба без воды», что, как считает сам писатель, точнее характеризует его плавание в политических водах. Действительно, он признается, что если что-то и усвоил в итоге этого своего «по-

литического трехлетия», так это «полную собственную невраждебность к профессиональной политической деятельности и абсолютное отсутствие склонности впредь ею заниматься».

Выступая на презентации своей книги, Марио Варгас Льюса, кото-

рый в свое время был коммунистом и решительно поддерживал режим Кастро на Кубе, поведал о своем полном разочаровании в политических деятелях. Для них, по словам писателя, «не имеют никакого значения ни идеи справедливости, ни какие-

либо моральные ценности».

Дрю Бэрримор стала кинозвездой, когда ей исполнилось семь лет, сыграв одну из главных «детских» ролей в знаменитом фильме Стивена Спилберга «Е.Т.». Юной актрисе предве-

щали славу новой Джоди Фостер, нужно было лишь развить успех. Следующей роли Дрю Бэрримор пришлось ждать почти десять лет.

Дрю родилась в семье актеров-неудачников (ее отец сейчас отбывает тюремное заключение). Родители рано развелись, а девочка с самого раннего возраста была предоставлена самой себе. В девять лет Дрю начала выпивать, в десять она уже совершала регулярные вояжи по ночным клубам Голливуда, курила марихуану. В двенадцать Дрю пристрастилась к кокаину. В четырнадцать с от-

На гребне «новой волны»

Почти идеальное сочетание «быстрых ног» и «золотых перьев» — вот что, по мнению главного редактора «Новой ежедневной газеты» **Сергея Кожеурова**, в самом ближайшем будущем должно вывести его издание в «высшую лигу» российской прессы.

«Новую ежедневную газету» делает группа журналистов, три месяца назад ушедших из «Комсомольской правды». Что двигало «раскольниками»? Личное честолюбие? Несогласие с линией на «просвещенный патриотизм», о которой заговорили в первых кабинетах 6-го этажа? Так или иначе «Комсомолку» покинули многие из тех, кто определял лицо этой популярной газеты на протяжении последних лет — Леонид Никитинский, Дмитрий Муратов, Акрам Муртазаев, Дмитрий Сабов, Павел Воинов, Сергей Кушнерев, Игорь Сичка. Они и составили костяк «Новой ежедневной». И сейчас, когда первые номера вышли, стало ясно: новое поколение журналистов ищет самовыражения. «Новой ежедневной газете» еще предстоит найти себя, но черты молодого журнализма прочитываются и в строках и между строк. Динамизм, экспрессия, острота не стиля даже, а мысли. Беспощадный анализ, полная независимость — никакой оглядки на авторитеты и тем более институты власти.

Коллектив газеты очень молод, средний возраст — менее тридцати. Сергея Кожеурова выбрали главным еще и потому, что он «самый взрослый» — ему скоро 40.

Сергей начинал собственным корреспондентом «Комсомолки» по Челябинской области. Подававшего надежды собора приметили и пригласили в Москву — в ЦК ВЛКСМ. Там он долго не задержался и вскоре опять вернулся в «КП» — уже редактором отдела комсомольской жизни. При своей классической «аппаратной» внешности Сергей оказался человеком чрезвычайно азартным и изобретательным. Кожеуров превратил традиционно «провальный» отдел газеты в передовой. Именно ему принадлежала идея создания в «КП» новой рубрики «Ваша позиция», где, возможно, впервые в советской печати прозвучали тезисы о необходимости многопартийности, частной собственности на землю, отмены смертной казни.

В 1989 году Кожеурова сделали заместителем главного редактора «Комсомолки». Когда же накануне перевыборов главного в «КП» назрел раскол, Сергея поддержали в основном молодые журналисты. Его кандидатуру выдвинули на должность главного редактора. Как известно, Владислав Фронин тогда большинством голосов был переизбран. В ответ многие журналисты «КП» написали заявления об уходе.

«Новую ежедневную газету» благословили, поддержали и даже согласились войти в редакционный совет Михаил Горбачев, Григорий Явлинский, Евгений Сабуров. Материальную помощь обещали оказать известные бизнесмены, актеры и поэты. Кожеуров подчеркивает, что никто из этих людей не будет владеть ни одним процентом акций издания.

Помимо собственно газеты, по словам Кожеурова, планируется выпуск еженедельного приложения «Репутация», научного приложения «Эврика», а также ежемесячника «Карманный журнал для девушек», название которого говорит само за себя.

Пока «Новая ежедневная» выходит еженедельно, но начиная со второго полугодия периодичность газеты наконец станет соответствовать названию.

чаяния попыталась покончить жизнь самоубийством, но чудом уцелела.

Сейчас Дрю Бэрримор восемнадцать и она, похоже, всерьез решила начать новую жизнь. О ней вспомнили — карьера в кино, о которой на многие годы пришлось забыть, снова стала реальностью. В прошлом году Дрю с успехом снялась в двух картинах, правда, в характерном для ее прежней жизни амплу малолетней преступницы.

Влиятельная «Нью-Йорк таймс» откликнулась на возвращение Дрю Бэрримор благодарительной рецензией, особо подчеркнув, что «этой несомненно способной актрисе вполне по плечу и главные роли».

Сама Дрю с подобной оценкой ее творчества соглашается неохотно: «Да, что-то

вроде актерского таланта у меня, и правда, имеется...»

Преподающего историю в Йельском университете английского профессора **Пола Кеннеди** называют ярким клинтоном и «гуру» Белого дома. Еще в 1987 году, когда была опубликована его книга «Взлет и падение великих держав», профессор привлек всеобщее внимание, предсказав катаклизмы в Советском Союзе и смену политических ориентиров в США.

Теперь Пол Кеннеди, который свою работу на кафедре истории совмещает с обязанностями тренера местной футбольной команды, подготовил для издания новую книгу в попытке обрисовать проблемы, с которыми человечество столкнется в начале XXI века.

По мнению профессора, радикальных и глубоких изменений в экономике и политике вполне можно добиться путем небольших сдвигов: «Если при Рейгане и затем Буше около 60 процентов ассигнований поглощали военные отрасли и лишь 0,2 процента шло на экологию, то теперь в связи с отказом от военного противостояния и приходом в Белый дом президента Клинтона и его молодой команды все будет наоборот». Кеннеди утверждает, что американская политика ныне претерпевает существенные перемены: окружающая среда, здравоохранение, исследовательская деятельность становятся главными вопросами повестки дня новой администрации.

Однако для того чтобы европейские страны смогли выдерживать новые темпы продвижения к про-

грессу, там к власти должен прийти новый политический класс. Нынешние европейские политики и предприниматели принадлежат к поколению времен «холодной войны» и, как считает Пол Кеннеди, «не способны мыслить глобально». По мнению профессора, они заняты мелкими делами и погрязли в коррупции. Только приход к

власти новых лидеров, считает он, позволит осуществить тесное сотрудничество между США и наиболее развитыми странами мира, в том числе и с Россией.

Скромный крестьянин **Ганс Ланг** из маленького австрийского селения Шардинг никогда не мог представить себе, что однажды он проснется знаменитым на всю Европу.

В солнечный августовский день далекого теперь 1987 года Ганс чинил крышу своего амбара, но неожиданно оступился и упал, ударившись головой о землю. Пять часов бригада хирургов боролась за его жизнь и совершила чудо: Ганс Ланг остался жив. Если можно назвать жизнью состо-

яние, при котором жизнедеятельность организма сохраняется, но сам человек не приходит в сознание и находится как бы в летаргическом сне.

В таком состоянии Ганс Ланг пребывал в течение шести лет. Но в один из мартовских дней совершенно неожиданно для всех, в первую очередь для врачей, а также для жены и троих детей, приехавших в венскую клинику навестить

мужа и отца в день его 37-летия, Ганс впервые за шесть лет открыл глаза, и смутная улыбка осветила его обычно безучастное лицо. В этот день он впервые за многие годы молчания произнес несколько не очень связанных слов и принял твердую пищу. Оказалось, что он прекрасно помнит свою жизнь вплоть до злополучного падения с крыши, хотя речь дается ему с большим трудом.

Австрийская печать заговорила о «шардингском чуде» и отнесла чудесное исцеление Ганса Ланга на счет успехов австрийской медицины. Однако супруга Ганса и мать его троих детей Вальтрауд придерживаются иного мнения. Она считает, что только ее любовь к мужу и то, что на протяжении всех шести лет она почти ежедневно навещала его в клинике и говорила ему о своей любви, — только это смогло вернуть ее Ганса к сознанию.

Руководитель кафедры неврологии университета в Инсбруке профессор Герстенбранд также склонен отметить вклад жены и детей в дело возвращения Ганса к активной жизнедеятельности. Профессор полагает, что, когда после реабилитационного периода в мае его пациент сможет вернуться в свой дом, его шансы на полное выздоровление еще больше увеличатся.

«Старый пионер»

Первый советский панк и один из первых диск-жокеев страны, лидер санкт-петербургской рок-группы «АукцЫон» **Олег Гаркуша** собирается отметить очередную годовщину со дня рождения Владимира Ильича выходом в свет нового сборника стихов собственного сочинения под названием «Старый пионер». Дело в том, что именно в этот день много лет назад юному Олежке впервые повязали на шею алый шелковый галстук и призвали быть готовым. И произошло это не где-нибудь, а в Разливе, в знаменитом на весь мир шалаше.

В школе «старый пионер» учился, по собственному признанию, неплохо: в основном на «тройки», но бывали и «четверки» — по русскому и литературе, а по истории — «вообще «пятерка». С поведением у будущего отца советского панка дела обстояли похуже, его родителей частенько приглашали в школу на профилактические беседы. Случались у Олежки и приводы в милицию. Он вспоминает, что однажды под впечатлением только что увиденного «Гиперболоида инженера Гарина» решил сконструировать нечто подобное. Дело было за малым: достать немного бензина для водяного пистолета. Олег решил обойтись без помощи родителей. Попытка украсть флакончик горючей смеси из «хозяйственного» была пресечена кассиром. Вызвали милицию. Однако Гаркуша вспоминает, что сразу же забыл про слезы, едва был посажен в настоящий милиционерский мотоцикл с коляской.

Сегодня все силы двухметрового Олежки уходят на стихотворчество и пение в «АукцЫоне». Впрочем, не забывает о нем и кинематограф. В последней картине «Троянский конь — на дыбы» музыкант выступает в новом для себя амплуа — главара местной мафии по кличке «Длинный».

В. Батуев

«Позвольте вас принять в моем гробу»

Быть в Акатуйе тюрьме для самых несправимых...

Редко на какой карте можно найти это гиблое место. Говорят, даже птицы падают там замертво...

Георгий Осипов

...С тарая сибирская дорога сломанною веткой упала между двух гряд невысоких сопков, и жучок-«пазик», в котором я оставался единственным пассажиром, усердно и медленно полз по ней. Я вышел, едва впереди и чуть выше показались крыши выглядевшего вполне заманчиво поселка. Но в той самой России, «которую мы потеряли», не было места страшнее.

Не горы, а норы

Как, по пословице, солдата не могли послать дальше Кушки, так и для каторжника кругом последним был этот поселок. Имя ему — Акатуй, и в знаменитой песне о Байкале на стихи Дмитрия Давыдова он попал в фольклор, хотя и несколько неудачно (в подлиннике — «худо мне было в норах Акатуя».

Норы со временем превратились в «горы»).

Я поймал себя на мысли, что дышу как-то глубже обычного, словно желая проверить утверждение Прасковьи Анненковой (она же Полина Гебль), что воздух в Акатуйе такой спертый, что даже птицы падают замертво.

«Начался» Акатуй в 1815 году, когда в эти места занесло какого-то чиновника тюремного ведомства. Видно, поглядел он на стиснувшие котловину сопки с новооткрытым серебряным рудничком, «отведал» на малоснежье зимнего морозца под минус сорок с ветерком, перемешивающим ледяную крупу с песком, секущим не хуже шпицрутенов, да и нарек в рапорте по начальству Акатуй «замечательно гиблым» местом. А коли так, решили в Петербурге, быть в Акатуйе тюрьме одиночного заключения для самых несправимых.

«Когда пронесся слух об этой мере по Сибири, — свидетельствует современник, — все ссыльные пришли в ужас... Акатуй был выбран недаром, мрачнее этой местности нет во всем Забайкалье. Здесь селится крайняя бедность, сюда идет всякий и всякая, кому не знаком прямой и честный труд... здесь помещается явный разврат и темный промысел».

Самого знаменитого из «неисправимых» доставили в Акатуй в апреле 1841 года. «Странно, — шутил он, — в России все непременно при чем-либо или ком-либо состоят... Я всегда при жандарме». Пакет с высочайшим повелением, пришед-

ший из Петербурга, не имели права вскрыть даже в губернском Иркутске (где его не без основания могли бы воспринять как смертный приговор). Только в тюремной столице — Нерчинске.

Именно оттуда государственного преступника Михаила Сергеевича Лунина, повторно арестованного за едва ли не первую попытку осмыслить исторический опыт декабризма, перевезли в акатуйскую темницу, в действительности больше напоминавшую нору. «Permettez-moi de vous faire les honneurs de mon tombeau» («позвольте вас принять в моем гробу»), — сказал Лунин сенатору Толстому, инспектировавшему забайкальские тюрьмы.

Но никак не мог этот неукротимый человек даже в Акатуйе, который, по замечанию Натана Эйдемана, был в ту пору более загадочен, чем истоки Нила и полярные пустыни, не дразнить «белого медведя», то есть верховную власть.

«Здоровье мое поразительно, — писал он Сергею Волконскому, — и если только не вздумают меня повесить или расстрелять, я способен прожить сто лет».

И накликать беду. То ли у августейшего «медведя» нервы не выдержали, то ли новый шеф III отделения Алексей Орлов давнюю дуэльную обиду припомнил...

В ночь со 2 на 3 декабря 1845 года, по официальной версии, Лунин умер от апоплексического удара. А по другим версиям, от руки, как бы теперь сказали, агента спецслужб.

От Махно до Фанни Каплан

Могила Лунина на склоне ближней сопки стала весьма почитаемым местом у следующих поколений, среди которых было немало весьма колоритных личностей. Как, например, Петр Якубович, автор тюремной эпопеи «В мире отверженных» (написанной на акатуйском материале) и знаменитого стихотворения «К Родине» («За что любить тебя? Какая ты нам мать...»). Как мало кому известный в акатуйскую свою пору Нестор Иванович Махно. Как «звезды» российского политического терроризма — Егор Сазонов, Мария Спиридонова, Фанни Каплан.

В начале 30-х годов в одном из сборников уже доживавшего свой век общества политкаторжан были опубликованы чудом прошедшие цензуру воспоминания о том, как ослепшую в Акатуйе Фанни Каплан возили на операцию в Читту, где ей удалось вернуть часть зрения. Пишу «чудом», ибо у всякого нормального человека мог естественно возникнуть вопрос: как могла полуслепая женщина с приличного расстояния да еще из пистолета попасть в вождя?

Но, видимо, те, кто задавался такими вопросами, стигнули в местах куда более страшных, чем Акатуйская тюрьма, прекратившая существование в марте 1917 года. А щупальца ГУЛАГовского спирта — по причинам до сих пор не вполне понятным — до Акатуя так и не дотянулись.

Золотой бюст на свинцовом руднике

Быть может, глухомань отпугивала даже палачей? Наш век сжал расстояния тисками скоростей, но Акатуй даже сегодня невероятно далек ото всех столбовых дорог: сначала семь тысяч верст по Транссибирской магистрали до станции Карымская, затем еще восемьсот на юго-восток, по древней однопутной железной дороге с антикварными разъездами до горняка Борзя, от него сто двадцать верст на север до деревни Базаново, от которой еще пятнадцать до Акатуя. Державишеские же на неприхотливых «кукурузниках» местные авиалинии давно отошли в область преданий.

Издавна поселок делится на две части, разделенные небольшой березовой рощицей, — Старый и Новый Акатуй. Чуть поодаль — свинцово-цинковый рудник. Старый Акатуй от Нового отделяет и ручей, в котором когда-то, по преданию, купался Лунин. Недавно возле Дома культуры металлургов поставили его бюст, зачем-то покрашенный в ядовито-золотую красочку, — очевидно, в память «золотой судьбы»? Совсем рядом — остатки тюрьмы: скромная мемориальная доска на каменном четырехугольнике стен, из которых только одна донныне сохранила могучую первородную кладку.

Зря будили?

Дома нынешнего Акатуя куда менее основательны. На один из них мне сразу же и указали — мол, живет там человек, который об Акатуе знает все. Или даже чуть больше. Местный учитель истории Альберт Николаевич Пашков.

То ли в акатуйской котловине вместе с ветрами перемешиваются и времена, но мне все время казалось, что Пашков (хотя он даже и не местный уроженец), лично знал всех акатуйских знаменитостей — и Лунина, и Махно, и неукротимого поляка Петра Высоцкого, что всякий год в день варшавского восстания варил «фирменное» мыло со своими инициалами и надписью «P.W. 29.XI.Akatuja».

Но в самый захватывающий момент пашковской рассказа о стенах тюремного замка подне их возник весьма экстравагантные одетый и явно не до конца избувшийся похмелье (накануне был профессио-

Для Михаила Лунина, как и для многих других каторжан, Акатуй оказался последним кругом

Фото автора

нальный праздник большинства жителей поселка — День металлурга) акатуйский джентльмен и, перебив историка, повел взволнованную речь о том, что декабристы, в сущности, были неплохие ребята, а Михаил Сергеевич (не Горбачев — Лунин) — так и вовсе свой мужик, «демократов энтих» разогнал бы без милости. «От людей отделаться можно, от их идей — никогда», — возможно, сказал бы ему Лунин.

А мне вспомнились совсем вроде бы недавние времена, когда в знак некоей дозволенной духовно-исторической фронтды в среде интеллектуалов почтительно престижным собирать книги о декабристах. Сейчас же вспомнить о них стало едва ли не дурным тоном, ибо оказалось, что «разбудили» они в итоге кого-то явно не того. А подвыпивший мужичок в далеком Акатуе с толком судит и о Луине, и о его друзьях по 14 декабря...

Лучше в бочке, чем в забое

Акатуй всегда был жив рудником. Иссекали одни жилы, открывались и разрабатывались другие, а сейчас, рассказывают, в ближних горах отыскали залежи молибдена и тантала. Нынешний рудник работает с 1957 года и оборудование с тех пор на нем практически не менялось. На акатуйской шахте не увидишь перепачканных черной пылью лиц, но и сфалеритогаленитовая пыль — не лучшее средство для ингаляций.

В рабочей столовой, где на столах поярче нещедрого сибирского солонца сияли знаменитые на всю округу акатуйские караваи (в эпоху их копейной цены за ними ездили едва ли не со всей Читинской области), в обеденный перерыв было на удивление тихо и почти безлюдно. Объяснение оказалось простым: шахтеру удобнее взять с собой

пресловутую сухомятку да запить ее чаем недалеко от рабочего места, прямо в забое. Пока дойдешь по длинным, темным и залитым водой галереям до клетки и поднимешься с почти километровой глубины в крошечных «бадейках», перерыв и минет.

Все, что уже написано и снято о страшных условиях шахтерского труда, о «трехсотпроцентном» износе оборудования, о зарплатах, о которых вслух говорить стыдно, верно и для Акатуя. Не зря приходят в голову другие, забытые строчки Давыдова из все той же песни:

«Милые рыбки, утешьте словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам,
В бочку полезете сами».

Однако текучести кадров на шахте практически нет: чем еще заниматься затерянным в забайкальских сопках здоровым и сильным мужчиной?

Между тем буквально в ста метрах от входа в шахту в великом изобилии свалены «хвосты», то есть отходы производства, содержащие множество редких металлов, и за разработку этих «хвостов» иностранные фирмы уже предлагали такие деньги, которые могли бы решить многие проблемы акатуйских шахтеров.

«Горсть света»

Была уже почти ночь, когда я вышел на главную акатуйскую улицу. Освещалась она разве что светлячками телевизоров в домах, и бесновавшийся на экранах депутат Павлов казался каким-то зомби с бесконечно далекой и по возможности недостижимой планеты. В пору было задаться вопросом: почему в сегодняшнем Акатуе не найти — даже в «жермinalьских» глубинах рудника — ни грамма того зла, символом и средоточием которого он когда-то считался? Нам же отсутствие этого зла — в особенности на бытовом уровне — кажется сейчас едва ли не величайшим из чудес. Почему даже здоровенные, зубастые и лохматые акатуйские сторожевые псы, коим по долгу службы надлежит класть глаз, а при случае и зуб на чужаков, глядят добродушно и даже с ленивым изумлением: «И охота была... аж из самой-то Москвы...» Или столько впитала в себя эта земля крови, стонов, проклятий и страданий, что извели они, как рудную жилу, весь «запас» зла, отпущенный этому уголку Сибири?..

Где-то совсем рядом было старое кладбище с могилой Лунина. И припомнился зачин последнего романа Роберта Штильмарка: настоятель Псково-Печорского монастыря показывает автору старые иноческие могилы. От многих даже костей не осталось, только горстка флуоресцирующего праха. «Горсть света», возможно, незримо освещающая души и пути многих о том не ведающих потомков.

С классиком «на ты»

Все знают исторические анекдоты Даниила Хармса. Но никто не знает, что в них нет ни одного реального исторического лица, кроме Сусанина и других, ему подобных, которые не в счет. Наши анекдоты гораздо лучше. В них все лица — и реальные, и исторические

Алексей Винокуров

Где же все-таки кружка?

Александр Сергеевич Пушкин, автор стихотворения «Анчар», был не дурак выпить. Бывало, проснется чуть свет и кричит няне:

— Выпьем с горя! Где же кружка?

А няня, Арина Родионовна, вставала еще раньше и прятала все кружки в доме, оставляла только стаканы. Очень она боялась, что Александр Сергеевич сопьется.

А Пушкин поднимался с постели и сразу начинал кружку искать. И все кричал:

— Выпьем с горя! Где же кружка?

И бегаёт как ненормальный — кружку ищет. Бегаёт час, другой — нету кружки. Тут он наконец успокаивался и пил из стакана, как все приличные люди.

Вот как самоотверженная старушка спасла для грядущих поколений автора стихотворения «Анчар».

А Сократ-то неграмотный был...

Сократ очень любил цикуту. Сидит, бывало, за столом, строчит, строчит, потом — бац! — стакан цикуты хлопнет — и дальше пишет.

Платон же не любил ни цикуты, ни

писать. Бывало, придет он к Сократу, сядет напротив и глядит на него завистливо. И время от времени спрашивает:

— Что это ты все пишешь — сегодня же не почтовый день?

— Я, — отвечал, бывало, Сократ, — пишу философские трактаты, которыми осчастливилу все человечество.

— Да это нечестно, что у тебя столько трактатов, а у меня ни одного нет, — говорил Платон, пытаясь потихоньку заглянуть Сократу через плечо. — Ты бы мне подарил хоть сколько-нибудь.

Но Сократ ему только пиши показывал.

Тогда Платон от злости подложил ему в цикуту немного мышьяку и Сократ как выпил, так сразу же закричал: «Ихх штербе!» — и отбросил тапочку.

А Платон собрал все его трактаты и издал большой красивой книжкой под названием «Платон. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах». А о Сократе распустил слух, что якобы тот писать не любил, почерк у него был кривой, как у курицы, и вообще он был неграмотный.

Так вся слава и досталась Платону.

Сочтемся славой

Известный русский писатель Глеб Иванович Успенский жил совсем мало. Причиной был тот факт, что он еще в юности сошел с ума.

Успенский думал, что в нем живут

два человека: один — Глеб, а другой — Иваныч. Они все время ссорились, и Успенский очень боялся, что ядовитый Глеб забудет до смерти безобидного Иваныча.

Вот однажды он возвращается домой и видит, что и Глеб, и Иваныч — оба повесились. Тут Успенский горько заплакал и пошел куда глаза глядят.

По дороге его встретил Помяловский и стал звать к себе домой. «Пойдем ко мне, — сказал ему Помяловский, — будешь писать «Очерки бурсы», а я тебя буду поить бесплатным шнапсом».

С тех пор так и было. Успенский пьет бесплатный шнапс и пишет «Очерки бурсы». Пьет и пишет, пьет и пишет. А Помяловский носит все это в журналы и публикует под своей фамилией. А потом напивается до потери сознания и валяется в трактире под лавкой.

Так у них и повелось. Успенский пишет, а Помяловский валяется.

Так никто и не узнал, что «Очерки бурсы» написал Успенский. А вся слава досталась Помяловскому.

Как на пролетариат стих нашел

Пролетарский писатель Алексей Максимович Горький очень любил плакать в каждую поэтическую жилетку. Бывало, как увидит какого-нибудь поэта, так сразу и уткнется ему в грудь, так что не оторвешь, — и плачет. И плачет. Ни одного самого задрипанного поэта не пропускал.

А еще любил пролетарский писатель, чтобы его стихи слушали другие. Но никто не хотел слушать пролетарского писателя.

Вот как-то раз он подкрался к поэту Гумилеву, бросился ему на грудь и как начал читать свои вирши! Читал и читал, едва не до смерти зачитал поэта Гумилева.

Гумилев не выдержал, подошел к пролетарскому писателю и стал бить его по морде, говоря:

— Не пиши стихов, пролетарский писатель! Не валяй дурака!

Горький тогда ничего Гумилеву не сказал, но злобу против него затаил.

Он пожаловался на Гумилева писателю Толстому. «Мы ему покажем, как бить пролетарских писателей!» — утешил его Толстой. И показали.

С той поры и началась война между поэтами и пролетарскими писателями.

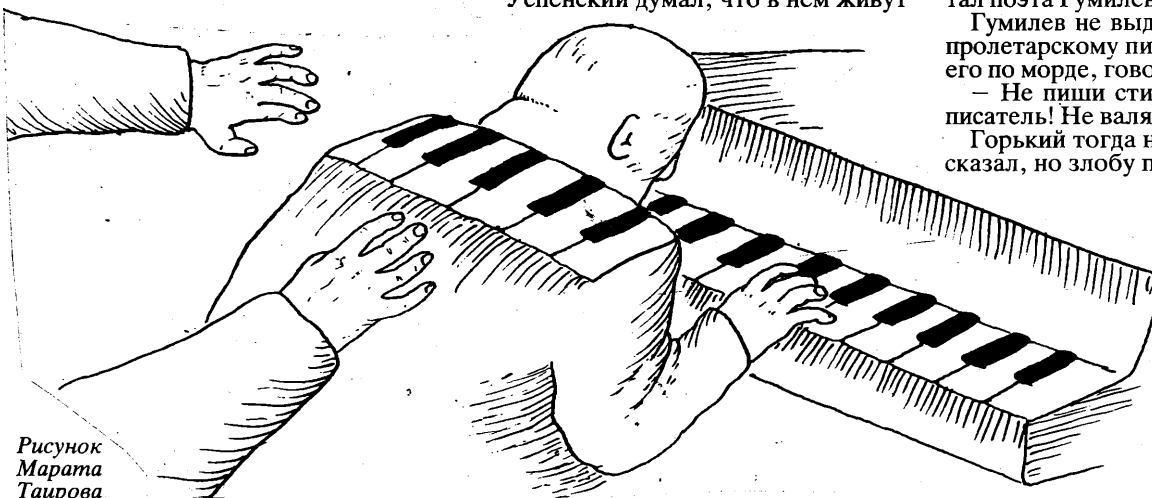
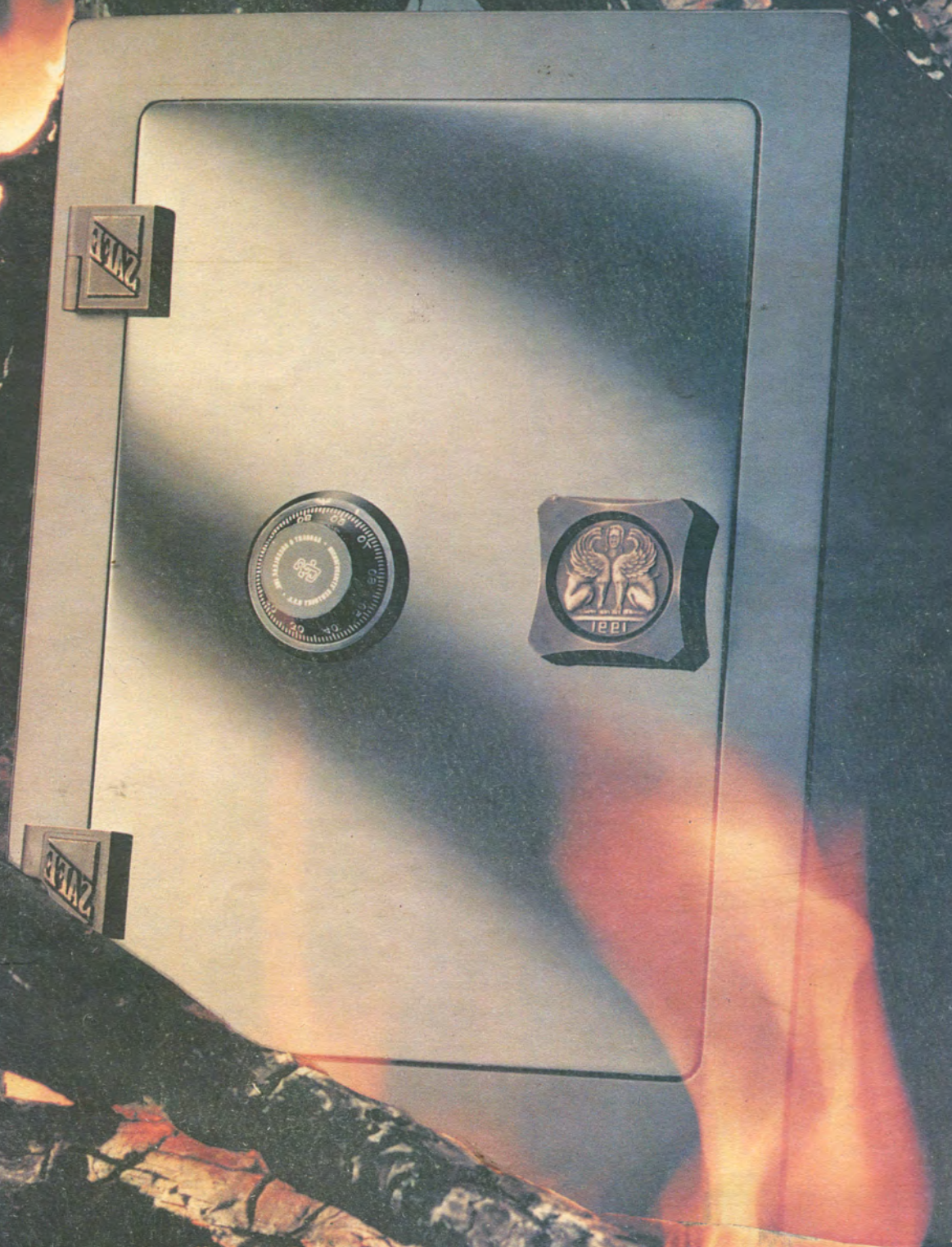

Рисунок
Марата
Таирова

ЛУЧШЕЕ В РОССИИ

Банковское оборудование и сейфы
А/О «Биоинъектор» тел./факс: (095) 946-4601
123308, Москва, ул. Д.Бедного, 2, корп.5

SPHINX

8/31

ДВАДЦАТЬ
ПРОЦЕНТОВ -
И В РУБЛЯХ,
И В ЦЕНТАХ

Это отнюдь не мало, если речь идет о 20%, скажем, от 120 000 рублей. Именно столько вы будете получать, если ваше сотрудничество состоится.

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ ВАС! Работа в качестве рекламного агента и распространителя наших изданий.

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ НАС! Своевременная оплата ваших услуг - 20% от сумм, поступивших нам за рекламу и издания. В отдельных случаях Ваш заработок может быть выплачен и в СКВ.

Порядок оформления нашего партнерства прост: в наш адрес (644033, г. Омск, ул. 14-я Северная, 133. Фирма СИБИМИ) необходимо прислать заявление о приеме на работу (в произвольной форме) и конверт со своим адресом. Мы в свою очередь вышлем Вам все необходимые документы.

Тел.: (8-381-2) 25-55-38, 25-04-60.